

В. СИРИНЪ

МАШЕНЬКА

КНИГОИЗДАТЕЛСТВО „СЛОВО“

ВЛАДИМІРЪ СІРИНЪ

МАШЕНЬКА

РОМАНЪ

1 9 2 6

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“

Copyright 1926 by Slowo-Verlag, Berlin

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ
языкахъ, принадлежатъ издательству „Слово“

Gedruckt von Gebr. Hirschbaum in Berlin O 27

Посвящаю моей жень.

... Воспомня прежнихъ лѣтъ
романы,
Воспомня прежнюю любовь...

Пушкинъ

1.

— «Левъ Глѣво... Левъ Глѣбовичъ? Ну и имя у васъ, батенька, языкъ вывихнуть можно...»

— «Можно», — довольно холодно подтвердилъ Ганинъ, стараясь разглядѣть въ неожиданной темнотѣ лицо своего собесѣдника. Онъ былъ раздраженъ дурацкимъ положеньемъ, въ которое они оба попали, и этимъ вынужденнымъ разговоромъ съ чужимъ человѣкомъ.

— «Я не спроста освѣдомился о вашемъ имени», — беззаботно продолжалъ голосъ. — «По моему мнѣнію всякое имя...»

— «Давайте, я опять нажму кнопку», — прервалъ его Ганинъ.

— «Нажимайте. Боюсь, не поможетъ. Такъ вотъ: всякое имя обязываетъ. Левъ и Глѣбъ — сложное, рѣдкое соединеніе. Оно отъ васъ требуетъ сухости, твердости, оригинальности. У меня имя поскромнѣе; а жену зовутъ совсѣмъ просто: Марія. Кстати, позвольте представиться: Алексѣй Ивановичъ Алферовъ. Простите, я вамъ, кажется, на ногу наступилъ...»

— «Очень пріятно», — сказалъ Ганинъ, нащупывая въ темнотѣ руку, которая тыкалась ему въ обшлагъ.—«А какъ вы думаете, мы еще тутъ долго проторчимъ? Пора-бы что-нибудь предпринять. Чортъ...»

— «Сядемъ-ка на лавку да подождемъ», — опять зазвучалъ надъ самымъ его ухомъ бойкій и докучливый голосъ. — «Вчера, когда я пріѣхалъ, мы съ вами столкнулись въ корридорѣ. Вечеромъ, слышу, за стѣной вы прокашлялись, и сразу по звуку кашля рѣшилъ: землякъ. Скажите, вы давно живете въ этомъ пансіонѣ?»

— «Давно. Спички у васъ есть?»

— «Нѣту. Не курю. А пансіонъ грязноватъ, — даромъ, что русскій. У меня, знаете, большое счастье: жена изъ Россіи пріѣзжаетъ. Четыре года, — шутка-ль сказать... Да-съ. А теперь не долго ждать. Нынче уже воскресенье».

— «Тьма какая...» — проговорилъ Ганинъ и хрустнулъ пальцами. — «Интересно, который часъ...»

Алферовъ шумно вздохнулъ; хлынулъ теплый, вялый запашокъ не совсѣмъ здороваго, пожилого мужчины. Есть что-то грустное въ такомъ запашкѣ.

— «Значить, — осталось шесть дней. Я такъ полагаю, что она въ субботу пріѣдетъ. Вотъ я вчера письмо отъ нея получилъ. Очень смѣшно она адресъ написала. Жаль, что такая темень, а то показалъ-бы. Что вы тамъ щупаете, голубчикъ? Эти оконца не открываются». —

— «Я не прочь ихъ разбить», — сказалъ Ганинъ.

— «Бросьте, Левъ Глѣбовичъ; не сыграть-ли намъ лучше въ какое-нибудь пти-жо? Я знаю удивительныя, самъ ихъ сочиняю. Задумайте, напримѣръ, какое-нибудь двухзначное число. Готово?»

— «Увольте», — сказалъ Ганинъ и бухнулъ раза два кулакомъ въ стѣнку.

— «Швейцаръ давно почиваетъ», — всплылъ голосъ Алферова, — «такъ что и стучать бесполезно».

— «Но согласитесь, что мы не можемъ всю ночь проторчать здѣсь».

— «Кажется, придется. А не думаете-ли вы, Левъ Глѣбовичъ, что есть нѣчто символическое въ нашей встрѣчѣ? . Будучи еще на terra фирма, мы другъ друга не знали, да такъ случилось, что вернулись домой въ одинъ и тотъ же часъ и вошли въ это помѣ-

щеньце вмѣстѣ. Кстати сказать, — какой тутъ полъ тонкій! А подъ нимъ — черный колодець. Такъ вотъ, я говориль: мы молча вошли сюда, еще не зная другъ друга, молча поплыли вверхъ и вдругъ — стопъ. И наступила тьма».

— «Въ чемъ же, собственно говоря, символъ», — хмуро спросиль Ганинъ.

— «Да вотъ, въ остановкѣ, въ неподвижности, въ темнотѣ этой. И въ ожиданьи. Сегодня за обѣдомъ этотъ, — какъ его... старый писатель... да, Подтягинъ... — спориль со мной о смыслѣ нашей эмигрантской жизни, нашего великаго ожиданья. Вы сегодня тутъ не обѣдали, Левъ Глѣбовичъ?»

— «Нѣтъ. Былъ за городомъ».

— «Теперь — весна. Тамъ, должно-быть, пріятно».

Голосъ Алферова на нѣсколько мгновений пропаль и когда снова возникъ, былъ неприятно пѣвучъ, оттого что, говоря, Алферовъ вѣроятно улыбался:

— «Вотъ когда жена моя пріѣдетъ, я тоже съ нею поѣду за городъ. Она обожаетъ прогулки. Мнѣ хозяйка сказала, что ваша комната къ субботѣ освободится?»

— «Такъ точно», — сухо отвѣтилъ Ганинъ.

— «Совсѣмъ уѣзжаете изъ Берлина?»

Ганинъ кивнулъ, забывъ, что въ темнотѣ кивокъ не виденъ. Алферовъ поерзалъ на лавкѣ, раза два вздохнулъ, затѣмъ сталъ тихо и саха-

ристо посвистывать. Помолчить и снова начнеть. Прошло минутъ десять; вдругъ наверху что-то щелкнуло.

— «Вотъ это лучше», — усмѣхнулся Ганинъ.

Въ тотъ же мигъ вспыхнула въ потолкѣ лампочка, и вся загудѣвшая, поплывшая вверхъ клѣтка налилась желтымъ свѣтомъ. Алферовъ, словно проснувшись, заморгаль. Онъ былъ въ старомъ, балахонистомъ, песочнаго цвѣта пальто, — какъ говорится, деми-сезонномъ — и въ рукѣ держаль котелокъ. Свѣтлые рѣдкіе волосы слегка растрепались, и было что-то лубочное, слащаво-евангельское въ его чертахъ, — въ золотистой бородкѣ, въ поворотѣ тощей шеи, съ которой онъ стягиваль пестренькій шарфъ.

Лифтъ тряско зацѣпился за порогъ четвертой площадки, остановился.

— «Чудеса», — заулыбался Алферовъ, открывъ дверь... — «Я думаль, кто-то наверху насъ подняль, а тутъ никого и нѣтъ. Пожалуйте, Левъ Глѣбовичъ; за вами».

Но Ганинъ, поморщившись, легонько вытолкнуль его и затѣмъ, выйдя самъ, громыхнуль въ сердцахъ желѣзной дверцей. Никогда онъ раньше не бываль такъ раздражителенъ.

— «Чудеса», — повторяль Алферовъ, — «поднялись, а никого и нѣтъ. Тоже, знаете, — символъ...»

2.

Пансіонъ былъ русскій и притомъ неприятный. Неприятно было главнымъ образомъ то, что день-денской и добрую часть ночи слышны были поѣзда городской желѣзной дороги, и оттого казалось, что весь домъ медленно ѣдетъ куда-то. Прихожая, гдѣ висѣло темное зеркало съ подставкой для перчатокъ, и стоялъ дубовый баулъ, на который легко было наскочить колѣномъ, суживалась въ голый, очень тѣсный корридоръ. По бокамъ было по три комнаты съ крупными, черными цифрами, наклеенными на дверяхъ: это были просто листочки, вырванные изъ стараго календаря — шесть первыхъ чиселъ апрѣля мѣсяца. Въ комнатѣ первоапрѣльской—первая дверь налѣво—жилъ теперь Алферовъ, въ слѣдующей — Ганинъ, въ третьей — сама хозяйка, Лидія Николаевна Дорнъ, вдова нѣмецкаго коммерсанта,

лѣтъ двадцать тому назадъ привезшаго ее изъ Сарепты и умершаго въ позапрошломъ году отъ воспаленія мозга. Въ трехъ номерахъ направо — отъ четвертаго по шестое апрѣля — жили: старый россійскій поэтъ Антонъ Сергѣевичъ Подтягинъ, Клара — полногрудая барышня съ замѣчательными синевато-кариими глазами, — и наконецъ — въ комнатѣ шестой, на сгибѣ корридора — балетные танцовщики Колинъ и Горноцвѣтовъ, оба по-женски смѣшливые, худенькіе, съ припудренными носами и мускулистыми ляжками. Въ концѣ первой части корридора была столовая, съ литографической «Тайной Вечерью» на стѣнѣ противъ двери и съ рогатыми желтыми оленьими черепами по другой стѣнѣ, надъ пузатымъ буфетомъ, гдѣ стояли двѣ хрустальныхъ вазы, бывшія когда-то самыми чистыми предметами во всей квартирѣ, а теперъ потускнѣвшія отъ пушистой пыли. Дойдя до столовой, корридоръ сворачивалъ подъ прямымъ угломъ направо: тамъ дальше, въ трагическихъ и неблаговонныхъ дебряхъ, находились кухня, каморка для прислуги, грязная ванная и туалетная келья, на двери которой было два пунцовыхъ нуля, лишенныхъ своихъ законныхъ десятковъ, съ которыми они составляли нѣкогда два разныхъ воскресныхъ дня въ настольномъ календарѣ господина Дорна. Спустя мѣсяць послѣ его кончины, Лидія Николаевна, женщина малень-

кая, глуховатая и не безъ странностей, наняла пустую квартиру и обратила ее въ пансіонъ, выказавъ при этомъ необыкновенную, нѣсколь-ко жуткую, изобрѣтательность въ смыслѣ рас-предѣленія всѣхъ тѣхъ немногихъ предметовъ обихода, которые ей достались въ наслѣдство. Столы, стулья, скрипучіе шкафы и ухабистыя кушетки разбрелись по комнатамъ, которыя она собралась сдавать и, разлучившись такимъ об-разомъ другъ съ другомъ, сразу поблекли, при-няли унылый и нелѣпый видъ, какъ кости раз-обраннаго скелета. Письменный столъ покой-ника, дубовая громада съ желѣзной чернильни-цей въ видѣ жабы и съ глубокимъ, какъ трюмъ, среднимъ ящикомъ, оказался въ первомъ но-мерѣ, гдѣ жилъ Алферовъ, а вертящійся табу-ретъ, нѣкогда приобрѣтенный со столомъ этимъ вмѣстѣ, сиротливо отошелъ къ танцорамъ, жившимъ въ комнатѣ шестой. Чета зеленыхъ кресель тоже раздѣлилась: одно скучало у Га-нина, въ другомъ сиживала сама хозяйка или ея старая такса, черная, толстая сучка съ сѣдою мордочкой и висячими ушами, бархатными на концахъ, какъ бахрома бабочки. А на полкѣ, въ комнатѣ у Клары, стояло ради украшенія нѣсколько первыхъ томовъ энциклопедии, межъ тѣмъ какъ остальные тома попали къ Подтя-гину. Кларѣ достался и единственный прилич-ный умывальникъ съ зеркаломъ и ящиками; въ каждомъ же изъ другихъ номеровъ былъ просто

плотный поставецъ, и на немъ жестяная чашка съ такимъ же кувшиномъ. Но вотъ кровати пришлось прикупить, и это госпожа Дорнъ сдѣлала скрѣпя сердце, не потому что была скупа, а потому что находила какой-то сладкій азартъ, какую-то хозяйственную гордость въ томъ, какъ распредѣляется вся ея прежняя обстановка, и въ данномъ случаѣ ей досадно было, что нельзя распилить на нужное количество частей двухспальную кровать, на которой ей, вдовѣ, слишкомъ просторно было спать. Комнаты она убирала сама, да притомъ кое-какъ, стряпать-же вовсе не умѣла и держала кухарку,—грозу базара, огромную рыжую бабищу, которая по пятницамъ надѣвала малиновую шляпу и катила въ сѣверные кварталы промыслять своею соблазнительной тучностью. Лидія Николаевна въ кухню входить боялась, да и вообще была тихая, пугливая особа. Когда она, сѣменя тупыми ножками, пробѣгала по корридору, то жильцамъ казалось, что эта маленькая, сѣдая, курносая женщина вовсе не хозяйка, а такъ, просто, глупая старушка, попавшая въ чужую квартиру. Она складывалась, какъ тряпичная кукла, когда по утрамъ быстро собирала щеткой соръ изъ подъ мебели,—и потомъ исчезала въ свою комнату, самую маленькую изъ всѣхъ, и тамъ читала какія-то потрепанныя нѣмецкія книжонки или же просматривала бумаги покойнаго мужа, въ которыхъ не понимала ни аза.

Одинъ только Подтягинъ заходилъ въ эту комнату, поглаживалъ черную ласковую таксу, пощипывалъ ей уши, бородавку на сѣдой мордочкѣ, пытался заставить собачку подать кривую лапу и рассказывалъ Лидіи Николаевнѣ о своей стариковской, мучительной болѣзни и о томъ, что онъ уже давно, полгода, хлопочеть о визѣ въ Парижъ, гдѣ живетъ его племянница, и гдѣ очень дешево длинныя хрустящія булки и красное вино. Старушка кивала головой, иногда спрашивала его о другихъ жильцахъ и въ особенности о Ганинѣ, который ей казался во все не похожимъ на всѣхъ русскихъ молодыхъ людей, перебивавшихъ у нея въ пансіонѣ. Ганинъ, проживъ у нея три мѣсяца, собирался теперь съѣзжать, сказалъ даже, что освободить комнату въ эту субботу, но собирался онъ уже нѣсколько разъ, да все откладывалъ, перерѣшалъ. И Лидія Николаевна со словъ стараго мягкаго поэта знала, что у Ганина есть подруга. Въ томъ то и была вся штука.

За послѣднее время онъ сталъ вялъ и угрюмъ. Еще такъ недавно онъ умѣлъ, не хуже японскаго акробата, ходить на рукахъ, стройно вскинуть ноги и двигаясь, подобно парусу, умѣлъ зубами поднимать стулъ и рвать веревку на тугомъ бицепсѣ. Въ его тѣлѣ постоянно игралъ огонь, — желанье перемахнуть черезъ заборъ, расшатать столбъ, словомъ — ахнуть, какъ говорили мы въ юности. Теперь же ослабла какая-

то гайка, онъ сталъ даже горбиться, и самъ признавался Подтягину, что «какъ баба» страдаетъ бессонницей. Плохо онъ спалъ и въ ту ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, послѣ двадцати минутъ, проведенныхъ съ развязнымъ господиномъ въ застрявшемъ лифтѣ. Въ понедѣльникъ утромъ онъ долго просидѣлъ нагишомъ, сцѣпивъ между колѣнъ протянутыя, холодноватыя руки, ошеломленный мыслью, что и сегодня придется надѣть рубашку, носки, штаны, — всю эту потомъ и пылью пропитанную дрянь, — и думалъ о цирковомъ пуделѣ, который выгладитъ въ человѣческихъ одеждахъ до ужаса, до тошноты жалкимъ. Отчасти эта вялость происходила отъ бездѣлья. Особенно трудиться ему сейчасъ не приходилось, такъ какъ за зиму онъ накопилъ нѣкоторую сумму, отъ которой впрочемъ оставалось теперь марокъ двѣсти, не больше: эти три послѣднихъ мѣсяца обошлись дороговато.

Въ прошломъ году, по приѣздѣ въ Берлинъ, онъ сразу нашель работу и потомъ до января трудился, — много и разнообразно: зналъ желтую темноту того ранняго часа, когда ѣдешь на фабрику; зналъ тоже, какъ ноютъ ноги послѣ того, какъ десять извилистыхъ верстъ пробѣжишь съ тарелкой въ рукѣ между столиковъ въ ресторанѣ „Pir Goroï“; зналъ онъ и другіе труды, бралъ на комиссію все, что подвернется, — и бублики, и брилліантинъ и просто брил-

ліанты. Не брезговаль онъ ничѣмъ: не разъ даже продаваль свою тѣнь подобно многимъ изъ насъ. Иначе говоря, ѣздилъ въ качествѣ статиста на съемку, за городъ, гдѣ въ балаганномъ сараѣ, съ мистическимъ пискомъ закипали свѣтомъ чудовищные фацеты фонарей, наведенныхъ, какъ пушки, на мертвенно-яркую толпу статистовъ, палили въ упоръ бѣлымъ убійственнымъ блескомъ, озаряя крашеный воскъ застывшихъ лицъ, щелкнувъ, погасали, — но долго еще въ этихъ сложныхъ стеклахъ дотлѣвали красноватая зори: — нашъ человѣческій стыдъ. Сдѣлка была совершена, и безымянные тѣни наши пущены по міру.

Оставшихся денегъ было бы достаточно, чтобы выѣхать изъ Берлина. Но для этого пришлось бы порвать съ Людмилой, а какъ порвать, — онъ не зналъ. И хотя онъ поставилъ себѣ срокомъ недѣлю и объявилъ хозяйкѣ, что окончательно рѣшилъ съѣхать въ субботу, Ганинъ чувствовалъ, что ни эта недѣля, ни слѣдующая не измѣнятъ ничего. Межъ тѣмъ тоска по новой чужбинѣ особенно мучила его именно весной. Окно его выходило на полотно желѣзной дороги, и потому возможность уѣхать дразнила неотвязно. Каждая пять минутъ сдержаннымъ гуломъ начиналъ ходить домъ, затѣмъ громада дыма вздымалась передъ окномъ, заслоня бѣлый берлинскій день, медленно расплывалась, и тогда ви-

день былъ опять вѣеръ полотна, суживающійся вдаль, между черныхъ заднихъ стѣнъ, словно срѣзанныхъ, домовъ, и надъ всѣмъ этимъ небо, блѣдное какъ миндальное молоко.

Ганину было бы легче, если бы онъ жилъ по ту сторону корридора, въ комнатѣ Подтягина, Клары или танцоровъ: окна тамъ выходили на скучноватую улицу, поперекъ которой висѣлъ, правда, желѣзнодорожный мостъ, но гдѣ не было зато блѣдной, заманчивой дали. Мостъ этотъ былъ продолженьемъ рельсъ, видимыхъ изъ окна Ганина, и Ганинъ никогда не могъ отдѣлаться отъ чувства, что каждый поѣздъ проходитъ незримо сквозь толщу самага дома: вотъ онъ вошелъ съ той стороны, призрачный гулъ его расшетываетъ стѣну, толчками пробирается онъ по старому ковру, задѣваетъ стаканъ на рукомоиникѣ, уходитъ, наконецъ, съ холоднымъ звономъ въ окно, — и сразу за стекломъ вырастаетъ туча дыма, спадаетъ, и виденъ городской поѣздъ, изверженный домомъ: тускло-оливковые вагоны съ темными сучьими сосками вдоль крышъ и куций паровозъ, что, не тѣмъ концомъ прицѣпленный, быстро пятится, оттягиваетъ вагоны въ бѣлую даль между слѣпыхъ стѣнъ, сажная чернота которыхъ мѣстами облупилась, мѣстами испещрена фресками устарѣлыхъ рекламъ. Такъ и жилъ весь домъ на желѣзномъ сквознякѣ.

— «У́хвать-бы», тоскливо потягивался Ганинъ и сразу осѣкался: а какъ же быть-то съ Людмилой? Ему было смѣшно, что онъ такъ обмякъ. Въ прежнее время (когда онъ ходилъ на рукахъ или же прыгалъ черезъ пять стульевъ) онъ умѣлъ не только управлять, но и играть силой своей воли. Бывало, онъ упражнялъ ее, заставлялъ себя, напримѣръ, встать съ постели среди ночи, чтобы выйти на улицу и бросить въ почтовый ящикъ окурокъ. А теперь онъ не могъ заставить себя сказать женщинѣ, что онъ ее больше не любитъ. Третьяго дня она пять часовъ просидѣла у него; вчера, въ воскресенье, онъ цѣлый день провелъ съ нею на озерахъ подъ Берлиномъ, не могъ ей отказать въ этой дурацкой поѣздкѣ. Ему теперь все противно было въ Людмилѣ: желтая лохмы, по модѣ стриженные, двѣ дорожки невыбритыхъ темныхъ волосковъ сзади на узкомъ затылкѣ, томная темнота вѣкъ, а главное — губы, покрашенные до лиловаго лоску. Ему противно и скучно было, когда послѣ схватки механической любви она, одѣваясь, шурилась, отчего глаза ея сразу дѣлались неприятно-мохнатыми, и говорила: «я, знаешь, такая чуткая, что отлично замѣчу, какъ только ты станешь любить меня меньше». Ганинъ не отвѣчалъ, отворачивался къ окну, гдѣ выростала бѣлая стѣна дыма, и тогда она посмѣивалась въ носъ и глуховатымъ шопоткомъ подзывала: «ну, поди

сюда...» Тогда ему хотѣлось заломить руки, такъ, чтобы сладко и тоскливо хрустнули хрящи, и спокойно сказать ей: «убирайся-ка, ма-тушка, прощай». вмѣсто этого онъ улыбался, склонялся къ ней. Она бродила острыми, словно фальшивыми, ногтями по его груди и выпучивала губы, моргала угольными рѣсницами, изображая, какъ ей казалось, обиженную дѣвочку, капризную маркизу. Онъ чувствовалъ запахъ ея духовъ, въ которомъ было что-то неспрятное, несвѣжее, пожилое, хотя ей самой было всего двадцать пять лѣтъ. Онъ дотрагивался губами до ея маленькаго, теплаго лба, и тогда она все забывала, — ложь свою, которую она, какъ запахъ духовъ, всюду влачила за собой, ложь дѣтскихъ словечекъ, изысканныхъ чувствъ, орхидей какихъ-то, которыя она будто-бы страстно любить, какихъ-то По и Бодлеровъ, которыхъ она не читала никогда, забывала все то, чѣмъ думала плѣнить, и модную желтизну волосъ, и смугловатую пудру, и шелковые чулки поросычьяго цвѣта,—и всѣмъ своимъ слабымъ, жалкимъ, ненужнымъ ему тѣломъ припадала къ Ганину, закинувъ голову.

И тоскуя и стыдясь, онъ чувствовалъ, какъ бессмысленная нѣжность, — печальная теплота, оставшаяся тамъ, гдѣ очень мимолетно скользнула когда-то любовь, — заставляетъ его прижиматься безъ страсти къ пурпурной резинѣ ея поддающихся губъ, но нѣжностью

этой не былъ заглушенъ спокойный насмѣшли-
вый голосъ, ему совѣтовавшій: «а что, молю,
если вотъ сейчасъ отшвырнуть ее?»

Вздохнувъ, онъ съ тихой улыбкой глядѣлъ
на ея поднятое лицо и ничего не могъ ей отвѣ-
тить, когда, вцѣпившись ему въ плечи, она ле-
тучимъ какимъ-то голосомъ — не тѣмъ преж-
нимъ носовымъ шопоткомъ — молила, вся уле-
тала въ слова: «Да скажи ты мнѣ наконецъ, —
ты меня любишь?» Но замѣтивъ что-то въ его
лицѣ, — знакомую тѣнь, невольную суровость,
— она опять вспоминала, что нужно очаровы-
вать — чуткостью, духами, поэзіей — и при-
нималась опять притворяться то бѣдной дѣвоч-
кой, то изысканной куртизанкой. И Ганину
становилось скучно опять, онъ шагаль вдоль
комнаты отъ окна къ двери и обратно, до слезъ
позѣвываль, и она, надѣвая шляпу, искоса въ
зеркало наблюдала за нимъ.

Клара, полногрудая, вся въ черномъ шелку,
очень уютная барышня, знала, что ея подруга
бываетъ у Ганина, и ей становилось тоскливо и
неловко, когда та рассказывала ей о своей люб-
ви. Кларѣ казалось, что эти чувства должны
быть тише, безъ ирисовъ и скрипичныхъ
вскриковъ. Но еще невыносимѣе было, когда
подруга, щурясь и выпуская сквозь ноздри па-
пиросный дымъ, начинала ей передавать еще не
остывшія, до ужаса опредѣленные подробно-
сти, послѣ которыхъ Клара видѣла чудовищ-

ные и стыдные сны. И послѣднее время она избѣгала Людмилу изъ боязни, что подруга въ конецъ ей испортитъ то огромное и всегда праздничное, что зовется смазливимъ словомъ «мечта». Острое, нѣсколько надменное лицо Ганина, его сѣрые глаза съ блестящими стрѣлками, расходящимися вокругъ особенно крупныхъ зрачковъ, и густыя, очень темныя брови, составлявшія, когда онъ хмурился или внимательно слушалъ, одну сплошную черную черту, но зато распахивавшіяся, какъ легкія крылья, когда рѣдкая улыбка обнажала на мигъ его прекрасныя, влажно-бѣлыя зубы, эти рѣзкія черты такъ нравились Кларѣ, что она въ его присутствіи терялась, говорила не такъ, какъ говорить-бы хотѣла, да все похлопывала себя по каштановой волнѣ прически, наполовину прикрывавшей ухо, или-же поправляла на груди черныя складки, отъ чего сразу у нея выдавалась впередъ нижняя губа, и намѣчался второй подбородокъ. Впрочемъ, съ Ганинымъ она встрѣчалась не часто, разъ въ день за обѣдомъ, и только однажды ужинала съ нимъ и съ Людмилой въ той скверной пивной, гдѣ онъ по вечерамъ ѣлъ сосиски съ капустой или холодную свинину. За обѣдомъ въ унылой пансіонной столовой она сидѣла противъ Ганина, такъ какъ хозяйка размѣстила своихъ жильцовъ приблизительно въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ находились ихъ комнаты: такимъ образомъ Клара

сидѣла между Подтягинимъ и Горноцвѣтовымъ, а Ганинъ между Алферовымъ и Колинымъ. Маленькая, черная, меланхолически-чопорная фигура самой госпожи Дорнъ въ концѣ стола, между обращенныхъ другъ къ другу черезъ столъ профилей напудренныхъ, жеманныхъ танцоровъ, которые быстро-быстро съ какими-то птичьими ужимками заговаривали съ ней, казалась очень неумѣстной, жалкой и потерянной. Она сама говорила мало, стѣсненная своей легкой глухотой, и только слѣдила, чтобы громадная Эрика во-время приносила и уносила тарелки. И то и дѣло ея крошечная, морщинистая рука, какъ сухой листъ, взлетала къ висячему звонку и спадала опять, мелькнувъ блеклой желтизной.

Когда, въ понедѣльникъ, около половины третьяго, Ганинъ вошелъ въ столовую, всѣ уже были въ сборѣ. Алферовъ, увидя его, привѣтливо улыбнулся, привсталъ, но Ганинъ руки не подалъ и, молча кивнувъ, занялъ свое мѣсто рядомъ съ нимъ, заранѣе проклиная прилипчиваго сосѣда. Подтягинъ, опрятный скромный старикъ, который не ѣлъ, а кушалъ, шумно присасывая и придерживая лѣвой рукой салфетку, заткнутую за воротникъ, посмотрѣлъ поверхъ стеколъ пенснэ на Ганина и потомъ съ неопредѣленнымъ вздохомъ снова принялся за супъ. Ганинъ въ минуту откровенности какъ-то рассказалъ ему о тяжелой Людмилиной

любви и теперь жалѣлъ объ этомъ. Колинъ, его сосѣдъ слѣва, передалъ ему съ дрожащей осторожностью тарелку супу и при этомъ взглянулъ на него такъ вкрадчиво, такъ улыбнулись его странные, съ поволокой, глаза, что Ганину стало неловко. Межъ тѣмъ справа уже бѣжалъ масломъ смазанный тенорокъ Алферова, возражавшаго на что-то сказанное Подтягинимъ, сидѣвшимъ противъ него.

— «Напрасно хааете, Антонъ Сергѣевичъ. Культурнѣйшая страна. Не чета нашей сторо-нушкѣ».

Подтягинъ ласково блеснулъ стеклами и обратился къ Ганину.

— «Поздравьте меня, сегодня мнѣ прислали визу. Прямо хоть орденскую ленту надѣвай да къ президенту въ гости».

У него былъ необыкновенно пріятный голосъ, тихій, безъ всякихъ повышеній, звукъ мягкій и матовый. Полное, гладкое лицо, съ сѣдою щеточкой подъ самой нижней губой и съ отступающимъ подбородкомъ, было какъ-будто покрыто сплошнымъ красноватымъ загаромъ, и ласковыя морщинки отходили отъ ясныхъ, умныхъ глазъ. Въ профиль онъ былъ похожъ на большую посѣдѣвшую морскую свинку.

— «Очень радъ», — сказалъ Ганинъ: — «Когда-же вы ѣдете?»

Но Алферовъ не далъ старику отвѣтить и продолжалъ, дергая по привычкѣ шеей, то-

щей, въ золотистыхъ волоскахъ, съ крупнымъ прыгающимъ кадыкомъ:

— «Я совѣтую вамъ здѣсь остаться. Чѣмъ тутъ плохо? Это, такъ сказать, прямая линія. Франція скорѣе зигзагъ, а Россія наша, та — просто загогулина. Мнѣ очень нравится здѣсь: и работать можно, и по улицамъ ходить приятно. Математически доказываю вамъ, что если уже гдѣ-нибудь жительствовавать...»

— «Но я же говорю вамъ», мягко прервалъ Подтягинъ, — «горы бумагъ, гроба картонные, папки, папки безъ конца! Полки подъ ними такъ и ломаются. И полицейскій чиновникъ, пока отыскалъ мою фамилію, чуть не подохъ отъ натуги. Вы вообще не можете себѣ и представить (при словахъ «и представить» Подтягинъ тяжело и жалобно повелъ головой), сколько человѣку нужно перестрадать, чтобы получить право на выѣздъ отсюда. Однихъ бланковъ сколько я заполнилъ. Сегодня ужъ думалъ — слукнуть мнѣ выѣздную визу... Куда тамъ... Послали сниматься, а карточки только вечеромъ будутъ готовы».

— «Очень все правильно», — закивалъ Алферовъ, — «такъ и должно быть въ порядочной странѣ. Тутъ вамъ не російскій кавардакъ. Вы обратили вниманіе, напримѣръ, что на парадныхъ дверяхъ написано? «Только для господъ». Это знаменательно. Вообще говоря, разницу между, скажемъ, нашей страной и этой

можно такъ выразить: вообразите сперва кривую, и на ней...»

Ганинъ, не слушая дальше, обратился къ Кларѣ, сидѣвшей противъ него:

— «Меня вчера просила Людмила Борисовна вамъ передать, чтобъ вы ей позвонили, какъ только вернетесь со службы. Это насчетъ кинематографа, кажется».

Клара растерянно подумала: «какъ онъ это такъ просто говорить о ней... Вѣдь онъ знаетъ, что я знаю...»

Она спросила ради приличія:

— «Ахъ, вы ее вчера видѣли?»

Ганинъ удивленно двинулъ бровями и продолжалъ ѣсть.

— «Я не совсѣмъ понимаю вашу геометрію», — тихо говорилъ Подтягинъ, осторожно счищая ножикомъ хлѣбныя крошки себѣ въ ладонь. Какъ большинство старѣющихъ поэтовъ, онъ былъ склоненъ къ простой человѣческой логикѣ.

— «Да какъ-же, это такъ ясно», — взволновался Алферовъ, — «вообразите...»

— «Не понимаю», — твердо повторилъ Подтягинъ и, откинувъ слегка голову, высыпалъ собранныя крошки себѣ въ ротъ. Алферовъ быстро развелъ руками, сшибъ стаканъ Ганина.

— «Ахъ, извините!..»

— «Пустой», — сказалъ Ганинъ.

— «Вы не математикъ, Антонъ Сергѣичъ», — суетливо продолжалъ Алферовъ. — «А я на чистлахъ, какъ на качеляхъ, всю жизнь прокачался. Бывало, говорилъ женѣ: разъ я математикъ, ты мать-и-мачеха...»

Горноцвѣтовъ и Колинъ залились тонкимъ смѣхомъ. Госпожа Дорнъ вздрогнула, испуганно посмотрѣла на обоихъ.

— «Однимъ словомъ: цифра и цвѣтокъ», — холодно сказалъ Ганинъ. Только Клара улыбнулась. Ганинъ сталъ наливать себѣ воды, всѣ смотрѣли на его движеніе.

— «Да, вы правы, нѣжнѣйшій цвѣтокъ», — протяжно сказалъ Алферовъ, окинувъ сосѣда своимъ блестящимъ, разсѣяннымъ взглядомъ. — «Прямо чудо, какъ она пережила эти годы ужаса. Я вотъ увѣренъ, что она пріѣдетъ сюда цвѣтушая, веселая... Вы — поэтъ, Антонъ Сергѣевичъ, опишите-ка такую штуку, — какъ женственность, прекрасная русская женственность, сильнѣе всякой революціи, переживаетъ все, — невзгоды, терроръ...»

Колинъ шепнулъ Ганину: «Вотъ онъ опять... Вчера уже только и было рѣчи, что объ его женѣ...»

— «Экій пошлякъ», — подумалъ Ганинъ, глядя на движущуюся бородку Алферова: — «а жена у него, вѣрно, шустрая... Такому не измѣнять — грѣхъ...»

— «Сегодня — барашекъ», — провозгласила вдругъ Лидія Николаевна деревяннымъ голоскомъ, исподлобья глядя, какъ жильцы ея невнимательно ѣдятъ жаркое. Алферовъ почему-то поклонился и продолжалъ:

— «Напрасно, батюшка, не берете такой темы». — (Подтягинъ мягко, но рѣшительно моталъ головой). — «Можетъ быть, когда увидите мою жену, то поймете, что я хочу сказать... Кстати она очень любитъ поэзію. Столкуетесь. И я вамъ вотъ еще что скажу»...

Колинъ, украдкой, отбивалъ тактъ, искоса посматривая на Алферова. Горноцвѣтовъ тихо покатывался со смѣху, глядя на палецъ своего друга.

— «А главное», — все тараторилъ Алферовъ, — «вѣдь съ Россіей — кончено. Смыли ее, какъ вотъ знаете, если мокрой губкой мазнуть по черной доскѣ, по нарисованной рожѣ...»

— «Однако»... — усмѣхнулся Ганинъ.

— «Не любо слушать, Левъ Глѣбовичъ?»

— «Не любо, но не мѣшаю, Алексѣй Ивановичъ».

— «Что же, вы тогда считаете, можетъ быть, что....»

— «Ахъ господа», — своимъ матовымъ, чуть шепелявымъ голосомъ перебилъ Подтягинъ, — «безъ политики. Зачѣмъ политика?»

— «А все-таки, мсье Алферовъ не правъ», — неожиданно вставила Клара и проворно поправила прическу.

— «Ваша жена прїѣзжаетъ въ субботу?» — черезъ весь столъ невиннымъ голосомъ спросилъ Колинъ, и Горноцвѣтовъ прыснулъ въ салфетку.

— «Въ субботу», — отвѣтилъ Алферовъ, оставляя тарелку съ недоѣденной бараниной. Его глаза, заблеставшіе было воинственнымъ огонькомъ, сразу задумчиво погасли.

— «Знаете что, Лидія Николаевна», — сказалъ онъ, — «мы вчера съ Глѣбъ Львовичемъ въ лифтѣ застряли».

— «Компотъ», — отвѣтила госпожа Дорнъ, — «грушевый».

Танцоры расхохотались. Эрика, толкая боками локти сидѣвшихъ за столомъ, стала убирать тарелки. Ганинъ тщательно свергнулъ салфетку, втиснулъ ее въ кольцо и всталъ. Сладкаго онъ не ѣлъ.

— «Тощица какая»...—думалъ онъ, возвращаясь въ свою комнату. — «И что мнѣ теперь дѣлать? Выйти погулять что-ли?»..

Этотъ день его, какъ и предыдущіе, прошелъ вяло, въ какой-то безвкусной праздности, лишенной мечтательной надежды, которая дѣлаетъ праздность прелестной. Бездѣйствіе теперь его тяготило, а дѣла не было. Поднявъ воротникъ стараго макинтоша, купленнаго за

одинъ фунтъ у англійскаго лейтенанта въ Константинополѣ, и крѣпко засунувъ кулаки въ карманы, онъ медленно, вразвалку, пошатался по блѣднымъ апрѣльскимъ улицамъ, гдѣ плыли и качались черные купола зонтиковъ, и долго смотрѣлъ въ витрину пароходнаго общества на чудесную модель Мавританіи, на цвѣтные шнуры, соединяющіе гавани двухъ материковъ на большой картѣ. И въ глубинѣ была фотографія тропической роши, — шоколаднаго цвѣта пальмы на блѣдно коричневомъ небѣ.

Онъ съ часъ попиваль кофе, сидя у чистаго огромнаго окна, и смотрѣлъ на прохожихъ. Вернувшись домой, онъ пробоваль читать, но то, что было въ книгѣ, показалось ему такимъ чужимъ и неумѣстнымъ, что онъ бросилъ ее посрединѣ придаточнаго предложенія. На него нашло то, что онъ называль «разсѣянье воли». Онъ сидѣлъ не шевелясь передъ столомъ и не могъ рѣшить, что ему дѣлать: перемѣнить-ли положеніе тѣла, встать-ли, чтобы пойти вымыть руки, отворить ли окно, за которымъ пасмурный день уже переходилъ въ сумерки... Это было мучительное и страшное состояніе, нѣсколько похожее на ту тяжкую тоску, что охватываетъ насъ, когда, уже выйдя изъ сна, мы не сразу можемъ раскрыть, словно навсегда слипшіяся, вѣки. Такъ и Ганинъ чувствовалъ, что мутныя сумерки, которыми постепенно наливалась комната, заполняютъ его

всего, претворяють самую кровь въ туманъ, что нѣтъ у него силъ пресѣчь сумеречное навожденье. А силъ не было потому, что не было у него опредѣленнаго желанья, и мученье было именно въ томъ, что онъ тщетно искалъ желанья. Онъ не могъ принудить себя протянуть руку къ лампѣ, чтобы включить свѣтъ. Ему казался невысказаннымъ чудомъ этотъ простой переходъ отъ намѣренья къ его осуществленью. Ничто не украшало его безцвѣтной тоски, мысли ползли безъ связи, сердце билось тихо, бѣлье докучливо липло къ тѣлу. То казалось ему, что вотъ сейчасъ нужно написать къ Людмилѣ письмо, твердо объяснить ей, что пора прервать этотъ тусклый романъ, то вспоминалось ему, что вечеромъ нужно съ ней идти въ кинематографъ, и почему-то было гораздо труднѣе рѣшиться позвонить, чтобы отказаться отъ сегодняшней встрѣчи, нежели написать письмо, и потому онъ не могъ исполнить ни того, ни другого.

А сколько разъ уже онъ клялся себѣ, что завтра же съ нею порветь, придумывалъ безъ труда нужныя выраженія, но никакъ не могъ себѣ представить вотъ ту послѣднюю минуту, когда пожметъ ей руку и спокойно выйдетъ изъ комнаты. Вотъ это движеніе — повернуться, уйти — казалось невысказаннымъ. Онъ былъ изъ породы людей, которые умѣютъ добиваться, достигать, настигать, но совершенно

неспособны ни къ отреченію, ни къ бѣгству, — что въ концѣ концовъ одно и то же. Такъ мѣшались въ немъ чувство чести и чувство жалости, отуманивая волю этого человѣка, способнаго въ другое время на всякіе творческіе подвиги, на всякій трудъ, и принимающагося за этотъ трудъ жадно, съ охотой, съ радостнымъ намѣреніемъ все одолѣть и всего достигъ.

Онъ не зналъ, какой толчокъ извнѣ долженъ произойти, чтобы дать ему силы порвать трехмѣсячную связь съ Людмилой, такъ же какъ не зналъ, что именно должно случиться, чтобы онъ могъ встать со стула. Очень недолго продолжалось подлинное его увлеченіе, то состояніе его души, при которомъ Людмила ему представлялась въ обольстительномъ туманѣ, состояніе ищущаго, високаго, почти неземнаго волненія, подобное музыкѣ, играющей именно тогда, когда мы дѣлаемъ что-нибудь совсѣмъ обыкновенное, — идемъ отъ столика къ буфету, чтобы расплатиться, — и превращающей это наше простое движеніе въ какой-то внутренней танецъ, въ значительный и безсмертный жестъ.

Эта музыка смолкла въ тотъ мигъ, когда ночью, на тряскомъ полу темнаго таксомотора, Людмила ему отдалась, и сразу все стало очень скучнымъ, — женщина, поправлявшая шляпу, что съѣхала ей на затылокъ, огни, мелькавшіе

мимо оконъ, спина шофера, горой чернѣвшая за переднимъ стекломъ.

Теперь приходилось расплачиваться за эту ночь труднымъ обманомъ, продолжать эту ночь безъ конца и бессильно, безвольно предаваться ея ползучей тѣни, которая теперь насытила всѣ углы комнаты, превратила мебель въ облака. Онъ впалъ въ туманную дремоту, подперевъ лобъ ладонью и странно вытянувъ подъ столомъ одеревенѣвшія ноги.

.

А потомъ, въ кинематографѣ, стало людно и жарко. Очень долго молча, безъ музыки, по экрану мелькали крашенныя рекламы, рояли, платья, духи. Наконецъ заигралъ оркестръ, и началась драма.

Людмила была весела необычайно. Она пригласила Клару пойти вмѣстѣ, оттого что отлично чувствовала, что той нравится Ганинъ, и хотѣла доставить удовольствіе и ей, и самой себѣ, щегольнуть своимъ романомъ и умѣніемъ его скрывать. Клара же согласилась пойти, оттого что знала, что Ганинъ въ субботу собирается уѣзжать, и между прочимъ удивлялась, что Людмила словно объ этомъ не знаетъ, — или можетъ быть нарочно ничего не говорить, а уѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Ганинъ, сидѣвшій между ними, былъ раздраженъ тѣмъ, что Людмила, какъ большинство женщинъ ея типа, все время, пока шла

картина, говорила о постороннихъ вещахъ, перегибалась черезъ колѣни Ганина къ подругѣ, обдавая его каждый разъ холоднымъ, неприятно-знакомымъ запахомъ духовъ. Межъ тѣмъ картина была занимательная, прекрасно сдѣланная.

— «Послушайте, Людмила Борисовна», — не выдержалъ наконецъ Ганинъ, — «перестаньте шептать. Уже нѣмецъ за мной сердится».

Она въ темнотѣ быстро глянула на него, откинулась, посмотрѣла на сіяющее полотно.

— «Я ничего не понимаю, сплошная чепуха какая-то».

— «Вольно было вамъ шептать», — сказалъ Ганинъ. — «Не мудрено, что ничего не понимаете».

На экранѣ было свѣтящееся, сизое движеніе: примадонна, совершившая въ жизни своей невольное убійство, вдругъ вспоминала о немъ, играя въ оперѣ роль преступницы, и, выкативъ огромные неправдоподобные глаза, валилась навзничь на подмости. Медленно проплыла зала театра, публика рукоплещетъ, ложи и ряды встаютъ въ экстазѣ одобренья. И внезапно Ганину померещилось что-то смутно и жутко знакомое. Онъ съ тревогой вспомнилъ грубо сколоченные ряды, сидѣнья и барьеры ложъ, выкрашенные въ зловѣщій фіолетовый цвѣтъ, лѣнниковъ рабочихъ, вольно и равнодушно, какъ синіе ангелы, переходившихъ съ

балки на балку высоко наверху, или наводившихъ слѣпительныя жерла юпитеровъ на цѣлый полкъ россиянь, согнанный въ громадный сарай, и снимавшійся въ полномъ невѣдѣніи относительно общей фабулы картины. Онъ вспомнилъ молодыхъ людей въ поношенныхъ, но на диво сшитыхъ одеждахъ, лица дамъ въ лиловыхъ и желтыхъ разводахъ грима и тѣхъ безобидныхъ изгнанниковъ, старичковъ да невзрачныхъ дѣвицъ, которыхъ сажали въ самую глубь, лишь для заполнения фона. Теперь внутренность того холодного сарая превратилась на экранѣ въ уютный театръ, рожа стала бархатомъ, нищая толпа — театральной публикой. Онъ напрягъ зрѣніе и съ пронзительнымъ содроганьемъ стыда узналъ себя самого среди этихъ людей, хлопавшихъ по заказу, и вспомнилъ, какъ они всѣ должны были глядѣть впередъ, на воображаемую сцену, гдѣ никакой примадонны не было, а стоялъ на помостѣ, среди фонарей, толстый рыжій человекъ безъ пиджака и до одури оралъ въ рупоръ.

Двойникъ Ганина тоже стоялъ и хлопалъ, вонъ тамъ, рядомъ съ чернобородымъ, очень эффектнымъ господиномъ, съ лентой поперекъ бѣлой груди. Онъ попадалъ всегда въ первый рядъ за эту вотъ бородку и крахмальное бѣлье, а въ перерывахъ жевалъ бутербродъ, а потомъ, послѣ съемки, надѣвалъ поверхъ фрака убогое пальтишко и ѣхалъ къ себѣ домой, въ

отдаленную часть Берлина, гдѣ работаль наборщикомъ въ типографіи.

И Ганинъ въ этотъ мигъ почувствовалъ не только стыдъ, но и быстротечность, неповторимость человѣческой жизни. Тамъ, на экранѣ, его худощавый обликъ, острое, поднятое кверху лицо и хлопавшія руки исчезли въ сѣромъ круговоротѣ другихъ фигуръ, а еще черезъ мгновенье залъ, повернувшись какъ корабль, ушелъ, и теперь показывали пожилую, на весь міръ знаменитую актрису, очень искусно изображавшую мертвую молодую женщину. — «Не знаемъ, что творимъ», — съ отвращеньемъ подумаль Ганинъ, уже не глядя на картину.

Людмила снова шепталась съ Кларой — о какой-то портнихѣ, матеріи, — драма подходила къ концу, и Ганину было смертельно скучно. Когда черезъ нѣсколько минутъ они пробирались къ выходу, Людмила къ нему прижалась, шепнула: «позвоню тебѣ завтра въ два, миленькій...»

Ганинъ и Клара проводили ее до дому и потомъ вмѣстѣ пошли въ свой пансіонъ. Ганинъ молчалъ, и Клара мучительно старалась найти тему для разговора.

— «Вы, говорятъ, въ субботу уѣзжаете?» — спросила она.

— «Не знаю, ничего не знаю...» — хмуро отвѣтилъ Ганинъ.

Онъ шелъ и думалъ, что вотъ теперь его тѣнь будетъ странствовать изъ города въ городъ, съ экрана на экранъ, что онъ никогда не узнаетъ, какіе люди увидятъ ее, и какъ долго она будетъ мыкаться по свѣту. И когда потомъ онъ легъ въ постель и слушалъ поѣзда, насквозь проходившіе черезъ этотъ унылый домъ, гдѣ жило семь русскихъ потерянныхъ тѣней, — вся жизнь ему представилась той-же съемкой, во время которой равнодушный статистъ не вѣдаеть, въ какой картинѣ онъ участвуетъ.

Ганинъ не могъ уснуть; въ ногахъ бѣгали мурашки, и подушка мучила голову. И среди ночи, за стѣной, его сосѣдъ Алферовъ сталъ напѣвать. Сквозь тонкую стѣну слышно было, какъ онъ шлепаеть по полу, то близясь, то удаляясь, и Ганинъ лежалъ и злился. Когда прокатывала дрожь поѣзда, голосъ Алферова смѣшивался съ гуломъ, а потомъ снова всплывалъ: ту-у-у, ту-ту, ту-у-у.

Ганинъ не выдержалъ. Онъ натянулъ штаны, вышелъ въ корридоръ и кулакомъ постучалъ въ дверь перваго номера. Алферовъ, среди блужданья своего, оказался какъ разъ противъ двери и сразу отпахнулъ ее, такъ что Ганинъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— «Пожалуйте, Левъ Глѣбовичъ, милости просимъ».

Онъ былъ въ сорочкѣ и подштанникахъ, золотистая бородка слегка растрепалась, — от-

того, вѣрно, что онъ пѣсенки выдувалъ, — и въ блѣдно-голубыхъ глазахъ такъ и металось счастье.

— «Вы вотъ поете», — сказала Ганинъ, сдвинувъ брови, — «а мнѣ это мѣшаетъ спать».

— «Да входите-же, голубчикъ, что это вы, право, на порогѣ топчетесь», — засуетился Алексѣй Ивановичъ, неловко и ласково беря Ганина за талию. — «Простите великодушно, если мѣшалъ».

Ганинъ неохотно вошелъ въ комнату. Въ ней было очень мало вещей и очень много безпорядка. Одинъ изъ двухъ стульевъ, вмѣсто того, чтобы стоять у письменнаго стола (той дубовой махины, на которой была чернильница ввидѣ большой жабы), забрелъ было въ сторону маленькаго умывальника, но на полпути остановился, видимо спотыкнувшись объ отвернутый край зеленаго коврика. Другой стулъ, что стоялъ у постели и служилъ ночнымъ столикомъ, исчезалъ подъ чернымъ пиджакомъ, павшимъ на него словно съ Арарата, такъ онъ тяжело и рыхло сѣлъ. На дубовой пустынѣ стола, а также на постели, разбросаны были тонкіе листы. На этихъ листахъ, Ганинъ мелькомъ замѣтилъ карандашные чертежи, колеса, квадраты, сдѣланные безъ всякой технической точности, а такъ, кое-какъ, ради препровождения времени. Самъ Алферовъ въ своихъ теплыхъ подштанникахъ, дѣлающихъ всякаго

мужчину, будь онъ строень какъ Адонисъ и изящень какъ Бруммель, необыкновенно непривлекательнымъ, уже опять расхаживаль среди этого комнатнаго бурелома, щелкая ногтемъ то по зеленому колпаку настольной лампы, то по спинкѣ стула.

— «Я страшно радъ, что вы наконецъ ко мнѣ заглянули», — говорилъ онъ, — «самъ-то я не въ состоянїи спать. Подумайте, — въ субботу моя жена прїѣзжаетъ. А завтра уже вторникъ... Бѣдняжка моя, представляю, какъ она измучилась въ этой проклятой Россїи!»

Ганинъ, который хмуро разглядываль шахматную задачу, набросанную на одномъ изъ листовъ, валявшихся на постели, вдругъ подняль голову:

— «Какъ вы сказали?»

— «Прїѣзжаетъ», — бойко щелкнуль ногтемъ Алферовъ.

— «Нѣтъ, не то... Какъ вы про Россїю сказали?»

— «Проклятая. А что, развѣ не правда?»

— «Нѣтъ, такъ, — занятный эпитетъ».

— «Эхъ, Левъ Глѣбовичъ», — остановился вдругъ посреди комнаты Алферовъ. — «Полно вамъ большевика ломать. Вамъ это кажется очень интереснымъ, но повѣрьте это грѣшно съ вашей стороны. Пора намъ всѣмъ открыто заявить, что Россїи капутъ, что «богоносецъ» оказался, какъ впрочемъ можно было ожидать,

сѣрой сволочью, что наша родина, стало быть, навсегда погибла».

Ганинъ разсмѣялся.

— «Конечно, конечно, Алексѣй Ивановичъ».

Алферовъ помазалъ ладонью сверху внизъ по блестящему лицу и улыбнулся вдругъ широкой мечтательной улыбкой: — «Отчего вы не женаты, дорогой мой. А?»

— «Не пришлось», — отвѣчалъ Ганинъ.
— «Это весело?»

— «Роскошно. Моя жена — прелесть. Брюнетка, знаете, глаза этакіе живые... Совсѣмъ молоденькая. Мы женились въ Полтавѣ, въ девятнадцатомъ году, а въ двадцатомъ мнѣ пришлось бѣжать: вотъ здѣсь у меня въ столѣ карточки, — покажу вамъ».

Онъ снизу, согнутой пятерней, вытолкнулъ широкій ящикъ.

— «Чѣмъ вы тогда были, Алексѣй Ивановичъ?» — безъ любопытства спросилъ Ганинъ.

Алферовъ покачалъ головой:

— «Не помню. Развѣ можно помнить, чѣмъ былъ въ прошлой жизни, — быть можетъ устрицей или, скажемъ, птицей, а можетъ быть учителемъ математики. Пренняя жизнь въ Россіи такъ и кажется мнѣ чѣмъ-то временнымъ, метафизическимъ, или какъ это... другое слово, — да, — метампсихозой»...

Ганинъ довольно равнодушно разсматривалъ снимокъ въ открытомъ ящикѣ. Это было

лицо растрепанной молодой женщины съ веселымъ, очень зубастымъ ртомъ. Алферовъ наклонился черезъ его плечо:

— «Нѣтъ это не жена, это моя сестрица. Отъ тифа умерла, въ Кіевѣ. Хорошая была, хохотунья, мастерица въ пятнашки играть»...

Онъ придвинулъ другой снимокъ:

— «А вотъ это Машенька, жена моя. Плохая фотографія, но все-таки похоже. А вотъ другая, въ саду нашемъ снято. Машенька — та, что сидитъ въ свѣтломъ платьѣ. Четыре года не видѣлъ ее. Но не думаю, чтобы особенно измѣнилась. Прямо не знаю, какъ доживу до субботы... Стойте... Куда вы, Левъ Глѣбовичъ? Посидите еще!»...

Ганинъ, глубоко засунувъ руки въ карманы штановъ, шелъ къ двери.

— «Левъ Глѣбовичъ! Что съ вами? Обидѣлъ я васъ чѣмъ-нибудь?»

Дверь захлопнулась. Алферовъ остался стоять одинъ посреди комнаты.

— «Все-таки... какой невѣжа», — пробормоталъ онъ. — «Что за муха его укусила?»

3.

Въ эту ночь, какъ всегда, старичекъ въ черной пелеринѣ брель вдоль самой панели по длинному пустынному проспекту и тыкалъ остриемъ сучковатой палки въ асфальтъ, отыскивая табачные кончики, — золотые, пробковые и просто бумажные, — а также слоистые окурки сигаръ. Изрѣдка, вскрикнувъ оленьимъ голосомъ, промахивалъ автомобиль, или случилось то, что ни одинъ городской пѣшеходъ не можетъ замѣтить, падала, быстрѣе мысли и беззвучнѣе слезы, звѣзда. Ярче, веселѣе звѣздъ были огненные буквы, которыя высыпали одна за другой надъ черной крышей, сѣменили гуськомъ и разомъ пропадали во тьмѣ.

«Неужели... это... возможно...» огненнымъ осторожнымъ шопотомъ проступали буквы, и ночь однимъ бархатнымъ ударомъ смахивала

ихъ. «Неужели... это...» опять начинали онѣ, крадясь по небу.

И снова наваливалась темнота. Но онѣ настойчиво разгорались и наконецъ, вмѣсто того чтобы исчезнуть сразу, остались сіять на цѣлыхъ пять минутъ, какъ и было условлено между бюро электрическихъ рекламъ и фабрикантомъ.

Впрочемъ, чортъ его знаетъ, что на самомъ дѣлѣ играло тамъ, въ темнотѣ, надъ домами, свѣтовая-ли реклама или человѣческая мысль, знакъ, зовъ, вопросъ, брошенный въ небо и получающій вдругъ самоцвѣтный, восхитительный отвѣтъ.

А по улицамъ, ставшимъ широкими, какъ черныя блестящія моря, въ этотъ поздній часъ, когда послѣдній кабакъ закрывается, и русскій человѣкъ, забывъ о снѣ, безъ шапки, безъ пиджака, подъ старымъ макинтошемъ, какъ ясно-видящій, вышелъ на улицу блуждать, — въ этотъ поздній часъ, по этимъ широкимъ улицамъ, расхаживали міры другъ другу невѣдомые, — не гуляка, не женщина, не просто прохожій, — а наглухо заколоченный міръ, полный чудесъ и преступленій. Пять извозничьихъ пролетокъ стояли вдоль бульвара рядомъ съ огромнымъ барабаномъ уличной уборной, — пять сонныхъ, теплыхъ, сѣдыхъ міровъ въ кучерскихъ ливреяхъ, и пять другихъ міровъ на большихъ копытахъ, спящихъ и видящихъ во

снѣ только овесъ, что съ тихимъ трескомъ
лется изъ мѣшка.

Бываютъ такія мгновенія, когда все стано-
вится чудовищнымъ, бездонно - глубокимъ,
когда кажется такъ страшно жить и еще страш-
нѣе умереть. И вдругъ, пока мчишься такъ по
ночному городу, сквозь слезы глядя на огни и
ловя въ нихъ дивное ослѣпительное воспоми-
нанье счастья, — женское лицо, всплывшее
опять послѣ многихъ лѣтъ житейскаго заб-
венья, — вдругъ, пока мчишься и безумству-
ешь такъ, вѣжливо остановитъ тебя прохожій
и спроситъ, какъ пройти на такую-то улицу —
голосомъ обыкновеннымъ, но котораго уже ни-
когда больше не услышишь.

4.

Во вторникъ, поздно проснувшись, онъ почувствовалъ нѣкоторую ломоту въ ногахъ и облокотившись на подушку, раза два съ тревожнымъ, изумленнымъ блаженствомъ вздохнулъ, вспомнивъ, что вчера случилось.

Утро было бѣлое, нѣжное, дымное. Дѣловитымъ гуломъ дрожали стекла.

Онъ рѣшительнымъ махомъ соскочилъ съ постели и принялся бриться. Сегодня онъ находилъ въ этомъ особое удовольствіе. Кто бреется, тотъ каждое утро молодѣетъ на день. Ганину сегодня казалось, что онъ помолодѣлъ ровно на девять лѣтъ.

Щетина на вытянутой кожѣ, размягченная хлопьями пѣны, равномерно похрустывала и сходила подъ стальнымъ плужкомъ бритвы. Бреясь, Ганинъ поводилъ бровями, а потомъ, когда обливался изъ кувшина холодной водой,

радостно улыбался. Онъ пригладилъ на темени влажные темные волосы, быстро одѣлся и вышелъ на улицу.

Въ пансіонѣ никого изъ жильцовъ не оставалось, кромѣ танцоровъ, которые обыкновенно вставали только къ обѣду: Алферовъ отправился къ знакомому, съ которымъ затѣвалъ конторское дѣло, Подтягинъ поѣхалъ въ полицейскій участокъ добиваться выѣздной визы, Клара, уже опоздавшая на службу, ждала трамвая на углу, прижавъ къ груди бумажный мѣшокъ съ апельсинами.

А Ганинъ, безъ волненья, поднялся на второй этажъ въ знакомомъ ему домѣ, дернулъ кольцо звонка. Отперевъ дверь, но не снявъ внутренней цѣпочки, высунулась горничная и сказала, что госпожа Рубанская еще спитъ.

— «Все равно, мнѣ нужно ее видѣть», — спокойно сказалъ Ганинъ и, просунувъ въ скважину руку, самъ снялъ цѣпочку.

Горничная, коренастая блѣдная дѣвушка, съ негодованіемъ что-то забормотала, но Ганинъ все такъ же рѣшительно, отстранивъ ее локтемъ, прошелъ въ полусумракъ корридора и стукнулъ въ дверь.

— «Кто тамъ?» — раздался хриловатый утренній голосъ Людмилы.

— «Я, отопри».

Она простукала босыми пятками къ двери, повернула ключъ и, раньше чѣмъ посмотрѣть

на Ганина, побѣжала обратно къ постели, прыгнула подъ одѣяло. По кончику уха видно было, что она въ подушку улыбается, ждетъ чтобы Ганинъ къ ней подошелъ.

Но онъ остановился посреди комнаты и такъ простоялъ довольно долго, бренча мелкими монетами въ карманахъ макинтоша.

Людмила вдругъ перевернулась на спину и смѣясь распахнула голыя худенькія руки. Утро къ ней не шло: лицо было блѣдное, опухшее, и желтые волосы стояли дыбомъ.

— «Ну-же», — протянула она и зажмурилась. Ганинъ пересталъ брэнчать.

— «Вотъ что, Людмила», — сказалъ онъ тихо. Она привстала, широко открывъ глаза.

— «Что-нибудь случилось?»

Ганинъ пристально посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— «Да. Я, оказывается, люблю другую женщину. Я пришелъ съ тобой проститься».

Она заморгала спутанными своими рѣсницами, прикусила губу.

— «Это, собственно, все», — сказалъ Ганинъ. — «Мнѣ очень жаль, но ничего не подѣлаешь. Мы сейчасъ простимся. Я полагаю, что такъ будетъ лучше».

Людмила, закрывъ лицо, опять пала ничкомъ въ подушку. Лазурное стеганое одѣяло стало косо сползать съ ея ногъ на бѣлый мохнатый

коврикъ. Ганинъ поднялъ, поправиль его. Потомъ прошелся раза два по комнатѣ.

— «Горничная не хотѣла меня впускать», — сказалъ онъ.

Людмила, уткнувшись въ подушку, лежала, какъ мертвая.

— «Вообще говоря»,—сказалъ Ганинъ,—«она какая-то непривѣтливая».

— «Пора перестать топить. Весна», — сказалъ онъ немного погодя. Прошелъ отъ двери къ бѣлому трюмо, потомъ надѣлъ шляпу.

Людмила все не шевелилась. Онъ еще постоялъ, поглядѣлъ на нее молча и, издавъ горломъ легкій звукъ, какъ будто хотѣлъ откашляться, вышелъ изъ комнаты.

Стараясь ступать тихо, онъ быстро прошелъ по длинному корридору, ошибся дверью, попалъ съ размаху въ ванную комнату, откуда хлынула волосатая рука и львиный рыкъ, круто повернулъ и, столкнувшись опять съ коренастой горничной, которая терла тряпкой бронзовый бюстъ въ прихожей, сталъ спускаться въ послѣдній разъ по отлогой каменной лѣстницѣ. На площадкѣ громадная рама окна, выходившаго на задній дворъ, была отпахнута, и во дворѣ бродячій баритонъ ревѣлъ по-нѣмецки «Стеньку Разина».

И послушавъ по весеннему дрожавшій голосъ, и взглянувъ на роспись открытаго стекла —

кустъ кубическихъ розъ и павлиній вѣрѣ, — Ганинъ почувствовалъ, что свободенъ.

Онъ медленно шелъ по улицѣ, куря на ходу. День былъ холодноватый, молочный; бѣлыя растрепанныя облака поднимались навстрѣчу ему въ голубомъ пролетѣ между домовъ. Онъ всегда вспоминалъ Россію, когда видѣлъ быстрыя облака, но теперь онъ вспомнилъ-бы ее и безъ облаковъ: съ минувшей ночи онъ только и думалъ о ней.

То, что случилось въ эту ночь, то восхитительное событіе души, переставило свѣтоточныя призмы всей его жизни, опрокинуло на него прошлое.

Онъ сѣлъ на скамейку въ просторномъ скверѣ, и сразу трепетный и нѣжный спутникъ, который его сопровождалъ, разлегся у его ногъ сѣровой весенней тѣнью, заговорилъ.

И теперь, послѣ исчезновенья Людмилы, онъ свободенъ былъ слушать его...

Деять лѣтъ тому назадъ... Лѣто, усадьба, тифъ... Удивительно пріятно выздоравливать послѣ тифа. Лежишь, словно на волнѣ воздуха; еще, правда, побаливаетъ селезенка, и выписанная изъ Петербурга сидѣлка третъ тебѣ языкъ по утрамъ — вязкій послѣ сна — ватой, пропитанной портвейномъ. Сидѣлка очень низенькаго роста, съ мягкой грудью, съ проворными короткими руками, и идетъ отъ нея сыроватый запахъ, стародѣвичья прохлада. Она

любить прибаутки, японскія словечки, оставшія у нея отъ войны четвертаго года. Лицо съ кулачокъ, бабье, щербатое, съ острымъ носикомъ, и ни одинъ волосокъ не торчитъ изъ подъ косынки.

Лежишь, словно на воздухѣ. Постель слѣва отгорожена отъ двери камышевой ширмой, сплошь желтой, съ плавными сгибами. Направо, совсѣмъ близко, въ углу — кіотъ: смуглые образа за стекломъ, восковые цвѣты, коралловый крестикъ. Два окна, — одно прямо напротивъ, но далеко: постель будто отталкивается изголовьемъ отъ стѣны и мѣтитъ въ него мѣдными набалдашниками изножья, въ каждомъ изъ которыхъ пузырькъ солнца, мѣтитъ и вотъ тронется, поплыветъ черезъ всю комнату въ окно, въ глубокое іюльское небо, по которому наискось поднимаются рыхлыя, сіяющія облака. Второе окно, въ правой стѣнѣ, выходитъ на зеленоватую косую крышу: спальня во второмъ этажѣ, а это—крыша одноэтажнаго крыла, гдѣ людская и кухня. Окна запираются на ночь бѣлыми створчатыми ставнями.

За ширмой — дверь, ведущая на лѣстницу, а подальше у той же стѣны, блестящая бѣлая печка и старинный умывальникъ, съ бакомъ, съ клювастымъ краномъ: нажмешь ногой на мѣдную педаль, и изъ крана прыщеть тонкій фонтанчикъ. Слева отъ передняго окна—крас-

наго дерева комодъ съ очень тугими ящиками, а справа — оттоманка.

Обои — бѣлые, въ голубоватыхъ розахъ. Въ полу-бреду, бывало, изъ этихъ розъ лѣпишь профиль за профилемъ или странствуешь глазами вверхъ и внизъ, стараясь не задѣть по пути ни одного цвѣтка, ни одного листика, находишь лазейки въ узорѣ, проскакиваешь, возвращаешься вспять, попавъ въ тупикъ, и сызнова начинаешь бродить по свѣтлому лабиринту. Направо отъ постели, между кіотомъ и боковымъ окномъ, висятъ двѣ картины: черепаховая кошка, лакающая съ блюдца молоко, и скворецъ, сдѣланный выпукло изъ собственныхъ перьевъ на нарисованной скворешницѣ. Рядомъ, у оконнаго косяка, придѣлана керосиновая лампа, склонная выпускать черный языкъ копоту. Есть еще картины: литографія — неаполитанецъ съ открытой грудью — надъ комодомъ, а надъ рукомоѣникомъ — нарисованная карандашемъ голова лошади, что, раздувъ ноздри, плыветъ по водѣ.

День-деньской кровать скользитъ въ жаркое вѣтренное небо и, когда привстаешь, то видишь верхушки липъ, круто прохваченныя желтымъ солнцемъ, телефонныя проволоки, на которыя садятся стрижи, и часть деревяннаго навѣса надъ мягкой красной дорогой передъ параднымъ крыльцомъ. Оттуда доносятся изу-

мительные звуки: щебетанье, далекий лай, скрипъ водокачки.

Лежишь, плывешь и думаешь о томъ, что скоро встанешь; и въ солнечной лужѣ играютъ мухи, и цвѣтной мотокъ шелка, какъ живой, прыгиваетъ съ колѣнъ матери, сидящей подлѣ, мягко катится по янтарному паркету...

Въ этой комнатѣ, гдѣ въ шестнадцать лѣтъ выздоравливалъ Ганинъ, и зародилось то счастье, тотъ женскій образъ, который, спустя мѣсяцъ, онъ встрѣтилъ на-яву. Въ этомъ сотвореніи участвовало все, — и мягкія литографіи на стѣнахъ, и щебетъ за окномъ, и коричневый ликъ Христа въ кіотѣ, и даже фонтанчикъ умывальника. Зарождавшійся образъ стягивалъ, вбиралъ всю солнечную прелесть этой комнаты и, конечно, безъ нея онъ никогда-бы не выросъ. Въ концѣ концовъ это было просто юношеское предчувствіе, сладкіе туманы, но Ганину теперь казалось, что никогда такого рода предчувствіе не оправдывалось такъ совершенно. И цѣлый день онъ переходилъ изъ садика въ садикъ, изъ кафе въ кафе, и его воспоминанье непрерывно летѣло впередъ, какъ апрѣльскія облака по нѣжному берлинскому небу. Люди, сидѣвшіе въ кафе, полагали, что у этого человѣка, такъ пристально глядящаго передъ собой, должно быть какое-нибудь глубокое горе, а на улицѣ онъ въ разсѣяньи толкалъ

встрѣчныхъ, и разъ быстрый автомобиль затормозилъ и выругался, едва его не задѣвъ.

Онъ былъ богомъ, возсоздающимъ погибшій міръ. Онъ постепенно воскрешалъ этотъ міръ, въ угоду женщинѣ, которую онъ еще не смѣлъ въ него помѣстить, пока весь онъ не будетъ законченъ. Но ея образъ, ея присутствіе, тѣнь ея воспоминанья требовали того, чтобы наконецъ онъ и ее бы воскресилъ, — и онъ нарочно отодвигалъ ея образъ, такъ какъ желалъ къ нему подойти постепенно, шагъ за шагомъ, точно такъ же какъ тогда, девять лѣтъ тому назадъ. Боясь спутаться, затеряться въ свѣтломъ лабиринтѣ памяти, онъ прежній путь свой возсоздавалъ осторожно, бережно, возвращаясь иногда къ забытой мелочи, но не забѣгая впередъ. Блуждая въ этотъ весенній вторникъ по Берлину, онъ и вправду выздоравливалъ, ощущалъ первое вставанье съ постели, слабость въ ногахъ. Смотрѣлся во всѣ зеркала. Бѣлье и одежды казались необыкновенно чистыми, просторными и немного чужими. Онъ медленно шелъ по широкой аллеѣ, что вела отъ площадки дома въ дебри парка. Тамъ и сямъ вздувались на лиловой отъ лиственной тѣни землѣ черные червистые холмики, — работа кротовъ. Онъ надѣлъ бѣлые панталоны, сиреневые носки. Онъ мечталъ встрѣтить кого-нибудь въ паркѣ, кого — онъ еще не зналъ.

Дойдя до конца аллеи, гдѣ сіяла въ темной зелени хвой бѣлая скамья, онъ повернулъ обратно, и далеко впереди въ пролетѣ между липъ виденъ былъ оранжевый песокъ садовой площадки и блестящія стекла веранды.

Сидѣлка уѣхала обратно въ Петербургъ, — долго высовывалась изъ коляски, махала коротенькой рукой, и вѣтеръ трепалъ косынку. Дни пошли радостные, бодрые. Въ усадьбѣ была прохлада, плащи солнца на паркетѣ. И черезъ двѣ недѣли онъ уже до одури катался на велосипедѣ, лупилъ по вечерамъ въ городки съ сыномъ скотницы. А еще черезъ недѣлю случилось то, чего онъ такъ ждалъ. — «И куда все это дѣлось», — вздохнулъ Ганинъ. — «Гдѣ теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которыя такъ славно звякали и скакали, мой велосипедъ съ низкимъ рулемъ и большой передачей?.. По какому-то тамъ закону ничто не теряется, матерію истребить нельзя, значитъ, гдѣ-то существуютъ и по сей часъ щепки отъ моихъ рюхъ и спицы отъ велосипеда. Да вотъ бѣда въ томъ, что не соберешь ихъ опять, — никогда. Я читалъ о «вѣчномъ возвращеніи...» А что если этотъ сложный пасьянсъ никогда не выйдетъ во второй разъ? Вотъ... чего-то никакъ не осмыслю... Да: неужели все это умереть со мной? Я сейчасъ одинъ въ чужомъ городѣ. Пьянъ. Отъ коньяку и пива трещить башка. Ноги вдосталь нашатались. И

вотъ сейчасъ можетъ лопнуть сердце, — и съ нимъ лопнетъ мой міръ... Никакъ не осмыслю...»

Онъ оказался опять въ томъ же скверѣ, но теперь было совсѣмъ холодно, небо къ вечеру подернулось обморочной блѣднотой.

— «Осталось четыре дня: среда, четвергъ, пятница, суббота. А я сейчасъ могу умереть...»

— «Подтянуться!» — вдругъ пробормоталъ онъ, сдвинувъ темныя брови. — «Довольно. Пора домой».

На площадкѣ лѣстницы онъ встрѣтился съ Алферовымъ, который, слегка сгорбившись въ своемъ широченномъ пальто и старательно выпучивъ губы, совалъ ключъ въ замочную скважину лифта.

— «Иду газету покупать, Левъ Глѣбовичъ. Хотите, вмѣстѣ пройдемся?»

— «Благодарю», — сказалъ Ганинъ и пошелъ къ себѣ.

Но взявшись за ручку двери, онъ остановился. Имъ овладѣлъ мгновенный соблазнъ. Онъ услышалъ, какъ Алферовъ вошелъ въ лифтъ, какъ машина съ труднымъ глухимъ грохотомъ опустилась до низу и тамъ лягнула.

— «Унесло»... — подумалъ онъ, покусывая губы. — «А, чертъ... рискну». Судьба такъ захотѣла, чтобы минутъ пять спустя Клара постучалась къ Алферову, чтобы спросить, нѣтъ ли у него почтовой марки. Сквозь верхнее ма-

товое стекло двери желтѣль свѣтъ, и потому она рѣшила, что Алферовъ дома.

— «Алексѣй Ивановичъ», — сказала Клара, одновременно стуча и пріоткрывая дверь, — «нѣтъ ли у васъ...»

Она въ изумленьи запнулась. У письменнаго стола стоялъ Ганинъ и поспѣшно задвигаль ящикъ. Онъ оглянулся, блеснувъ зубами, толкнулъ ящикъ бедромъ и выпрямился.

— «Ахъ, Боже мой», — тихо сказала Клара и попятилась изъ комнаты.

Ганинъ быстро шагнулъ къ ней, на ходу выключивъ свѣтъ и захлопнувъ дверь. Клара прислонилась къ стѣнѣ въ полутемномъ корридорѣ и съ ужасомъ глядѣла на него, прижавъ пухлыя руки къ вискамъ.

— «Боже мой...»—повторила она также тихо. — «Какъ вы могли...»

Съ медленнымъ грохотомъ, словно отдуваясь, поплылъ вверхъ лифтъ.

— «Возвращается...» — таинственно шепнулъ Ганинъ.

— «О, я не выдамъ васъ», — горько воскликнула Клара, не сводя съ него блестящихъ, влажныхъ глазъ, — «но какъ вы могли? Вѣдь онъ не богаче васъ... Нѣтъ, это кошмаръ какой-то».

— «Пойдемте къ вамъ», — сказалъ съ улыбкой Ганинъ. — «Я вамъ, пожалуй, объясню...»

Она медленно отдѣлилась отъ стѣны и, нагнувъ голову, пошла въ свою комнату. Тамъ

было тепло, пахло хорошими духами, на стѣнѣ была копія съ картины Беклина «Островъ мертвыхъ», на столикѣ стояла фотографія — Людмилино лицо, очень подправленное.

— «Мы съ нею поссорились», — кивнулъ Ганинъ въ сторону снимка, — «Не зовите меня, если она будетъ у васъ. Все кончено». Клара сѣла съ ногами на кушетку и, кутаясь въ черный платокъ, исподлобья глядѣла на Ганина.

— «Все это глупости, Клара», — сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней и опираясь на выпрямленную руку. — «Неужели вы думаете, что я дѣйствительно крадь деньги? Но, конечно, мнѣ будетъ неприятно, если Алферовъ узнаетъ, что я залѣзалъ къ нему въ столъ».

— «Да что-же вы дѣлали? Что могло быть другого?» — зашептала Клара. — «Я отъ васъ не ожидала этого, Левъ Глѣбовичъ».

— «Какая вы право смѣшная», — сказалъ Ганинъ и замѣтилъ, что ея большіе, ласковые, слегка на выкатѣ глаза черезчуръ ужъ блестятъ, что слишкомъ ужъ взволновано поднимаются и спадаютъ ея плечи подъ чернымъ платкомъ.

— «Полноте», — улыбнулся онъ. — «Ну хорошо, предположимъ, я — воръ, взломщикъ, Но почему это васъ такъ тревожить?»

— «Уходите, пожалуйста», — тихо сказала Клара и отвернула голову. Онъ разсмѣялся, пожалъ плечомъ...

Когда-же дверь за нимъ закрылась, Клара заплакала и плакала долго, тяжелыми блестящими слезами, которыя равномерно возникали на ея рѣсницахъ и сползали продолговатыми каплями по ея запылавшимъ отъ рыданій щекамъ.

— «Бѣдный мой», — бормотала она, — «до чего жизнь довела его. И что я могу ему сказать...»

Раздался легкій стукъ въ стѣну изъ комнаты танцоровъ. Клара сильно высморкалась, прислушалась. Стукъ повторился опять, по-женски бархатный: это, вѣрно, стучалъ Колинъ. Потомъ прокатился смѣхъ, кто-то воскликнулъ: «Алекъ, о Алекъ, перестань...» и два голоса глухо и нѣжно затараторили.

Клара подумала о томъ, что завтра, какъ всегда, нужно ѣхать на службу, до шести стучать по кнопкамъ, слѣдя за лиловой строчкой, которая съ зернистымъ потрескиваньемъ высыпаетъ на листь, или-же, если дѣла нѣтъ, читать, подперевъ ее объ черный ремингтонъ, одолженную, безстыдно растрепанную книгу. Она сварила себѣ чай, вяло поужинала, потомъ долго раздѣвалась, вздыхая и лѣниво двигаясь. Лежа въ постели, она слышала, что рядомъ, въ номерѣ у Подтягина, голоса, кто-то входилъ, выходилъ, неожиданно голосъ Ганина что-то громко сказалъ, Подтягинъ отвѣтилъ тихо, сокрушенно. Она вспомнила, что старикъ сегодня опять ѣздилъ насчетъ паспорта, что-

у него тяжелая болѣзнь сердца, что жизнь проходитъ: въ пятницу ей минетъ двадцать шесть лѣтъ. А голоса все звучали, — и Кларѣ казалось, что она живетъ въ стеклянномъ домѣ, колеблющемся и плывущемъ куда-то. Шумъ поѣздовъ, особенно ясно слышный по ту сторону корридора, добирался и сюда, и кровать какъ-будто поднималась и покачивалась. Передъ ней мелькнула спина Ганина, который склонялся надъ столомъ и оглядывался черезъ плечо, скаля яркіе зубы. А потомъ она уснула и во снѣ видѣла какую-то чужь: будто сѣла въ трамвай, а рядомъ старушка, необыкновенно похожая на ея тетку, жившую въ Лодзи, быстро говорить что-то по-нѣмецки, и оказывается по-немногу, что это вовсе не ея тетка, а та радушная торговка, у которой Клара по дорогѣ на службу покупаетъ апельсины.

Въ этотъ вечеръ къ Антону Сергѣевичу зашелъ гость. Это былъ старый господинъ съ желтоватыми усами, подстриженными на англійскій манеръ, солидный, очень опрятно одѣтый, въ сюртукѣ и полосатыхъ штанахъ. Подтягинъ его потчевалъ бульономъ магги, когда вошелъ Ганинъ. Воздухъ былъ синеватъ отъ папиросныхъ паровъ.

— «Господинъ Ганинъ, господинъ Куницынъ», — и Антонъ Сергѣевичъ, сіяя стеклами пенснэ и посапывая, вдавилъ Ганина своей мягкой рукой въ кресло.

— «Это, Левъ Глѣбовичъ, мой старый однокашникъ, когда-то шпаргалки мнѣ писалъ».

Куницынъ осклабился.

— «Было дѣло»,—проговорилъ онъ низкимъ, круглымъ голосомъ.—«А позвольте васъ спро-

силь, дорогой Антонъ Сергѣевичъ, который теперь часъ?»

— «Да ну васъ, часъ дѣтскій, можно еще посидѣть».

Куницынъ всталъ, подтягивая жилетъ.

— «Супруга ждетъ, не могу».

— «Ну что-же, не смѣю удерживать», — развелъ руками Антонъ Сергѣевичъ и бочкомъ, черезъ пенснэ поглядѣлъ на гостя: — «а женѣ вашей кланяйтесь. Не имѣю чести знать, но поклонъ передайте».

— «Благодарю», — сказалъ Куницынъ. — «Очень пріятно. Всего добраго. Пальто я, кажется, въ передней оставилъ».

— «Я васъ еще провожу», — сказалъ Подтягинъ. — «Простите, пожалуйста, Левъ Глѣбовичъ, сейчасъ вернусь».

Оставшись одинъ, Ганинъ поудобнѣе усѣлся въ старомъ зеленомъ креслѣ и въ раздумьи улыбнулся. Онъ зашелъ къ старому поэту, оттого что это былъ, пожалуй, единственный человѣкъ, который могъ бы понять его волненье. Ему хотѣлось рассказать ему о многомъ, — о закатахъ надъ русскимъ шоссе, о березовыхъ рощахъ. Въ переплетенныхъ старыхъ журналахъ «Всемирная Иллюстрація» да «Живописное Обозрѣніе» вѣдь бывали подъ виньетками стихи этого самаго Подтягина.

Антонъ Сергѣевичъ вернулся, хмуро покачивая головой.

— «Обидѣлъ меня», — сказалъ онъ, садясь къ столу и барабаня пальцами. — «Ахъ, какъ обидѣлъ...»

— «Въ чемъ дѣло?» — улыбнулся Ганинъ.

Антонъ Сергѣевичъ снялъ пенснэ, вытеръ его краемъ скатерти.

— «Презираетъ онъ меня, вотъ въ чемъ дѣло. Знаете, что онъ мнѣ давеча сказалъ? Посмотрѣлъ съ такой холодной усмѣшкой, — вы, — говоритъ, — стихи свои пописывали, а я не читалъ. А если бы читалъ, терялъ бы то время, что отдавалъ работѣ. Вотъ, что онъ мнѣ сказалъ, Левъ Глѣбовичъ; я васъ спрашиваю, умно ли это?»

— «А кто онъ такой?» — спросилъ Ганинъ.

— «Да чортъ его знаетъ. Деньги дѣлаетъ. Эхъ-ма. Онъ человѣкъ, видите-ли...»

— «Что-же тутъ обиднаго, Антонъ Сергѣичъ? У него одно, а у васъ другое. Вѣдь вы его, небось, тоже презираете».

— «Ахъ, Левъ Глѣбовичъ», — заволновался Подтягинъ, — «да развѣ я не правъ, коли презираю его? Не это вѣдь ужасно, а ужасно то, что такой человѣкъ смѣетъ мнѣ деньги предложить...»

Онъ открылъ кулакъ, выбросилъ на столъ смятую бумажку.

— «...ужасно то, что я принялъ. Извольте любоваться, — двадцать марковей, чтобы ихъ чортъ подралъ».

Старикъ совсѣмъ растрепетался, жеваль губами, сѣдая щетка подъ нижней губой прыгала, толстые пальцы барабанили по столу. Потомъ онъ съ болѣзненнымъ присвистомъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— «Петька Куницынъ... Какъ-же, все помню... Хорошо учился, подлець. И аккуратный такой былъ, при часахъ. Пальцемъ показывалъ во время урока, сколько минутъ до звонка. Первую гимназію съ медалью кончилъ».

— «Странно должно быть вамъ это вспоминать»,—задумчиво сказалъ Ганинъ. — «Странно вообще вспоминать, ну хотя бы то, что нѣсколько часовъ назадъ случилось, ежедневную — и все-таки не ежедневную — мелочь».

Подтягинъ внимательно и мягко посмотрѣлъ на него.

— «Что это съ вами, Левъ Глѣбовичъ? Лицо у васъ какъ-то свѣтлѣе. Опять, что ли, влюблены? А насчетъ странностей воспоминанья... Фу ты, какъ хорошо улыбнулся...»

— «Я не даромъ къ вамъ зашелъ, Антонъ Сергѣичъ...»

— «А я васъ Куницынымъ угостилъ. Берите примѣръ съ него. Вы какъ учились?»

— «Такъ себѣ», — опять улыбнулся Ганинъ. — «Балашовское училище въ Петербургѣ, знаете?» — продолжалъ онъ, слегка подлаживаясь подъ тонъ Подтягина, какъ это часто бываетъ, когда говоришь со старикомъ. — «Ну, вотъ.

Помню тамошній дворъ. Мы въ футболъ лупили. Подъ аркой были сложены дрова. Мячъ, бывало, собьетъ полѣно».

— «Мы больше въ лапту играли, да въ казаки-разбойники», — сказалъ Подтягинъ. «Вотъ жизнь и прѣшла», — добавилъ онъ неожиданно.

— «А я, знаете, Антонъ Сергѣевичъ, сегодня вспоминалъ старые журналы, въ которыхъ были ваши стихи. И березовыя рощи».

— «Неужели помните», — ласково и насмѣшливо повернулся къ нему старикъ. — «Дура я, дура, — я вѣдь изъ-за этихъ березъ всю свою жизнь проглядѣлъ, всю Россію. Теперь, слава Богу, стиховъ не пишу. Баста. Совѣстно даже въ бланки вписывать: «поэтъ». Я, кстати, сегодня опять ни черта не понялъ. Чиновникъ даже обидѣлся. Завтра снова поѣду».

Ганинъ посмотрѣлъ себѣ на ноги и не спѣша заговорилъ:

— «Въ школѣ, въ послѣднихъ классахъ, мои товарищи думали, что у меня есть любовница, да еще какая: свѣтская дама. Уважали меня за это. Я ничего не возражалъ, такъ какъ самъ распустилъ этотъ слухъ».

— «Такъ, такъ», — закивалъ Подтягинъ. — «Въ васъ есть что-то хитрое, Левушка... Это хорошо...»

— «А на самомъ дѣлѣ я былъ до смѣшного чистъ. И совершенно не страдалъ отъ этой чистоты. Гордился ею, какъ особенной тайной, а

выходило, что я очень опытенъ. Правда, я вовсе не былъ стыдливъ или застѣнчивъ. Просто очень удобно жилъ въ самомъ себѣ и ждалъ. А товарищи мои, тѣ, что сквернословили, задыхались при словѣ «женщина», были все такіе прыщеватые, грязные, съ мокрыми ладонями. Вотъ за эти прыщи я ихъ презиралъ. И лгали они ужасно отвратительно о своихъ любовныхъ дѣлахъ».

— «Не могу скрыть отъ васъ», — своимъ матовымъ голосомъ сказалъ Подтягинъ, — «что я началъ съ горничной. А какая была прелесть, тихая, сѣроглазая. Глашей звали. Вотъ какія дѣла».

— «Нѣтъ, я ждалъ», — тихо сказалъ Ганинъ. «Отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ, три, значить, года. Когда мнѣ было тринадцать лѣтъ, мы играли разъ въ прятки, и я оказался со сверстникомъ вмѣстѣ въ платяномъ шкапу. Онъ въ темнотѣ и разказалъ мнѣ, что есть на свѣтѣ чудесныя женщины, которыя позволяютъ себя раздѣвать за деньги. Я не разслышалъ правильно, какъ онъ ихъ называлъ, и у меня вышло: принститутка. Смѣсь институтки и принцессы. Ихъ образъ мнѣ казался поэтому особенно очаровательнымъ, такимъ таинственнымъ. Но, конечно, я вскорѣ понялъ, что ошибся, такъ какъ тѣ женщины, которыя въ развалку ходили по Невскому и называли насъ, гимназистовъ, «карандашами», вовсе меня не прельщали. И

вотъ, послѣ трехъ лѣтъ такой гордости и чистоты, я дождался. Это было лѣтомъ, у насъ въ деревнѣ».

— «Такъ, такъ, — сказалъ Подтягинъ. — «Все это я понимаю. Только вотъ скучно немного. Шестнадцать лѣтъ, роща, любовь...»

Ганинъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

— «Да что-же можетъ быть лучше, Антонъ Сергѣевичъ?»

— «Эхъ, не знаю, не спрашивайте меня, голубчикъ. Я самъ поэзіей охолостилъ жизнь, а теперь поздно начать жить сызнова. Только думается мнѣ, что въ концѣ концовъ лучше быть сангвиникомъ, человѣкомъ дѣла, а если кутить, такъ такъ, чтобы зеркала лопались».

— «И это было», — усмѣхнулся Ганинъ.

Подтягинъ на минуту задумался.

— «Вотъ вы о русской деревнѣ говорили, Левъ Глѣбовичъ. Вы-то, пожалуй, увидите ее опять. А мнѣ тутъ костыми лечь. Или, если не здѣсь, то въ Парижѣ. Совсѣмъ я сегодня раскисъ что-то. Простите». —

Оба замолкли. Прошелъ поѣздъ. Далеко, далеко крикнулъ безутѣшно и вольно паровозъ. Ночь въ незавѣшенномъ стеклѣ холодно синѣла, отражая абажуръ лампы и край освѣщеннаго стола. Подтягинъ сидѣлъ сутуло, опустивъ сѣдую голову и вертя въ рукахъ кожаный футляръ портсигара. Никто бы не могъ

сказать, о чемъ онъ размышлялъ. Были ли то думы о блѣдно прошедшей жизни, или-же старость, болѣзнь, нищета, съ темной ясностью ночного отраженья, являлись передъ нимъ, — были ли это думы о паспортѣ, о Парижѣ, или просто — скучная мысль о томъ, что вотъ узоръ на коврикѣ какъ разъ вмѣщаетъ носокъ сапога, что хорошо бы выпить холоднаго пива, что гость засидѣлся, не уходитъ,—Богъ вѣсть; но Ганинъ, глядя на его большую поникшую голову, на старческій пушокъ въ ушахъ, на плечи, округленные писательскимъ трудомъ, почувствовалъ внезапно такую грусть, что уже не хотѣлось рассказывать ни о русскомъ лѣтѣ, ни о тропинкахъ парка, ни тѣмъ болѣе о томъ удивительномъ, что случилось вчера.

— «Ну вотъ, я пойду. Спите спокойно, Антонъ Сергѣевичъ».

— «Спокойной ночи, Левушка», — вздохнулъ Подтягинъ. — «Хорошо мы потолковали съ вами. Вы вотъ не презираете меня за то, что я взялъ у Куницына денегъ».

И только въ послѣднюю минуту, уже на порогѣ комнаты, Ганинъ остановился, сказалъ:

— «Знаете что, Антонъ Сергѣевичъ? У меня начался чудеснѣйшій романъ. Я сейчасъ иду къ ней. Я очень счастливъ». —

Подтягинъ привѣтливо кивнулъ:

— «Такъ, какъ. Кланяйтесь. Не имѣю чести знать, но все равно кланяйтесь».

Онъ, странно сказать, не помнилъ, когда именно увидѣлъ ее въ первый разъ. Быть можетъ, на дачномъ концертѣ, устроенномъ въ большой ригѣ на лугу. А можетъ быть, и до того онъ мелькомъ ее видалъ. Онъ какъ будто бы уже зналъ ея смѣхъ, нѣжную смуглоту и большой бантъ, когда студентъ-санитаръ при мѣстномъ солдатскомъ лазаретѣ рассказывалъ ему о барышнѣ «милой и замѣчательной» — такъ выразился студентъ, — но этотъ разговоръ происходилъ еще до концерта. Ганинъ теперь напрасно напрягалъ память: первую, самую первую встрѣчу онъ представить себѣ не могъ. Дѣло въ томъ, что онъ ожидалъ ее съ такою жадностью, такъ много думалъ о ней въ тѣ блаженные дни послѣ тифа, что сотворилъ ея единственный образъ задолго до того, какъ дѣйствительно ее увидѣлъ, потому теперь, че-

резь много лѣтъ, ему и казалось, что та встрѣча, которая мерещилась ему, и та встрѣча, которая наяву произошла, сливаются, переходятъ одна въ другую незамѣтно, оттого что она, живая была только плавнымъ продолженьемъ образа, предвѣщавшаго ее.

И въ іюльскій вечеръ Ганинъ нажалъ на желѣзную, пѣвучую дверь параднаго крыльца и вышелъ въ синеву сумерокъ. Въ сумеркахъ особенно легко шель велосипедъ, шина съ шелестомъ нащупывала каждый подъемъ и выгибъ въ утопанной землѣ по краю дороги. И когда онъ скользнулъ мимо темной конюшни, оттуда пахнуло тепломъ, фырканьемъ, нѣжнымъ стукомъ переставленнаго копыта. И, дальше, дорогу охватили съ обѣихъ сторонъ безшумныя въ этотъ часъ березы, и въ сторонѣ, посреди луга, былъ мягкій свѣтъ, словно на гумнѣ тлѣлъ пожаръ, и темными полями къ отдѣльно стоявшей ригѣ шли вразбродъ, не спѣша, по праздничному гудѣвшіе люди.

Внутри былъ сколочень помость, разставлены скамейки, свѣтъ обливалъ головы и плечи, игралъ въ глазахъ, пахло леденцами и керосиномъ. Народу набралось много: въ глубинѣ размѣстились мужики и бабы, по середкѣ дачники и дачницы, впереди-же на бѣлыхъ парковыхъ скамейкахъ — человекъ двадцать солдатъ изъ сельскаго лазарета, нахохленныхъ,

тихихъ, съ проплѣшинами въ сѣрой синевѣ стриженныхъ, очень круглыхъ головъ. А въ стѣнахъ, украшенныхъ еловой хвоей, тамъ и сямъ были щели, сквозь которыя глядѣли звѣздная ночь да черныя тѣни мальчишекъ, взгромоздившихся по той сторонѣ на высоко наваленныя бревна.

Изъ Петербурга пріѣхавшій басъ, тощій, съ лошадинымъ лицомъ, извергался глухимъ громомъ; школьный хоръ, послушный пѣвучему щелчку камертона, подтягиваль ему.

И среди желтаго, жаркаго блеска, среди звуковъ, становившихся зримыми въ видѣ складокъ пунцовыхъ и серебристыхъ платковъ, мигавшихъ рѣсницъ, черныхъ тѣней на верхнихъ балкахъ, премѣщавшихся, когда продуваль ночной вѣтерокъ, среди этого мерцанья и лубочной музыки, среди всѣхъ плечъ и головъ, въ громадной, биткомъ набитой ригѣ, — для Ганина было только одно: онъ смотрѣлъ передъ собой на каштановую косу въ черномъ бантѣ, чуть зазубрившемся на краяхъ, онъ гладилъ глазами темный блескъ волосъ, по дѣвически ровный на темени. Когда она поворачивала въ сторону лицо, обращаясь быстрымъ, смѣющимся взглядомъ къ сосѣдкѣ, онъ видѣлъ и темный румянецъ ея щеки, уголокъ татарскаго горящаго глаза, тонкій изгибъ ноздри, которая то шурилась, то расширялась отъ смѣха.

А потомъ, когда все кончилось, и огромный заводской автомобиль, таинственно озаривъ траву и затѣмъ взмахомъ свѣта ослѣпивъ спящую березу и мостикъ надъ канавой, увезъ столичнаго баса, и въ синюю темноту по клеверной росѣ поплыли, празднично и зыбко бѣлясь, дачницы, и кто-то въ темнотѣ закуривалъ, держа въ горстяхъ у освѣщеннаго лица вспыхнувшій огонекъ, — Ганинъ, взволнованный и одинокій, пошелъ домой, катя за сѣдло чуть стрекотавшій спицами велосипедъ.

Окно большой старомодной уборной въ крылѣ дома, между чуланомъ и комнатушкой экономки, выходило на заброшенную часть садовой площадки, гдѣ чернѣла въ тѣни желѣзнаго навѣса чета колесъ надъ колодцемъ, и шли по землѣ деревянные желоба водостока между обнаженными вьющимися корнями трехъ огромныхъ, разросшихся вширь, тополей. Окно было расписное: цвѣтной копыеносецъ казалъ на стеклѣ свою квадратную бороду и могучія икры, — и странно свѣтился онъ при тускломъ блескѣ керосиновой лампы съ жестянымъ рефлекторомъ, висѣвшей подлѣ тяжелаго бархатнаго шнура: дернешь, и въ таинственныхъ нѣдрахъ дубоваго кресла закипитъ влажный гулъ, глухіе глотки. Ганинъ отпахнулъ пошире раму цвѣтнаго окна, усѣлся съ ногами на подоконникъ, — и бархатный шнуръ тихо качался, — и

звѣздное небо между черныхъ тополей было такое, что хотѣлось поглубже вздохнуть. И эту минуту, когда онъ сидѣлъ на подоконникѣ мрачной дубовой уборной и думалъ о томъ, что, вѣрно, никогда, никогда онъ не узнаеть ближе барышни съ чернымъ бантомъ на нѣжномъ затылкѣ, и тщетно ждалъ, чтобы въ поляхъ защелкалъ фетовскій соловей, — эту минуту Ганинъ теперь справедливо считалъ самой важной и возвышенной во всей его жизни.

Онъ не помнилъ, когда онъ ее увидѣлъ опять, — на слѣдующій день или черезъ недѣлю. На закатѣ, до вечерняго чая, онъ взмахивалъ на пружинистый кожаный клинъ, упирался руками въ рулевые рога и катилъ прямо въ зарю. Онъ избиралъ всегда одинъ и тотъ же путь, круговой, мимо двухъ деревень, раздѣленныхъ сосновымъ лѣсомъ, и потомъ по шоссе, между полей, и домой черезъ большое село Воскресенскъ, что лежитъ на рѣкѣ Оредежъ, воспѣтой Рылѣвымъ. Онъ зналъ самый путь, то узкій, утрамбованный, бѣгущій вдоль опасной канавы, то мощеный булыжниками, по которымъ прыгало переднее колесо, то изрытый коварными колеями, то гладкій, розоватый, твердый, — онъ зналъ этотъ путь на-ощупь и на-глазъ, какъ знаешь живое тѣло, и катилъ по нему безъ запинки, вдавливая въ шелестящую пустоту упругія педали.

Въ сосновомъ перелѣскѣ, на шероховатыхъ стволахъ, вечернее солнце лежало огненно-румяными полосками. Изъ дачныхъ садиковъ доносился стукъ крокетныхъ шаровъ; и въ ротъ, въ глаза попадали мошки.

Иногда на шоссе у пирамидки щебня, надъ которымъ пустынно и нѣжно гудѣлъ телеграфный столбъ, облупившійся сизыми струпами, онъ останавливался и, опираясь на велосипедъ, глядѣлъ черезъ поля на одну изъ тѣхъ лѣсныхъ опушекъ, что бываютъ только въ Россіи, далекую, зубчатую, черную, и надъ ней золотой западъ былъ пересѣченъ однимъ только лиловатымъ облакомъ, изъ подъ котораго огненнымъ вѣеромъ расходились лучи. И глядя на небо, и слушая, какъ далеко-далеко на селѣ почти мечтательно мычить корова, онъ старался понять, что все это значить --- вотъ это небо, и поля, и гудящій столбъ; казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ пойметъ, — но вдругъ начинала кружиться голова, и свѣтлое томленье становилось нестерпимымъ.

Онъ никогда не зналъ, гдѣ встрѣтить, гдѣ обгонить ее, на какомъ поворотѣ дороги, въ этомъ-ли перелѣскѣ или въ слѣдующемъ. Она жила въ Воскресенскѣ, и въ тотъ-же часъ, какъ и онъ, выходила бродить въ пустынѣ солнечнаго вечера. Онъ замѣчалъ ее издали, и сразу холодѣло въ груди. Она шла быстро, засунувъ

руки въ карманы темно-синей, подъ цвѣтъ юбки, шевіотовой кофточки, надѣтой поверхъ бѣлой блузки, и Ганинъ, какъ тихій вѣтеръ нагоняя ее, видѣлъ только складки синей матеріи, которыя на спинѣ у нея слегка натягивались и переливались, да черный шелковый бантъ, распахнувшій крылья. Пролетая мимо, онъ никогда не заглядывалъ ей въ лицо, а притворялся углубленнымъ въ ѣзду, хотя за минуту до того, представляя себѣ встрѣчу, клялся, что улыбнется ей, поздоровается. Ему казалось въ эти дни, что у нея должно быть какое-нибудь необыкновенное, звучное имя, а когда узналъ отъ того-же студента, что ее зовутъ Машенька, вовсе не удивился, словно зналъ напередъ, — и по новому, очаровательной значительностью, зазвучало для него это простенькое имя.

— «Машенька, Машенька», — зашепталъ Ганинъ, — «Машенька»... и набралъ побольше воздуха, и замеръ, слушая, какъ бьется сердце. Было около трехъ часовъ ночи, поѣзда не шли, и потому казалось, что домъ остановился. На стулѣ, раскинувъ руки, какъ человѣкъ, оцѣпенѣвшій среди молитвы, смутно бѣлѣла въ темнотѣ сброшенная рубашка.

— «Машенька», — опять повторилъ Ганинъ, стараясь вложить въ эти три слога все то, что пѣло въ нихъ раньше, — вѣтеръ, и гудѣніе телеграфныхъ столбовъ, и счастье, — и еще ка-

кой-то сокровенный звукъ, который былъ самой жизнью этого слова. Онъ лежалъ навзничь, слушалъ свое прошлое. И вдругъ за стѣной раздалось нѣжно, тихонько, назойливо: туу... ту... ту-ту...: Алферовъ думалъ о субботѣ.

7.

Утромъ на слѣдующій день, въ среду, рыжая ручища Эрики просунулась въ номеръ второго апрѣля и уронила на полъ длинный сиреневый конвертъ. На конвертъ Ганинъ равнодушно узналъ косою, крупный, очень правильный почеркъ. Марка была наклеена внизъ головой, и въ углу толстый палецъ Эрики оставилъ жирный слѣдъ. Конвертъ былъ крѣпко надушенъ, и Ганинъ мелькомъ подумалъ, что надушить письмо то-же, что опрыскать духами сапоги для того, чтобы перейти черезъ улицу. Онъ надулъ щеки, выпустилъ воздухъ и сунулъ нераспечатанное письмо въ карманъ. Спустя нѣскольکو минутъ онъ его опять вынулъ, повертѣлъ въ рукахъ и кинулъ на столъ. Потомъ прошелся раза два по комнатѣ.

Всѣ двери пансіона были открыты. Звуки утренней уборки мѣшались съ шумомъ поѣз-

довъ, которые, пользуясь сквозняками, прокатывали по всѣмъ комнатамъ. Ганинъ, остававшійся по утрамъ дома, обычно самъ выметалъ соръ, стелилъ постель. Онъ теперь спохватился, что второй день не убиралъ комнаты, и вышелъ въ корридоръ въ поискахъ щетки и тряпки. Лидія Николаевна съ ведромъ въ рукѣ шуркнула мимо него какъ мышь, и на ходу спросила: — «Вамъ Эрика передала письмо?»

Ганинъ молча кивнулъ и взялъ половую щетку, лежавшую на дубовомъ баулѣ. Въ зеркалѣ прихожей онъ увидѣлъ отраженную глубину комнаты Алферова, дверь которой была настежь открыта. Въ этой солнечной глубинѣ — день былъ на диво погожій — косою конусъ озаренной пыли проходилъ черезъ уголъ письменнаго стола, и онъ съ мучительной ясностью представилъ себѣ тѣ фотографіи, которыя сперва ему показывалъ Алферовъ, и которыя онъ потомъ съ такимъ волненіемъ разсматривалъ одинъ, когда помѣшала ему Клара. На этихъ снимкахъ Машенька была совсѣмъ такой, какой онъ ее помнилъ, и теперь страшно было подумать, что его прошлое лежитъ въ чужомъ столѣ.

Въ зеркалѣ отраженіе захлопнулось: это Лидія Николаевна, мышинными шажками просѣменивъ по корридору, толкнула открытую дверь.

Ганинъ со щеткой въ рукѣ вернулся въ свою комнату. На столѣ лежало сиреневое пятно.

Онъ вспомнилъ по быстрому сочетанью мыслей, вызванныхъ этимъ пятномъ и отраженьемъ стола въ зеркалѣ, тѣ другія, очень старыя письма, что хранились у него въ черномъ бумажникѣ, лежащемъ рядомъ съ крымскимъ браунингомъ, на днѣ чемодана.

Онъ загребъ длинный конвертъ со стола, локтемъ отпахнулъ пошире оконную раму и сильными своими пальцами разорвалъ накрестъ письмо, разорвалъ опять каждую долю, пустилъ лоскутки по вѣтру, и бумажныя снѣжинки полетѣли, сіяя, въ солнечную бездну. Одинъ лоскутокъ порхнулъ на подоконникъ, Ганинъ прочелъ на немъ нѣсколько изуродованныхъ строкъ:

*нечно, съумью теб
любовь. Я только про
обы ты былъ сча*

Онъ щелчкомъ скинулъ его съ подоконника въ бездну, откуда вѣяло запахомъ угля, весеннимъ просторомъ, и, облегченно двинувъ плечами, принялся убирать комнату.

Потомъ онъ слышалъ, какъ одинъ за другимъ возвращались къ обѣду сосѣди, какъ Алферовъ громко смѣялся, какъ Подтягинъ что-то мягко бормоталъ. И еще спустя нѣкоторое время, Эрика вышла въ корридоръ и уныло забухала въ гонгъ.

Идя къ обѣду, онъ обогналъ у двери столовой Клару, которая испуганно взглянула на него. И Ганинъ улыбнулся, да такой красивой и ласковой улыбкой, что Клара подумала: «пускай онъ воръ, — а все-таки такого второго нѣтъ». Ганинъ открылъ дверь, она наклонила голову и прошла мимо него въ столовую. Остальные уже сидѣли по мѣстамъ, и Лидія Николаевна, держа громадную ложку въ крохотной увядшей рукѣ, грустно разливала супъ.

У Подтягина сегодня опять ничего не вышло. Старику дѣйствительно не везло. Французы разрѣшили пріѣхать, а нѣмцы почему-то не выпускали. Между тѣмъ у него оставалось какъ разъ достаточно средствъ, чтобы выѣхать, а продлись эта канитель еще недѣлю, деньги уйдутъ на жизнь, и тогда до Парижа не доберешься. Кушая супъ, онъ рассказывалъ, съ какимъ-то грустнымъ и медлительнымъ юморомъ, какъ его гнали изъ одного отдѣла въ другой, какъ онъ самъ не могъ объяснить, что ему нужно, и какъ наконецъ усталый, раздраженный чиновникъ накричалъ на него.

Ганинъ поднялъ глаза и сказалъ:

— «Да поѣдемъ туда завтра вмѣстѣ, Антонъ Сергѣевичъ. У меня времени вдоволь. Я помогу вамъ объясниться».

Онъ, точно, хорошо говорилъ по-нѣмецки.

— «Ну, что-же спасибо», — отвѣтилъ Подтягинъ и снова, какъ вчера, замѣтилъ необыч-

ную свѣтлость его лица. — «А то, знаете, прямо хоть плачь. Опять два часа простоялъ въ хвостѣ и вернулся ни съ чѣмъ. Спасибо, Левушка».

— «Вотъ у жены моей тоже будутъ хлопоты...», — заговорилъ Алферовъ. И съ Ганинымъ случилось то, чего никогда съ нимъ не случалось. Онъ почувствовалъ, что нестерпимая краска медленно заливаетъ ему лицо, горячо щекочетъ лобъ, словно онъ напился уксусу. Идя къ обѣду, онъ не подумалъ о томъ, что эти люди, тѣни его изгнанническаго сна, будутъ говорить о настоящей его жизни, — о Машенькѣ. И съ ужасомъ, со стыдомъ, онъ вспомнилъ, что самъ, по невѣдѣнью своему, третьяго дня за обѣдомъ смѣялся съ другими надъ женой Алферова. И сегодня опять кто-нибудь могъ усмѣхнуться.

— «Она, впрочемъ, у меня расторопная», — говорилъ тѣмъ временемъ Алферовъ. — «Въ обиду себя не дастъ. Не дастъ себя въ обиду моя женка».

Колинъ и Горноцвѣтовъ переглянулись, хихикнули... Ганинъ, кусая губы и опустивъ глаза, каталъ хлѣбный шарикъ. Онъ рѣшилъ было встать и уйти, но потомъ пересилилъ себя. Поднявъ голову, онъ заставилъ себя взглянуть на Алферова и, взглянувъ, подивился, какъ Машенька могла выйти за этого человѣка съ жидкой бородкой и блестящимъ пухлымъ носомъ. И мысль, что онъ сидитъ рядомъ съ

мужиной, который Машеньку трогаль, знаетъ ощущение ея губъ, ея словечки, смѣхъ, движенья и теперъ ждетъ ее, — эта мысль была ужасна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущаль какую-то волнующую гордость при воспоминаньи о томъ, что Машенька отдала ему, а не мужу, свое глубокое, неповторимое благоуханье.

Послѣ обѣда онъ вышелъ пройтись, потомъ влѣзъ на верхушку автобуса. Внизу проливались улицы, по солнечнымъ зеркаламъ асфальта разбѣгались черныя фигурки, автобусъ качался, грохоталь, — и Ганину казалось, что чужой городъ, проходившій передъ нимъ, только движущійся снимокъ. Потомъ, вернувшись домой, онъ видѣль, какъ Подтягинъ стучался въ номеръ Клары, и Подтягинъ показался ему тоже тѣню, случайной и ненужной.

— «А нашъ-то, опять въ кого-то влюбленъ», — кивнулъ въ сторону двери Антонъ Сергѣевичъ, попивая чай у Клары. — «Не въ васъ ли?»

Та отвернулась, полная грудь ея поднялась и опустилась, ей не вѣрилось, что это могло быть такъ; она боялась этого, боялась того Ганина, который шариль въ чужомъ столѣ, но все-таки ей былъ приятень вопросъ Подтягина.

— «Не въ васъ-ли, Кларочка?» — повториль онъ, дую на чай и черезъ пенснэ искоса поглядывая на нее.

— «Онъ вчера порвалъ съ Людмилой», — вдругъ сказала Клара, чувствуя что Подтягину можно проговориться.

— «Я такъ и думалъ», — кивнулъ старикъ, со вкусомъ отхлебывая. — «Недаромъ онъ такой озаренный. Старому — прочь, новому — добро пожаловать. Слыхали, что онъ мнѣ сегодня предложилъ? Завтра — вмѣстѣ со мной въ полицію».

— «Я буду у нея вечеромъ», — задумчиво сказала Клара. — «Бѣдняжка. У нея былъ загробный голосъ по телефону».

Подтягинъ вздохнулъ:

— «Что-же, дѣло молодое. Ваша подруга утѣшится. Все это благо. А знаете, Кларочка, мнѣ-то скоро помирать»...

— «Богъ съ вами, Антонъ Сергѣевичъ! Какія глупости».

— «Нѣтъ, не глупости. Сегодня ночью опять былъ припадокъ. Сердце — то во рту, то подъ кроватью»...

— «Бѣдный — вы», — забеспокоилась Клара. — «Вѣдь нужно доктора»...

Подтягинъ улыбнулся:

— «Я пошутилъ. Мнѣ, напротивъ, куда легче эти дни. А припадокъ — пустякъ. Самъ сейчасъ выдумалъ, чтобы посмотреть какъ вы очеса распахнете. Если-бы мы были въ Россіи, Кларочка, то за вами ухаживалъ бы земскій

врачъ или какой-нибудь солидный архитекторъ. Вы, какъ, — любите Россію?»

— «Очень».

— То-то же. Россію надо любить. Безъ нашей эмигрантской любви, Россіи — крышка. Тамъ ее никто не любитъ».

— «Мнѣ уже двадцать шесть лѣтъ», — сказала Клара, я цѣлое утро стучу на машинкѣ и пять разъ въ недѣлю работаю до шести. Я очень устаю. Я совершенно одна въ Берлинѣ. Какъ вы думаете, Антонъ Сергѣевичъ, это долго будетъ такъ продолжаться?»

— «Не знаю, голубушка», — вздохнулъ Подтягинъ. — «Сказалъ бы, да не знаю. Вотъ я тоже работалъ, журналъ тутъ затѣялъ... А теперь сижу на бобахъ. Дай Богъ только въ Парижъ попасть. Тамъ жить привольнѣе. Какъ вы думаете, попаду?»

— «Ну что вы, Антонъ Сергѣевичъ, конечно. Завтра все устроится».

— «Привольнѣе и кажется дешевле», — сказалъ Подтягинъ, ложечкой доставая не растаявшій кусочекъ сахара и думая о томъ, что въ этомъ ноздреватомъ кусочкѣ есть что-то русское, весеннее, когда вотъ снѣгъ таетъ.

8.

День Ганина еще болѣе опустѣлъ въ житейскомъ смыслѣ послѣ его разрыва съ Людмилой, но зато теперь не было тоски бездѣйствія. Воспоминанье такъ занимало его, что онъ не чувствовалъ времени. Тѣнь его жила въ пансіонѣ госпожи Дорнъ, — онъ же самъ былъ въ Россіи, переживалъ воспоминанье свое, какъ дѣйствительность. Временемъ для него былъ ходъ его воспоминанья, которое развертывалось постепенно. И хотя романъ его съ Машенькой продолжался въ тѣ далекіе годы не три дня, не недѣлю, а гораздо больше, онъ не чувствовалъ несоотвѣтствія между дѣйствительнымъ временемъ и тѣмъ другимъ временемъ, въ которомъ онъ жилъ, такъ какъ память его не учитывала cadaго мгновенья, а перескакивала черезъ пустыя, непамятныя мѣста, озаряя только то, что было связано съ

Машенькой, и потому выходило такъ, что не было несоотвѣтствія между ходомъ прошлой жизни и ходомъ настоящей.

Казалось, что эта прошлая, доведенная до совершенства, жизнь проходитъ ровнымъ узоромъ черезъ берлинскія будни. Что-бы Ганинъ ни дѣлалъ въ эти дни, та жизнь согрѣвала его неотступно.

Это было не просто воспоминанье, а жизнь, гораздо дѣйствительнѣе, гораздо «интенсивнѣе» — какъ пишутъ въ газетахъ, — чѣмъ жизнь его берлинской тѣни. Это былъ удивительный романъ, развивающійся съ подлинной, нѣжной осторожностью.

Конецъ іюля на сѣверѣ Россіи уже пахнетъ слегка осенью. Мелкій желтый листь, нѣтъ-нѣтъ, да и слетить съ березы; въ просторахъ скошенныхъ полей уже пусто и свѣтло по осеннему. Вдоль опушки, гдѣ еще лоснится на вѣтру островокъ высокой травы, избѣжавшей косарей, на блѣдно-лиловыхъ подушечкахъ скабіозъ спятъ отяжелѣвшіе шмели. И какъ-то вечеромъ, въ парковой бесѣдкѣ...

Да. Эта бесѣдка стояла на подгнившихъ сваяхъ, надъ оврагомъ, и съ обѣихъ сторонъ къ ней вели два покатыхъ мостика, скользкихъ отъ ольховыхъ сережекъ да еловыхъ иголь.

Въ небольшихъ ромбахъ бѣлыхъ оконницъ были разноцвѣтныя стекла: глядишь, бывало, сквозь синее, — и міръ кажется застывшимъ

въ лунномъ обморокѣ, — сквозь желтое, — и все весело чрезвычайно, — сквозь красное, — и небо розово, а листва, какъ бургундское вино. И нѣкоторыя стекла были разбиты, а торчавшіе уголки соединены паутиной. Бесѣдка была снутри бѣлая; на стѣнахъ, на откидномъ столикѣ дачники, забиравшіеся незаконно въ паркъ, оставляли карандашныя надписи.

Такъ забралась и Машенька съ двумя непримѣтными подругами. Онъ сперва обогналъ ее на тропинкѣ парка, бѣгущей вдоль рѣки, и проѣхалъ такъ близко, что подруги ея съ визгомъ шарахнулись. Онъ обогнулъ паркъ, перерѣзалъ его, и потомъ вдали, сквозь листву, увидѣлъ, какъ онѣ входятъ въ бесѣдку. Онъ прислонилъ велосипедъ къ дереву и вошелъ за ними.

— «Въ паркѣ нельзя гулять постороннимъ», — сказалъ онъ тихо и хрипло, — «на калиткѣ есть даже вывѣска».

Она ничего не отвѣтила, играющими раскосыми глазами смотрѣла на него. Онъ спросилъ, указывая на одну изъ блѣдныхъ надписей:

— «Это вы сдѣлали?»

А написано было: «Въ этой бесѣдкѣ двадцатаго іюня Машенька, Лида и Нина пережидали грозу».

Онъ всѣ три размѣялись, и тогда онъ размѣялся тоже, сѣлъ на столикъ, закачалъ ногами, замѣтилъ некстати, что черный шелковый носокъ порвался на щиколодкѣ. И Машенька вдругъ сказала, указавъ на розовую дырочку:

— «Смотрите, у васъ — солнышко».

Они говорили о грозѣ, о дачникахъ и о томъ, что онъ боленъ былъ тифомъ, и о смѣшномъ студентѣ въ солдатскомъ лазаретѣ, и о концертѣ въ сараѣ.

У нея были прелестныя бойкія брови, смугловатое лицо, подернутое тончайшимъ шелковистымъ пушкомъ, придающимъ особенно теплый оттѣнокъ щекамъ; ноздри раздувались пока она говорила, посмѣиваясь и высасывая сладость изъ травяного стебля; голосъ былъ подвижный, картавый, съ неожиданными грудными звуками, и нѣжно вздрагивала ямочка на открытой шеѣ.

Потомъ, къ вечеру, онъ провожалъ ее и ея подругъ до села и, проходя по зеленой лѣсной дорогѣ, заросшей плевелами, мимо хромой скамьи, очень серьезно рассказывалъ: — «Макарона растутъ въ Италіи. Когда они еще маленькіе, ихъ зовутъ вермишелью. Это значитъ: мишины червяки».

Онъ условился съ ними, что завтра повезетъ ихъ всѣхъ на лодкѣ. Но она явилась безъ подругъ. У шаткой пристани онъ развернулъ грочущую цѣпь большой, тяжелой, краснаго де-

рева шлюпки, откинулъ брезентъ, ввинтилъ уключины, выволокъ весла изъ длиннаго ящика, вдѣлъ стержень руля въ стальное кольцо.

Поодадь ровно шумѣли шлюзы водяной мельницы; вдоль бѣлыхъ складокъ спадающей воды рыжеватымъ золотомъ отливали подпльвшіе стволы сосенъ.

Машенька сѣла у руля, онъ оттолкнулся багромъ и медленно сталъ грести вдоль самага берега парка, гдѣ на водѣ черными павлиньими глазами отражались густыя ольхи, и порхало много темно-синихъ стрекозъ. Потомъ онъ повернулъ на середину рѣки, виляя между парчевыхъ острововъ тины, и Машенька держа въ одной рукѣ оба конца мокрой рулевой веревки, другую руку опускала въ воду, стараясь сорвать глянцевито-желтую головку кувшинки. Уключины скрипѣли при каждомъ нажимѣ весель; онъ то откидывался, то поддавался впередъ, и Машенька, сидѣвшая противъ него у руля, то отдалялась, то приближалась въ своей синей кофточкѣ, раскрытой на легкой, дышущей блузѣ.

На рѣкѣ теперь отражался лѣвый, красный, какъ терракотта, берегъ, сверху поросшій елью да черемухой, въ красной крутизнѣ вырѣзаны были имена и даты, а въ одномъ мѣстѣ кто-то, лѣтъ ^{сорокъ} ~~десять~~ тому назадъ, высѣкъ громадное скуластое лицо. Правый берегъ былъ пологій,

верескъ лиловѣль между пятнистыхъ березъ. А потомъ, подъ мостомъ, хлынула темная прохлада, сверху былъ тяжелый стукъ копытъ и колесъ, и когда опять лодка выплыла, солнце ослѣпило, сверкнуло на концахъ весель, выхватило телѣгу съ сѣномъ, которая какъ разъ проѣзжала по низкому мосту, и зеленый скатъ, и надъ нимъ бѣлыя колонны большой заколоченной усадьбы александровскихъ временъ. А потомъ спустился къ самой рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ темный боръ, и лодка съ мягкимъ шуршаньемъ вѣхала въ камыши.

А дома ничего не знали, жизнь тянулась лѣтняя, знакомая, милая, едва затронутая далекой войной, шедшей уже цѣлый годъ. Старый, зеленовато-сѣрый, деревянный домъ, соединенный галлереей съ флигелемъ, весело и спокойно глядѣлъ цвѣтными глазами своихъ двухъ стеклянныхъ верандъ на опушку парка и на оранжевый крендель садовыхъ тропинокъ, огибавшихъ черноземную пестроту куртинъ. Въ гостиной, гдѣ стояла бѣлая мебель, и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мрамористые тома старыхъ журналовъ, желтый паркетъ выливался изъ наклоннаго зеркала въ овальной рамѣ, и дагеротипы на стѣнахъ слушали, какъ оживало и звенѣло бѣлое піанино. Вечеромъ высокій синій буфетчикъ въ нитяныхъ перчаткахъ выносилъ на веранду лампу подъ шелковымъ абажуромъ, и Ганинъ возвращался домой

пить чай, глотать холодныя хлопья простокваши на этой свѣтлой верандѣ съ камышевымъ ковромъ на полу и черными лаврами вдоль каменныхъ ступеней, ведущихъ въ садъ.

Онъ теперь ежедневно встрѣчался съ Машенькой, по той сторонѣ рѣки, гдѣ стояла на зеленомъ холму пустая бѣлая усадьба, и былъ другой паркъ, пошире и запущеннѣе, чѣмъ на мызѣ.

Передъ этой чужой усадьбой, на высокой площадкѣ надъ рѣкой, стояли подъ липами скамьи и желѣзный круглый столъ, съ дыркой по середкѣ для стока дождевой воды. Оттуда виденъ былъ далеко внизу мостъ черезъ тинистую излучину и шоссе, поднимавшееся въ Воскресенскъ. Эта площадка была ихъ любимымъ мѣстомъ.

И однажды, когда они встрѣтились тамъ въ солнечный вечеръ послѣ бурнаго ливня, на садовомъ столѣ оказалась хулиганская надпись. Деревенскій озорникъ соединилъ ихъ имена короткимъ, грубымъ глаголомъ, безграмотно начавъ его съ буквы «и». Надпись сдѣлана была химическимъ карандашомъ и слегка расплылась отъ дождя. Тутъ-же, на мокрому столѣ, прилипли сучки, листики, мѣловые червячки птичьихъ испражнений.

И такъ какъ столъ принадлежалъ имъ, былъ святой, освященный ихъ встрѣчами, то спокойно, молча они принялись стирать пучками тра-

вы сырой, лиловый росчеркъ. И когда весь столъ смѣшно полиловѣлъ, и пальцы у Машеньки стали такими, какъ-будто она только-что собирала чернику, Ганинъ, отвернувшись и прищуренными глазами глядя внимательно на что-то желто-зеленое, текучее, жаркое, что было въ обыкновенное время липовой листвою, объявилъ Машенькѣ, что давно любить ее.

Они такъ много цѣловались въ эти первые дни ихъ любви, что у Машеньки распухали губы, и на шеѣ, такой всегда горячей подъ узломъ косы, появлялись нѣжные подтеки. Она была удивительно веселая, скорѣе смѣшливая, чѣмъ насмѣшливая. Любила пѣсенки, прибаутки всякія, словечки да стихи. Пѣсенка у нея погостить два-три дня и потомъ забудется, прилетитъ новая. Такъ, во время самыхъ первыхъ свиданій она все повторяла, картаво и проникновенно: «Скрутили Ванечкѣ руки и ноги, долго томили Ваню въ острогѣ», — и смѣялась воркотливымъ, груднымъ смѣхомъ: «вотъ здорово-то!» Во рвахъ о ту пору зрѣла послѣдняя, водянисто-сладкая малина; она необыкновенно любила ее, да и вообще постоянно что-нибудь сосала, — стебелекъ, листикъ, леденецъ. Ландриновскіе леденцы она носила просто въ карманѣ, слипшимися кусками, къ которымъ прилипали шерстинки, соръ. И духи у нея были недорогіе, сладкіе, назывались «Таторъ». Этотъ запахъ, смѣшанный со свѣже-

стью осеняго парка, Ганинъ теперь старался опять уловить, но, какъ извѣстно, память воскрешаетъ все, кромѣ запаховъ, и зато ничто такъ полно не воскрешаетъ прошлаго, какъ запахъ, когда-то связанный съ нимъ.

И Ганинъ на мгновенье отсталъ отъ своего воспоминанья, подумалъ о томъ, какъ могъ прожить столько лѣтъ безъ мысли о Машенькѣ, — и сразу опять нагналъ ее: она бѣжала по шуршащей темной тропинкѣ, черный бантъ мелькалъ, какъ огромная траурница, — и Машенька вдругъ остановилась, схватилась за его плечо и, поднявъ ногу, принялась тереть запачкавшійся башмачекъ о чулокъ другой ноги, — повыше, подъ складками синей юбки.

Ганинъ уснулъ, лежа одѣтый на нераскрытой постели; воспоминанье его расплылось и перешло въ сновидѣнье. Это сновидѣнье было необычайное, рѣдчайшее, и онъ бы зналъ о чемъ оно, если-бы на разсвѣтъ его не разбудилъ странный, словно громовой, раскатъ. Онъ привсталъ, прислушался. Громъ оказался непонятнымъ кряхтѣньемъ и шорохомъ за дверью: кто-то тяжело скребся въ нее; ручка едва блестящая въ туманѣ разсвѣтнаго воздуха, вдругъ опустилась и вскочила опять, но дверь осталась закрытой, хотя не была заперта на ключъ. Ганинъ, двигаясь беззвучно и съ удовольствіемъ предвкушая приключенье, сползъ съ постели и,

на всякій случай сжавъ въ кулакъ лѣвую руку, правой сильно рванулъ дверь.

Къ нему на плечо, съ размаху, какъ громадная, мягкая кукла, ничкомъ палъ человѣкъ. Отъ неожиданности Ганинъ едва не ударилъ его, но тотчасъ-же почувствовалъ, что человѣкъ валится на него только потому, что не въ силахъ стоять. Онъ отодвинулъ его къ стѣнѣ и нащупалъ свѣтъ.

Передъ нимъ, опираясь головой о стѣну и ловя воздухъ разинутымъ ртомъ, стоялъ старикъ Подтягинъ, босой, въ длинной ночной рубашкѣ, распахнутой на сѣдой груди. Глаза его, безъ пенснэ, обнаженные, слѣпые, не мигали, лицо было цвѣта сухой глины, большой животъ горой ходилъ подъ натянутымъ полотномъ рубашки.

Ганинъ сразу понялъ, что старика опять одолѣлъ сердечный припадокъ. Онъ поддержалъ его, и Подтягинъ, тяжело передвигая сизыя ноги, добрался до кресла, рухнулъ въ него, откинулъ сѣрое, вдругъ вспотѣвшее лицо.

Ганинъ сунулъ въ кувшинъ полотенце и прижалъ отяжелѣвшія мокрая складки къ голой груди старика. Ему казалось, что въ этомъ большомъ, напряженномъ тѣлѣ могутъ сейчасъ съ рѣзкимъ хрустомъ лопнуть всѣ кости.

И вдругъ Подтягинъ передохнулъ, со свистомъ выпустилъ воздухъ. Это былъ не просто вздохъ, а чудеснѣйшее наслажденье, отъ ко-

торого сразу оживились его черты. Ганинъ, поощрительно улыбаясь, все прижималъ къ его тѣлу мокрое полотенце, потиралъ ему грудь, бока.

— «Лу...лучше», — выдохнулъ старикъ.

— «Сидите совсѣмъ спокойно», — сказалъ Ганинъ. — «Сейчасъ все пройдетъ».

Подтягинъ дышалъ и мычалъ, шевеля крупными кривыми пальцами босыхъ ногъ. Ганинъ прикрылъ его одѣяломъ, далъ ему выпить воды, отворилъ пошире окно.

— «Не могъ... дышать», — съ трудомъ проговорилъ Подтягинъ.—«Не могъ къ вамъ войти... такъ ослабъ. Одинъ... не хотѣлъ умирать...»

— «Сидите смирно, Антонъ Сергѣевичъ. Скоро день. Позовемъ доктора».

Подтягинъ медленно потеръ лобъ рукой, задыхалъ ровнѣе,

— «Миновало»,—сказалъ онъ. «На время миновало. У меня всѣ капли вышли. Потому было такъ худо».

— «И капель купимъ. Хотите перебраться ко мнѣ на постель?..»

— «Нѣтъ... Я посижу и пойду къ себѣ. Миновало. А завтра утромъ...»

— «Отложимъ до пятницы», — сказалъ Ганинъ. — «Виза не убѣжить».

Подтягинъ облизалъ толстымъ, пупырчатымъ языкомъ засохшія губы:

— «Меня въ Парижѣ давно ждутъ, Левушка. А у племянницы нѣтъ денегъ выслать мнѣ на дорогу. Эхъ-ма...»

Ганинъ сѣлъ на подоконникъ (и мелькомъ подумалъ: «я такъ сидѣлъ совсѣмъ недавно, но гдѣ?») И вдругъ вспомнилъ — цвѣтную глубину бесѣдки, бѣлый откидной столикъ, дырку на носкѣ).

— «Потушите, пожалуйста, свѣтъ, голубчикъ», — попросилъ Подтягинъ. — «Больно глазамъ».

Въ полутьмѣ все показалось очень страннымъ: и шумъ первыхъ поѣздовъ, и эта большая сѣдая тѣнь въ креслѣ, и блескъ пролитой воды на полу. И все это было гораздо таинственнѣе и смутнѣе той безсмертной дѣйствительности, которой жилъ Ганинъ.

9.

Утромъ Колинъ завариваль для Горноцвѣтова чай. Въ этотъ четвергъ Горноцвѣтовъ долженъ былъ рано поѣхать за городъ, чтобы по-видать балерину, набирающую труппу, и потому всѣ въ домѣ еще спали, когда Колинъ, въ необыкновенно грязномъ японскомъ халатикѣ и въ потрепанныхъ ботинкахъ на босу ногу, поплелся въ кухню за кипяткомъ. Его круглое, неумное, очень русское лицо, со вздернутымъ носомъ и синими томными глазами (самъ онъ думаль, что похожъ на верлэновскаго «полупьерро, полу-гаврошъ»), было помято и лоснилось, бѣлокурые волосы, еще не причесанные на косой рядъ, падали поперекъ лба, свободные шнурки ботинокъ со звукомъ мелкаго дождя похлестывали объ полъ. Онъ по-женски надуваль губы, возясь съ чайникомъ, а потомъ сталъ что-то мурлыкать, тихо и сосредоточен-

но. Горноцвѣтовъ кончалъ одѣваться, завязывалъ бантикомъ пятнистый галстукъ передъ зеркаломъ, сердясь на прыщъ, только-что срѣзанный при бритьѣ и теперь сочащійся желтой кровью сквозь плотный слой пудры. Лицо у него было темное, очень правильное, длинныя загнутыя рѣсницы придавали его каримъ глазамъ ясное, невинное выраженье, черные короткіе волосы слегка курчавились, онъ по-кучерски брилъ сзади шею и отпускалъ бачки, которыя двумя темными полосками загибались вдоль ушей. Былъ онъ, какъ и его пріятель, невысокаго роста, очень тощій, съ прекрасно развитыми мускулами ногъ, но узенькій въ груди и въ плечахъ.

Они подружились сравнительно недавно, танцовали въ русскомъ кабарэ гдѣ-то на Балканахъ и мѣсяца два тому назадъ пріѣхали въ Берлинъ въ поискахъ театральной фортуны. Особый оттѣнокъ, таинственная жеманность нѣсколько отдѣляла ихъ отъ остальныхъ пансіонеровъ, но, говоря по совѣсти, нельзя было порицать голубиное счастье этой безобидной четы.

Колинъ, послѣ ухода друга, оставшись одинъ въ неубранной комнатѣ, открылъ приборъ для отдѣлки ногтей и, вполголоса напѣвая, сталъ подрѣзывать себѣ заусеницы. Чрезмѣрной чистоплотностью онъ не отличался, зато ногти держалъ въ отмѣнномъ порядкѣ.

Въ комнатѣ тяжело пахло ориганомъ и потомъ; въ мыльной водѣ плавалъ пучокъ волосъ, выдернутыхъ изъ гребешка. По стѣнамъ поднимали ножку балетные снимки; на столѣ лежалъ большой раскрытый вѣеръ, и рядомъ съ нимъ — грязный крахмальный воротничекъ.

Колинъ, полюбовавшись на пунцоватый блескъ вычищенныхъ ногтей, тщательно вымылъ руки, натеръ лицо и шею туалетной водой, душистой до тошноты, скинувъ халатъ, прошелся нагишомъ на пуантахъ, подпрыгнувъ съ быстрой ножною трелью, проворно одѣлся, напудрилъ носъ, подвелъ глаза и, застегнувъ на всѣ пуговицы сѣрое, въ талію, пальто, пошелъ прогуляться, ровнымъ движеньемъ поднимая и опуская конецъ щегольской тросточки.

Возвращаясь домой къ обѣду, онъ обогналъ у парадной двери Ганина, который только-что покупалъ въ аптекѣ лекарство для Подтягина. Старикъ чувствовалъ себя хорошо, что-то пописывалъ, ходилъ по комнатѣ, но Клара, посоветовавшись съ Ганинымъ, рѣшила не пускать его сегодня изъ дому.

Колинъ, подоспѣвъ сзади, сжалъ Ганину руку повыше локтя. Тотъ обернулся:

— «А, Колинъ.. хорошо погуляли?»

— «Алекъ сегодня уѣхалъ», — заговорилъ Колинъ, поднимаясь рядомъ съ Ганинымъ по

лѣстницѣ. — «Я ужасно волнуюсь, получить ли онъ ангажементъ...»

— «Такъ, такъ», — сказалъ Ганинъ, который рѣшительно не зналъ, о чемъ съ нимъ говорить.

Колинъ засмѣялся:

— «А Алферовъ-то вчера опять застрялъ въ лифтѣ. Теперь лифтъ не дѣйствуетъ...»

Онъ повелъ набалдашникомъ трости по перилу и посмотрѣлъ на Ганина съ застѣнчивой улыбкой:

— «Можно у васъ посидѣть немного? Мнѣ что-то очень скучно сегодня...»

— «Ну ты, братъ, не вздумай со скуки ухаживать за мной»,—мысленно огрызнулся Ганинъ, открывая дверь пансіона, и вслухъ отвѣтилъ:

— «Къ сожалѣнію я сейчасъ занятъ. Въ другой разъ».

— «Какъ жаль», — протянулъ Колинъ, входя за Ганинымъ и прикрывая за собой дверь. Дверь не поддавалась, кто-то сзади просунулъ большую, коричневую руку, и оттуда басистый берлинскій голосъ грянулъ:

— «Одно мгновенье, господа».

Ганинъ и Колинъ оглянулись. Порогъ переступилъ усатый, тучный почтальонъ.

— «Здѣсь живетъ герръ Алферовъ?»

— «Первая дверь налѣво»,—сказалъ Ганинъ.

— «Благодарю», — на пѣсенный ладъ прогудѣлъ почтальонъ и постучался въ указанный номеръ.

Это была телеграмма.

— «Что такое? Что такое? Что такое?», — судорожно лепеталъ Алферовъ, неловкими пальцами развертывая ее. Отъ волненья онъ не сразу могъ прочесть наклеенную ленточку блѣдныхъ неровныхъ буквъ: „priedu subbotu 8 utra“. Алферовъ вдругъ понялъ, вздохнулъ и перекрестился.

— «Слава тебѣ, Господи... Приѣзжаетъ...»

Широко улыбаясь и потирая свои костлявыя ляжки, онъ присѣлъ на постель и сталъ покачиваться взадъ и впередъ. Его водянисто-голубые глаза быстро помигивали, борода цвѣта навозца золотилась въ косомъ потокѣ солнца.

— «Зеръ гуть», — бормоталъ онъ. — «Послѣ завтра — суббота. Зеръ гуть. Сапоги въ какомъ видѣ!.. Машенька удивится. Ничего, какънибудь проживемъ. Квартирку найдемъ, дешевенькую. Она ужъ рѣшить. А пока здѣсь проживемъ. Благо: дверь есть между комнатами».

Погодя немного, онъ вышелъ въ корридоръ и постучался въ сосѣдній номеръ.

Ганинъ подумалъ: — «Что это мнѣ сегодня покоя не даютъ?»

— «Вотъ что, Глѣбъ Львовичъ», — безъ обиняковъ началъ Алферовъ, круговымъ взглядомъ обводя комнату, — «вы когда думаете съѣхать?»

Ганинъ съ раздраженъемъ посмотрѣлъ на него:

— «Меня зовутъ Левъ. Постарайтесь запомнить».

— «Вѣдь къ субботѣ съѣдете?», — спросилъ Алферовъ и мысленно соображалъ: — «Постель нужно будетъ иначе. Шкапъ отъ проходной двери отставить...»

— «Да, съѣду», — отвѣтилъ Ганинъ и опять, какъ тогда за обѣдомъ, почувствовалъ острую неловкость.

— «Ну вотъ и отлично», — возбужденно подхватилъ Алферовъ. — «Простите за безпокойство, Глѣбъ Львовичъ».

И въ послѣдній разъ окинувъ взглядомъ комнату, онъ со стукомъ вышелъ.

— «Дуракъ»... — пробормоталъ Ганинъ. — «Къ чорту его. О чемъ это я такъ хорошо думалъ сейчасъ... Ахъ, да... ночь, дождь, бѣлая колонна»...

— «Лидія Николаевна! Лидія Николаевна!» — громко звалъ маслянистый голосъ Алферова въ корридоръ.

— «Житья отъ него нѣтъ», — злобно подумалъ Ганинъ. — «Не буду сегодня здѣсь обѣдать. Довольно».

На улицѣ асфальтъ отливалъ лиловымъ блескомъ; солнце путалось въ колесахъ автомобилей. Рядомъ съ кабачкомъ былъ гаражъ; пройма его воротъ зіяла темнотой, и оттуда нѣжно

пахнуло карбидомъ. И этотъ случайный запахъ помогъ Ганину вспомнить еще живѣе тотъ русскій, дождливый августъ, тотъ потокъ счастья, который тѣни его берлинской жизни все утро такъ назойливо прерывали.

Онъ выходилъ изъ свѣтлой усадьбы въ черный, журчащій сумракъ, зажигалъ нѣжный огонь въ фонарикѣ велосипеда, — и теперь, когда онъ случайно вдохнулъ карбидъ, все ему вспомнилось сразу: мокрая трава, хлещущая по движущейся икрѣ, по спицамъ колесъ, кругъ молочнаго свѣта, впивающій и растворяющій тьму, изъ которой возникали: то морщинистая лужа, то блестящій камешекъ, то навозомъ обитыя доски моста, то, наконецъ, вертящаяся калитка, сквозь которую онъ протискивался, задѣвая плечомъ мягкую мокрую листву акацій.

И тогда въ струящейся тьмѣ выступали съ тихимъ вращеньемъ колонны, омытыя все тѣмъ же нѣжнымъ, бѣлесымъ свѣтомъ велосипеднаго фонарика, и тамъ на шестиколонномъ крытомъ перронѣ чужой заколоченной усадьбы его встрѣчалъ душистый холодокъ, смѣшанный запахъ духовъ и промокшаго шевиота, — и этотъ осенній, этотъ дождевой поцѣлуй былъ такъ дологъ и такъ глубокъ, что потомъплыли въ глазахъ большія, свѣтлыя, дрожащія пятна, и еще сильнѣе казался развѣсистый, многолиственный, шелестящій шумъ дождя. Мокрыми пальцами онъ открывалъ стеклянную

дверцу фонарика, тушилъ огонекъ. Вѣтеръ напиралъ изъ тьмы тяжело и влажно. Машенька, сидя рядомъ на облупившейся балюстрадѣ, гладила ему виски холодной ладошкой, и въ темнотѣ онъ различалъ смутный уголь ея промокшаго банта и улыбавшійся блескъ глазъ.

Дождевая сила въ липахъ передъ перрономъ, въ черной, клубящейся тьмѣ, прокатывала широкимъ порывомъ, и скрипѣли стволы, схваченные желѣзными скрѣпами для поддержанія ихъ дряхлой мощи. И подъ шумъ осенней ночи онъ разстегивалъ ей кофточку, цѣловалъ ее въ горячую ключицу; она молчала, — только чуть блестѣли глаза, — и кожа на ея открытой груди медленно остывала отъ прикосновеній его губъ и сырого ночного вѣтра. Они говорили мало, говорить было слишкомъ темно. Когда онъ наконецъ зажигалъ спичку, чтобы посмотреть на часы, Машенька щурилась, откидывала со щеки мокрую прядь. Онъ обнималъ ее одной рукой, другой катилъ, толкая за сѣдло, велосипедъ, — и въ морозящей тьмѣ они тихо шли прочь, спускались по тропѣ къ мосту и тамъ прощались — длительно, горестно, словно передъ долгой разлукой.

И въ ту черную, бурную ночь, когда, наканунѣ отъѣзда въ Петербургъ къ началу школьнаго года, онъ въ послѣдній разъ встрѣтился съ ней на этомъ перронѣ съ колоннами, случилось нѣчто страшное и неожиданное, символъ,

быть можетъ, всѣхъ грядущихъ кощунствъ. Въ эту ночь особенно шумно шелъ дождь, и особенно нѣжной была ихъ встрѣча. И внезапно Машенька вскрикнула, спрыгнула съ периль. И при свѣтѣ спички Ганинъ увидѣлъ, что ставня одного изъ оконъ, выходящихъ на перронъ, отвернута, что къ черному стеклу изнутри прижимается, сплющивъ бѣлый носъ, человѣческое лицо. Оно двинулось, скользнуло прочь, но оба они успѣли узнать рыжеватые вихры и выпученный ротъ сына сторожа, зубоскала и бабника лѣтъ двадцати, всегда попадавагося имъ въ аллеяхъ парка. И Ганинъ однимъ бѣшеннымъ прыжкомъ кинулся къ окну, просадилъ спиною хряснувшее стекло, ввалился въ ледяную мглу и съ размаху ударился головой въ чью-то крѣпкую грудь, которая екнула отъ толчка. И въ слѣдующій мигъ они сцѣпились, покатались по гулкому паркету, задѣвая во тьмѣ мертвую мебель въ чехлахъ, и Ганинъ, высвободивъ правую руку, сталъ бить каменнымъ кулакомъ по мокрому лицу, оказавшемуся вдругъ подъ нимъ. И только когда сильное тѣло, прижатое имъ къ полу, вдругъ обмякло и стало стонать, онъ всталъ и тяжело дыша, тыкаясь во тьмѣ о какіе-то мягкіе углы, добрался до окна, вылѣзъ опять на перронъ, отыскалъ рыдающую, перепуганную Машеньку — и тогда замѣтилъ, что изо рта у него течетъ что-то теплое, желѣзистое, и что руки порѣзаны

осколками стекла. А утромъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ — и по дорогѣ на станцію, изъ окна глухо и мягко стучавшей кареты, увидѣлъ Машеньку, шедшую по краю шоссе вмѣстѣ съ подругами. Стѣнка, обитая черной кожей, мгновенно закрыла ее, и такъ какъ онъ былъ не одинъ въ каретѣ, то онъ не рѣшился взглянуть въ заднее овальное оконце.

Судьба въ этотъ послѣдній августовскій день дала ему напередъ отвѣдать будущей разлуки съ Машенькой, разлуки съ Россіей.

Это было пробнымъ испытаньемъ, таинственнымъ предвкушеньемъ; особенно грустно уходили одна за другой въ сѣрую муть горящія рябины, и казалось невѣроятнымъ, что весною онъ опять увидитъ эти поля, этотъ валунъ на юру, эти задумчивыя телеграфныя столбища.

Въ петербургскомъ домѣ все показалось по новому чистымъ, и свѣтлымъ, и положительнымъ, какъ это всегда бываетъ по возвращеніи изъ деревни. Началась школа, — онъ былъ въ седьмомъ классѣ, учился небрежно. Выпалъ первый снѣгъ, и чугунныя ограды, спины понурыхъ лошадей, дрова на баржахъ, покрылись бѣлымъ, пухловатымъ слоємъ.

И только въ ноябрѣ Машенька переселилась въ Петербургъ. Они встрѣтились подъ той аркой, гдѣ — въ оперѣ Чайковскаго — гибнетъ Лиза. Валилъ отвѣсно крупный мягкій снѣгъ въ сѣромъ, какъ матовое стекло, воздухѣ. И

Машенька въ это первое петербургское свиданіе показалась слегка чужой, оттого, быть можетъ, что была въ шляпѣ и въ шубкѣ. Съ этого дня началась новая — снѣговая — эпоха ихъ любви. Встрѣчаться было трудно, подолгу блуждать на морозѣ было мучительно, искать теплой уединенности въ музеяхъ и въ кинематографахъ было мучительнѣе всего, — и недаромъ въ тѣхъ частыхъ, пронзительно нѣжныхъ письмахъ, которыя они въ пустые дни писали другъ другу (онъ жилъ на Англійской набережной, она на Караванной), оба вспоминали о тропинкахъ парка, о запахѣ листопада, какъ о чемъ-то немислимо дорогомъ и уже невозвратимомъ: быть можетъ, только бередили любовь свою, а можетъ быть дѣйствительно понимали, что настоящее счастье минуло. И по вечерамъ они звонили другъ другу, — узнать, получено ли письмо, и гдѣ и когда встрѣтятся: ея смѣшное произношенье было еще прелестнѣе въ телефонѣ, она говорила куцые стишки и тепло смѣялась, прижимала къ груди трубку, и ему чудилось, что онъ слышитъ стукъ ея сердца.

Такъ они говорили часами.

Она ходила въ ту зиму въ сѣрой шубкѣ, слегка толстившей ее, и въ замшевыхъ гетрахъ, надѣтыхъ прямо на тонкіе комнатные башмачки. Онъ никогда не видѣлъ ее простуженной, даже озябшей. Морозъ, метель только ожив-

ляли ее, и въ ледяныхъ вихряхъ въ темномъ переулкѣ онъ обнажалъ ей плечи, снѣжники щекотали ее, она улыбалась сквозь мокрая рѣсницы, прижимала къ себѣ его голову, и рыхлый снѣжокъ осыпался съ его каракулевой шапки къ ней на голую грудь.

Эти встрѣчи на вѣтру, на морозѣ больше его мучили, чѣмъ ее. Онъ чувствовалъ, что отъ этихъ несовершенныхъ встрѣчъ мельчаетъ, протирается любовь. Всякая любовь требуетъ уединенья, прикрытiя, прiюта, а у нихъ прiюта не было. Ихъ семьи не знали другъ друга; эта тайна, которая сперва была такой чудесной, теперь мѣшала имъ. И ему начинало казаться, что все поправится, если она, хотя-бы въ мебелированныхъ номерахъ, станетъ его любовницей, — и эта мысль жила въ немъ какъ-то отдѣльно отъ самаго желанья, которое уже слабѣло подъ пыткой скудныхъ прикосновенiй.

Такъ проблуждали они всю зиму, вспоминая деревню, мечтая о будущемъ лѣтѣ, иногда ссорясь и ревнуя, пожимая другъ дружкѣ руки подъ мохнатой, плѣшивой полостью легкихъ извозничьихъ санокъ, — а въ самомъ началѣ новаго года Машеньку увезли въ Москву.

И странно: эта разлука была для Ганина облегченьемъ.

Онъ зналъ, что лѣтомъ она вернется въ дачное мѣсто подъ Петербургомъ, онъ сперва много думалъ о ней, воображалъ новое лѣто,

новыя встрѣчи, писалъ ей все тѣ-же пронзительныя письма, а потомъ сталъ писать рѣже, а когда самъ переѣхалъ на дачу въ первые дни мая, то и вовсе писать пересталъ. И въ эти дни онъ успѣлъ сойтись и порвать съ нарядной, милой, бѣлокурой дамой, мужъ которой воевалъ въ Галиціи.

И потомъ Машенька вернулась.

Голосъ ея слабо и далеко вспыхнулъ, въ телефонѣ дрожалъ гулъ, какъ въ морской раковинѣ, по временамъ еще болѣе далекій перекрестный голосъ перебивалъ, вель съ кѣмъ-то разговоръ въ четвертомъ измѣреніи: дачный телефонный аппаратъ былъ старый, съ вращательной ручкой, — и между нимъ и Машенькой было верстъ пятьдесятъ гудящаго тумана.

— «Я приѣду», — кричалъ въ трубку Ганинъ. — «Я говорю, что приѣду. На велосипедѣ, выйдеть два часа».

— «...Не хотѣлъ опять въ Воскресенскѣ. Ты слушаешь? Папа ни за что не хотѣлъ опять снять дачу въ Воскресенскѣ. Отъ тебя до-сюда пятьдесятъ...»

— «Не забудьте привезти штиблеты», — мягко и равнодушно сказалъ перекрестный голосъ.

И снова въ жужжаньи просквозила Машенька точно въ перевернутомъ телескопѣ. И когда она совсѣмъ исчезла, Ганинъ прислонился къ стѣнѣ и почувствовалъ, что у него горять уши.

Онъ выѣхалъ около трехъ часовъ дня, въ открытой рубашкѣ и футбольныхъ трусикахъ, въ резиновыхъ башмакахъ на босу ногу. Вѣтеръ былъ въ спину, онъ ѣхалъ быстро, выбирая гладкія мѣста между острыхъ камешковъ на шоссе, и вспоминалъ, какъ проѣзжалъ мимо Машеньки въ прошломъ іюлѣ, когда еще не былъ съ нею знакомъ.

На пятнадцатой верстѣ лопнула задняя шина, и онъ долго чинилъ ее, сидя на краю канавы. Надъ полями, съ обѣихъ сторонъ шоссе, звенѣли жаворонки; прокатилъ въ облакѣ пыли сѣрый автомобиль съ двумя офицерами въ совиныхъ очкахъ. Покрѣпче надувъ починенную шину, онъ поѣхалъ дальше, чувствуя, что не рассчиталъ, опоздалъ уже на часъ. Свернувъ съ шоссе, онъ поѣхалъ лѣсомъ, по тропѣ указанной прохожимъ мужикомъ. И потомъ свернулъ опять, да невѣрно, и долго кслесилъ, раньше чѣмъ попалъ на правильную дорогу. Онъ отдохнулъ и поѣлъ въ деревушкѣ и, когда оставалось всего двѣнадцать верстѣ, переѣхалъ острый камушекъ, и опять свистнула и осѣла та-же шина.

Было уже темновато, когда онъ прикатилъ въ дачный городокъ, гдѣ жила Машенька. Она ждала его у воротъ парка, какъ было условлено, но уже не надѣялась, что онъ пріѣдетъ, такъ какъ ждала уже съ шести часовъ. Увидя его, она отъ волненья оступилась, чуть не упала.

На ней было бѣлое сквозистое платье, котораго Ганинъ не зналъ. Бантъ исчезъ, и потому ея прелестная голова казалась меньше. Въ подобранныхъ волосахъ синѣли васильки.

Въ этотъ странный, осторожно-темнѣющій вечеръ, въ липовомъ сумракѣ широкаго городского парка, на каменной плитѣ, вбитой въ мохъ, Ганинъ, за одинъ недолгій часъ, полюбилъ ее острѣе прежняго и разлюбилъ ее какъ будто навсегда.

Они сначала говорили тихо и блаженно, — о томъ, что вотъ такъ долго не видѣлись, о томъ, что на мху, какъ крохотный семафоръ, блеститъ свѣтлячокъ. Ея милые, милые татарскіе глаза близко скользили у его лица, бѣлое платье, словно мерцало въ темнотѣ, — и, Боже мой, этотъ запахъ ея, непонятный, единственный въ мірѣ...

— «Я твоя», — сказала она. — «Дѣлай со мной, что хочешь».

Молча, съ бьющимся сердцемъ, онъ наклонился надъ ней, забродилъ руками по ея мягкимъ, холодноватымъ ногамъ. Но въ паркѣ были странные шорохи, кто-то словно все приближался изъ-за кустовъ; колѣнямъ было твердо и холодно на каменной плитѣ; Машенька лежала слишкомъ покорно, слишкомъ неподвижно.

Онъ застылъ, потомъ неловко усмѣхнулся.

— «Мнѣ все кажется, что кто-то идетъ», — сказалъ онъ и поднялся.

Машенька, вздохнула, оправила смутно блѣвшее платье, встала тоже.

И потомъ, когда они шли къ воротамъ по пятнистой отъ луны дорожкѣ, Машенька подобрала съ травы блѣдно-зеленаго свѣтляка. Она держала его на ладони, наклонивъ голову, и вдругъ разсмѣялась, сказала съ чуть деревенской ужимочкой: «Въ обчемъ — холодный червячокъ».

И въ это время Ганинъ, усталый, недовольный собой, озябшій въ своей легкой рубашкѣ, думалъ о томъ, что все кончено, Машеньку онъ разлюбилъ, — и когда черезъ нѣсколько минутъ онъ покатилъ въ лунную мглу домой по блѣдной полосѣ шоссе, то зналъ, что больше къ ней не приѣдетъ.

Лѣто прошло; Машенька не писала, не звонила, онъ же занять былъ другими дѣлами, другими чувствами.

Снова на зиму онъ вернулся въ Петербургъ, ускореннымъ порядкомъ въ декабрѣ держалъ выпускные экзамены, поступилъ въ Михайловское юнкерское училище. И слѣдующимъ лѣтомъ, уже въ годъ революціи, онъ еще разъ увидѣлся съ Машенькой.

Онъ былъ на перронѣ Варшавскаго вокзала. Вечерѣло. Только что подали дачный поѣздъ. Въ ожиданьи звонка, онъ гулялъ назадъ и впередъ по замызанной платформѣ и, глядя на сломанную багажную тачку, думалъ о чемъ-то

другомъ, о вчерашней пальбѣ передъ Гостиннымъ Дворомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ раздраженъ мыслью, что не могъ дозвониться на дачу, и что придется плестись со станціи на извожикѣ.

Когда лязгнулъ третій звонокъ, онъ подошелъ къ единственному въ составѣ синему вагону, сталъ влѣзать на площадку, — и на площадкѣ, глядя на него сверху, стояла Машенька. За годъ она измѣнилась, слегка, пожалуй, похудѣла и была въ незнакомомъ синемъ пальто съ пояскомъ. Ганинъ неловко поздоровался, вагонъ громыхнулъ буферами, поплылъ. Они остались стоять на площадкѣ. Машенька, должно быть, видѣла его раньше и нарочно забралась въ синій вагонъ, хотя ѣздила всегда въ желтомъ, и теперь съ билетомъ второго не хотѣла итти въ отдѣленіе. Въ рукахъ у нея была плитка шоколада Блигкенъ и Робинсонъ; она сразу отломала кусокъ, предложила.

И Ганину было страшно грустно смотрѣть на нее, — что-то робкое, чужое было во всемъ ея обликѣ, посмѣивалась она рѣже, все отворачивала лицо. И на нѣжной шеѣ были лиловатые кровоподтеки, тѣневое ожерелье, очень шедшее къ ней. Онъ рассказывалъ какую-то чепуху, показывалъ ссадину отъ пули на сапогѣ, говорилъ о политикѣ. А вагонъ погрохатывалъ, поѣздъ несся между дымившихся торфяныхъ болотъ въ желтомъ потокѣ вечерней зари; тор-

фяной сѣроватый дымъ мягко и низко стелился, образуя какъ-бы двѣ волны тумана, межъ которыхъ неслись поѣздъ.

Она слѣзла на первой станціи и онъ долго смотрѣлъ съ площадки на ея удаляющуюся синюю фигуру, и чѣмъ дальше она отходила, тѣмъ яснѣе ему становилось, что онъ никогда не разлюбилъ ее. Она не оглянулась. Изъ сумерекъ тяжело и пушисто пахло черемухой.

Когда поѣздъ тронулся, онъ вошелъ въ отдѣленіе, и тамъ было темно, оттого что въ пустомъ вагонѣ кондукторъ не счелъ нужнымъ зажечь огарки въ фонаряхъ. Онъ легъ навзничъ на полосатый тюфякъ лавки и въ проѣму дверцы видѣлъ, какъ за корридорнымъ окномъ поднимаются тонкіе провода среди дыма горящаго торфа и смуглаго золота заката. Было странно и жутковато нестись въ этомъ пустомъ, тряскомъ вагонѣ между сѣрыхъ потоковъ дыма, и странныя мысли приходили въ голову, словно все это уже было когда-то, — такъ вотъ лежалъ, подперевъ руками затылокъ, въ сквозной, грохочущей тѣмѣ, и такъ вотъ мимо оконъ, шумно и широко, проплывалъ дымный закатъ.

Больше онъ не видался съ Машенькой.

Шумъ подкатилъ, хлынулъ, блѣдное облако заволокло окно, стаканъ задребезжалъ на ручномойникѣ. Поѣздъ прошелъ, и теперь въ окнѣ снова раскинулась вѣрная пустыня рельсъ. Нѣжень и туманенъ Берлинъ, въ апрѣлѣ, подъ вечеръ.

Въ этотъ четвергъ, въ сумерки, когда всего глуше гулъ поѣздовъ, къ Ганину зашла, ужасно волнуясь, Клара — передать ему Людмилены слова: «Скажи ему такъ», бормотала Людмила, когда отъ нея уходила подруга. «Такъ скажи: что я не изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ бросаютъ. Я сама умѣю бросать. Скажи ему, что я отъ него ничего не требую, не хочу, но считаю свинствомъ, что онъ не отвѣтилъ на мое письмо. Я хотѣла проститься съ нимъ дружески, предложить ему, что пускай любви не будетъ, но пускай останутся самыя простыя

дружескія отношенія, а онъ не потрудился даже позвонить. Передай ему Клара, что я ему желаю всякаго счастья съ его нѣмочкой и знаю, что онъ не такъ скоро забудетъ меня».

— «Откуда взялась нѣмочка?» — поморщился Ганинъ, когда Клара, не глядя на него, быстрымъ, тихимъ голосомъ передала ему все это. — «И вообще, почему она вмѣшиваетъ васъ въ это дѣло. Очень все это скучно».

— «Знаете что, Левъ Глѣбовичъ», — вдругъ воскликнула Клара, окативъ его своимъ влажнымъ взглядомъ, — «вы просто очень недобрый... Людмила о васъ думаетъ только хорошее, идеализируетъ васъ, но если-бы она все про васъ знала...» Ганинъ съ добродушнымъ удивленьемъ глядѣлъ на нее. Она смутилась, испугалась, опустила опять глаза.

— «Я только передаю вамъ, потому что она сама просила», — тихо сказала Клара.

— «Мнѣ нужно уѣзжать», — послѣ молчанья спокойно заговорилъ Ганинъ. — «Эта комната, эти поѣзда, стряпня Эрики — надоѣли мнѣ. Къ тому-же деньги мои кончаются, скоро придется опять работать. Я думаю въ субботу покинуть Берлинъ навсегда, махнуть на югъ земли, въ какой-нибудь портъ»...

Онъ задумался, сжимая и разжимая руку.

— «Впрочемъ я ничего не знаю... Есть одно обстоятельство... Вы-бы очень удивились, если-бы узнали, что я задумалъ... У меня удивитель-

ный, неслыханный планъ. Если онъ выйдетъ, то уже послѣ завтра меня въ этомъ городѣ не будетъ».

— «Какой онъ, право, странный», — думала Клара, съ тѣмъ щемящимъ чувствомъ одиночества, которое всегда овладѣваетъ нами, когда человѣкъ, намъ дорогой, предается мечтѣ, въ которой намъ нѣтъ мѣста.

Зеркально-черные зрачки Ганина расширились, нѣжныя, частыя рѣсницы придавали что-то пушистое, теплое его глазамъ, и спокойная улыбка задумчивости чуть приподымала его верхнюю губу, изъ подъ которой бѣлой полоской блестѣли ровные зубы. Темныя, густыя брови, напоминавшія Кларѣ обрѣзки дорогого мѣха, то сходились, то разступались, и на чистомъ лбу появлялись и исчезали мягкія морщинки. Замѣтивъ, что Клара глядитъ на него, онъ перемигнулъ рѣсницами, провелъ рукой по лицу и вспомнилъ, что хотѣлъ ей сказать:

— «Да. Я уѣзжаю, и все прекратится. Вы такъ просто ей и скажите: Ганинъ, молю, уѣзжаетъ и проситъ не поминать его лихомъ. Вотъ и все».

11.

Въ пятницу утромъ танцовщики разослали остальнымъ четыремъ жильцамъ такую записку:

Въ виду того, что:

1. Господинъ Ганинъ насъ покидаетъ.

2. Господинъ Подтягинъ покидать собирается.

3. Къ господину Алферову завтра прѣзжаетъ жена.

4. М-ше Кларъ исполняется двадцать шесть лѣтъ.

и 5. Нижеподписавшіеся получили въ семь городъ ангажементъ —

въ виду всего этого устраивается сегодня въ десять часовъ пополудни въ номеръ шестого апрѣля — празднество.

— «Гостепримные юноши», — усмѣхнулся Подтягинъ, выходя изъ дома вмѣстѣ съ Гани-

нымъ, который взялся сопровождать его въ полицію. — «Куда это вы ѣдете, Левушка? Далеко загнете? Да... Вы — вольная птица. Вотъ меня въ юности мучило желанье путешествовать, пожирать свѣтъ Божій. Осуществилось, нечего сказать»....

Онъ поежился отъ свѣжаго весенняго вѣтра, поднялъ воротникъ пальто, темно-сѣраго, чистаго, съ большущими костяными пуговицами. Онъ еще чувствовалъ въ ногахъ сосущую слабость, оставшуюся послѣ припадка, но сегодня ему было какъ-то легко, весело отъ мысли, что теперь-то ужъ навѣрное кончится возня съ паспортомъ, и онъ получитъ возможность хоть завтра уѣхать въ Парижъ.

Громадное, багровое зданіе центрального полицейскаго управленія выходило сразу на четыре улицы; оно было построено въ грозномъ, но очень дурномъ готическомъ стилѣ, съ тусклыми окнами, съ очень интереснымъ дворомъ, черезъ который нельзя было проходить, и съ безстрастнымъ полицейскимъ у главнаго портала. Стрѣлка на стѣнѣ указывала черезъ улицу на мастерскую фотографа, гдѣ въ двадцать минутъ можно было получить свое жалкое изображеніе: полдюжины одинаковыхъ физіономій, изъ которыхъ одна наклеивалась на желтый листъ паспорта, еще одна поступала въ полицейскій архивъ, а остальные, вѣ-

роятно, расходились по частнымъ коллекціямъ чиновниковъ.

Подтягинъ и Ганинъ вошли въ широкій сърый корридоръ. У двери паспортнаго отдѣленья стоялъ столикъ, и съдой, въ усахъ, чиновникъ выдавалъ билетки съ номерами, изрѣдка, какъ школьный учитель, поглядывая черезъ очки на небольшую разноплеменную толпу.

— «Вамъ надо стать въ очередь и взять номеръ», — сказалъ Ганинъ.

— «Этого-то я и не дѣлалъ», — шопотомъ отвѣтилъ старый поэтъ. — «Прямо проходилъ въ дверь...»

Получивъ черезъ нѣсколько минутъ билетикъ, онъ обрадовался, сталъ еще больше похожъ на толстую морскую свинку.

Въ голой комнатѣ, гдѣ за низкой перегородкой, въ душной волнѣ солнца, сидѣли за своими столами чиновники, опять была толпа, которая, казалось, только затѣмъ и пришла, чтобы во всѣ глаза смотрѣть на то, какъ эти угрюмые господа пишутъ.

Ганинъ протиснулся впередъ, таща за рукавъ Подтягина, который довѣрчиво посапывалъ.

Черезъ полчаса, сдавъ подтягинскій паспортъ, они перешли къ другому столу, — опять была очередь, давка, чье-то гнилое дыханье, и, наконецъ, за нѣсколько марокъ желтый листъ

быль возвращень, уже украшенный волшебнымъ клеймомъ.

— «Ну теперь айда въ консульство», — радостно крикнулъ Подтягинъ, когда они вышли изъ грознаго на видъ, но въ общемъ скучноватаго заведенія. — «Теперь — дѣло въ шляпѣ. Какъ это вы, Левъ Глѣбовичъ дорогой, такъ покойно съ ними говорили? А я-то въ прошлые разы какъ мучился... Давайте-ка, на имперьяль влѣземъ. Какое, однако, счастье. Я даже, знаете, вспотѣлъ».

Онъ первый вскарабкался по винтовой лѣсенкѣ, кондукторъ сверху бабахнулъ ладонью о желѣзный бортъ, автобусъ тронулся. Мимо поплыли дома, вывѣски, солнце въ витринахъ.

— «Наши внуки никакъ не поймутъ вотъ этой чепухи съ визами», — говорилъ Подтягинъ, благоговѣйно разсматривая свой паспортъ. — «Никакъ не поймутъ, что въ простомъ штемпелѣ могло быть столько человѣческаго волненья... Какъ вы думаете», — вдругъ спохватился онъ, — «мнѣ теперь французы навѣрное визу поставятъ?»

— «Ну конечно, поставятъ» — сказалъ Ганинъ. — «Вѣдь вамъ сообщили, что есть разрѣшеніе».

— «Пожалуй, завтра уѣду», — посмѣивался Подтягинъ. — «Поѣдемъ вмѣстѣ, Левушка.

Хорошо будетъ въ Парижѣ. Нѣтъ, да вы только посмотрите, какая мордомерія у меня».

Ганинъ черезъ его руку взглянулъ на паспортъ, на снимокъ въ уголку. Снимокъ, точно, былъ замѣчательный: изумленное распухшее лицо плавало въ сѣровой мути.

— «А у меня цѣлыхъ два паспорта», — сказалъ съ улыбкой Ганинъ. — «Одинъ русскій, настоящій, только очень старый, а другой польскій, подложный. По нему-то и живу».

Подтягинъ, платя кондуктору, положилъ свой желтый листокъ на сидѣнье, рядомъ съ собой, выбралъ изъ нѣсколькихъ монетъ на ладони сорокъ пфенниговъ, вскинулъ глаза на кондуктора:

— «Генухъ?»

Потомъ бочкомъ глянулъ на Ганина.

— «Что это вы говорите, Левъ Глѣбовичъ. Подложный?»

— «Именно. Меня, правда, зовутъ Левъ, но фамилія вовсе не Ганинъ».

— «Какъ-же это такъ, голубчикъ», — удивленно тарачилъ глаза Подтягинъ и вдругъ схватился за шляпу, — дулъ сильный вѣтеръ.

— «Такъ. Были дѣла», — задумчиво проговорилъ Ганинъ. — «Года три тому назадъ. Партизанскій отрядъ. Въ Польшѣ. И такъ далѣе. Я когда-то думалъ: проберусь въ Петербургъ, подниму возстаніе... А теперь какъ-то забавно и удобно съ этимъ паспортомъ».

Подтягинъ вдругъ отвелъ глаза, мрачно сказалъ:

— «Мнѣ, Левушка, сегодня Петербургъ снился. Иду по Невскому, знаю, что Невскій, хотя ничего похожаго. Дома—косыми углами, сплошная футуристика, а небо черное, хотя знаю, что день. И прохожіе косятся на меня. Потомъ переходитъ улицу человѣкъ и цѣлится мнѣ въ голову. Я часто это вижу. Страшно,— охъ, страшно, — что когда намъ снится Россія, мы видимъ не ея прелесть, которую помнимъ на-яву, а что-то чудовищное. Такіе, знаете, сны, когда небо валится и пахнетъ концомъ міра».

— «Нѣтъ», — сказалъ Ганинъ, — «мнѣ снится только прелесть. Тотъ-же лѣсъ, та-же усадьба. Только иногда бываетъ какъ-то пустовато, незнакомыя просѣки. Но это ничего. Намъ тутъ вылѣзать, Антонъ Сергѣевичъ».

Онъ сошелъ по винтовой лѣсенкѣ, помогъ Подтягину сосупить на асфальтъ.

— «Вода славно сверкаетъ», — замѣтилъ Подтягинъ, съ трудомъ дыша и указывая растопыренной рукой на каналъ.

— «Осторожно, — велосипедъ», — сказалъ Ганинъ. — «А консульство вонъ тамъ, направо».

— «Примите мое искреннее благодареніе, Левъ Глѣбовичъ. Я одинъ-бы никогда не кончилъ этой паспортной канители. Отлегло. Прощай, Дейтчландъ».

Они вошли въ зданіе консульства и стали подниматься по ступенямъ.

Подтягинъ на ходу пошарилъ въ карманѣ.
— «Идемъ-же», — обернулся Ганинъ.

Но старикъ все шарилъ.

Къ обѣду собралось только четверо пансіонеровъ.

— «Что-же наши то, — такъ опоздали?» — весело проговорилъ Алферовъ.

— «Вѣрно, ничего у нихъ не вышло».

Отъ него такъ и несло радостнымъ ожиданіемъ. Наканунѣ онъ ходилъ на вокзалъ, узналъ точный часъ прихода сѣвернаго поѣзда: 8,05. Утромъ чистилъ костюмъ, купилъ пару новыхъ манжетъ, букетъ ландышей. Денежныя дѣла его какъ-будто поправлялись. Передъ обѣдомъ онъ сидѣлъ въ кафе съ мрачнымъ бритымъ господиномъ, который предлагалъ ему несомнѣнно выгодную комбинацію. Его умъ, привыкшій къ цифрамъ, былъ теперь заполненъ однимъ числомъ, какъ-бы десятичной дробью: восемь, запятая, ноль, пять. Это былъ тотъ процентъ счастья, который покаместъ

выдавала судьба. А завтра... Онъ жмурился и шумно вздыхалъ, представляя себѣ, какъ завтра, спозаранку, пойдетъ на вокзалъ, какъ будетъ ждать на платформѣ, какъ хлынетъ поѣздъ...

Онъ исчезъ послѣ обѣда; танцоры, взволнованные, какъ женщины, предстоящимъ торжествомъ, послѣдовали: вышли подъ ручку закупать мелкія явства.

Одна Клара осталась дома: у нея болѣла голова, ныли тонкія кости полныхъ ногъ; это вышло некстати, — вѣдь нынче былъ ея праздникъ. «Мнѣ сегодня двадцать шесть лѣтъ», — думала она, — и завтра уѣзжаетъ Ганинъ. Онъ нехорошій человѣкъ, обманываетъ женщинъ, способенъ на преступленіе... Онъ можетъ спокойно глядѣть мнѣ въ глаза, хотя, знаетъ, что я видѣла, какъ онъ собирался украсть деньги. И все-же онъ весь — чудесный, я буквально цѣлый день думаю о немъ. И никакой нѣтъ надежды...»

Она посмотрѣла на себя въ зеркало: лицо было блѣднѣе обыкновеннаго; на лбу, подъ низкой каштановой прядью, появилась легкая сыпь; подъ глазами были желтовато-сѣрыя тѣни. Лоснистое черное платье, которое она надевала изо дня въ день, ей надоѣло нестерпимо; на темно-прозрачномъ чулкѣ, по шву, очень замѣтно чернѣла штопка; покривился каблукъ.

Около пяти Подтягинъ и Ганинъ вернулись. Клара услышала ихъ шаги и выглянула. Подтягинъ, блѣдный какъ смерть, въ распахнутомъ пальто, держа въ рукѣ воротникъ и галстукъ, молча прошелъ въ свою комнату и заперъ дверь на ключъ.

— «Что случилось?» — шопотомъ спросила Клара.

Ганинъ цокнулъ языкомъ:

— «Паспортъ потерялъ, а потомъ былъ припадокъ. Тутъ, передъ самымъ домомъ. Я едва дотасилъ его. Лифтъ не дѣйствуетъ, — бѣда. Мы по всему городу рыскали».

— «Я къ нему пойду», — сказала Клара, — «надо-же его успокоить».

Подтягинъ не сразу ее впустилъ. Когда онъ, наконецъ, отперъ, Клара ахнула, увидя его мутное, разстроенное лицо.

— «Слыхали?» — сказалъ онъ съ печальной усмѣшкой. — «Этакій я старый идиотъ. Вѣдь все уже было готово, — и на-те вамъ... Хватился...»

— «Гдѣ-же это вы уронили, Антонъ Сергѣичъ?..»

— «Именно: уронилъ. Поэтическая вольность... Запропасть паспортъ. Облако въ штанахъ, нечего сказать. Идиотина».

— «Можетъ быть подберетъ кто-нибудь», — сочувственно протянула Клара.

— «Какое тамъ... Это значить судьба. Судьбы не миновать. Не уѣхать мнѣ отсюда. Такъ на роду было написано...»

Онъ тяжело сѣлъ.

— «Плохо мнѣ Клара... На улицѣ такъ задохнулся, что думалъ: конецъ. Ахъ, ты, Боже мой, прямо теперь не знаю, что дальше дѣлать. Развѣ, вотъ — въ ящикъ сыграть...»

13.

А Ганинь, вернувшись къ себѣ, принялся укладывать. Онъ вытащилъ изъ подъ постели два пыльных, кожаныхъ чемодана,—одинъ въ клѣтчатомъ чехлѣ, другой голый, смугло-желтоватый, съ блѣдными слѣдами наклейки,—и все содержимое вывалилъ на полъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ тряской, скрипучей темноты шкапа черный костюмъ, тощую пачку бѣлья, пару тяжелыхъ бурыхъ сапогъ съ мѣдными кнопками. Изъ ночного столика онъ извлекъ разнородныя штучки, когда-то брошенныя туда: сѣрые комочки грязныхъ носовыхъ платковъ, тонкіе бритвенные ножи съ подтеками ржавчины вокругъ просверленныхъ дырочекъ, старыя газеты, видовыя открытки, желтыя, какъ лошадиные зубы, четки, рваный шелковый носокъ, потерявшій свою пару.

Ганинъ скинулъ пиджакъ и, опустившись на корточки среди этого грустнаго пыльнаго хлама, сталъ разбираться въ немъ, прикидывать, что взять, что уничтожить.

Раньше всего онъ уложилъ костюмъ и чистое бѣлье, потомъ браунингъ и старыя, сильно потертыя въ паху, галифэ.

Раздумывая, что должно пойти дальше, онъ замѣтилъ чернй бумажникъ, который упалъ подъ стулъ, когда онъ опоражнивалъ чемоданъ. Онъ поднялъ его, открылъ было, съ улыбкой, думая о томъ, что въ немъ лежитъ,— но сказавъ себѣ, что нужно поскорѣе уложиться, сунулъ бумажникъ въ задній карманъ штановъ и сталъ быстро и неразборчиво бросать въ открытыя чемоданы: комья грязнаго бѣлья, русскія книжки, Богъ вѣсть откуда забредшія къ нему, и всѣ тѣ мелкіе, чѣмъ-то милые предметы, къ которымъ глаза и пальцы такъ привыкають, и которые нужны только для того, чтобы человекъ, вѣчно обреченный на новоселье, чувствовалъ себя хотя-бы немного дома, выкладывая въ сотый разъ изъ чемодана легкую, ласковую, человѣчную труху.

Уложившись, Ганинъ заперъ оба чемодана, поставилъ ихъ рядышкомъ, набилъ мусорную корзину трупамъ газетъ, осмотрѣлъ всѣ углы опустѣвшей комнаты, и пошелъ къ хозяйкѣ расплачиваться.

Лидія Николаевна, сидя очень прямо въ креслѣ, читала, когда онъ вошелъ. Ея такса мягко сползла съ постели и забила въ маленькой истерикѣ преданности у ногъ Ганина.

Лидія Николаевна, понявъ, что онъ уже теперь непременно уѣдетъ, опечалилась. Она любила большую спокойную фигуру Ганина да и вообще очень привыкала къ жильцамъ и было что-то подобное смерти въ ихъ неизбѣжныхъ отъѣздахъ.

Ганинъ заплатилъ за послѣднюю недѣлю, поцѣловалъ легкую, какъ блеклый листъ, руку.

Идя назадъ по корридору, онъ вспомнилъ, что сегодня танцоры звали его на вечеринку, и рѣшилъ пока не уходить: комнату въ гостиницѣ всегда можно нанять, хоть за-полночь.

— «А завтра пріѣзжаетъ Машенька», — воскликнулъ онъ про себя, обведя блаженными, слегка испуганными глазами потолокъ, стѣны, полъ. — «Завтра-же я увезу ее», — подумалъ онъ съ тѣмъ-же глубокимъ мысленнымъ трепетомъ, съ тѣмъ-же роскошнымъ вздохомъ всего существа.

Быстрымъ движеніемъ онъ вынулъ черный бумажникъ, въ которомъ хранилъ пять писемъ; онъ получилъ ихъ, когда уже былъ въ Крыму. И теперь онъ мгновенно цѣликомъ вспомнилъ ту крымскую зиму: нордостъ, вздымающій горькую пыль на ялтинской набережной, волну, бьющую черезъ парапетъ на па-

нель, растерянно-наглыхъ матросовъ, потомъ нѣмцевъ въ желѣзныхъ грибахъ шлемовъ, потомъ веселыя трехцвѣтныя нашивки, — дни ожиданья, тревожную передышку, — худенькую, веснушчатую проститутку со стриженными волосами и греческимъ профилемъ, гуляющую по набережной, нордость, разсыпающій ноты оркестра въ городскомъ саду, и — наконецъ — походъ, стоянки въ татарскихъ деревушкахъ, гдѣ въ крохотныхъ цырульняхъ день-деньской, какъ ни въ чемъ не бывало, блеститъ бритва, возбужаетъ мыломъ щека, межъ тѣмъ какъ на улицѣ, въ пыли, мальчишки хлещутъ по своимъ волчкамъ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, — и дикую ночную тревогу, когда не знаешь, откуда стрѣльба, и кто бѣжитъ въ припрыжку черезъ лужи луны, между косыми черными тѣнями домишекъ.

Ганинъ вынулъ изъ пачки первое письмо, — одинъ плотный, удлиненный листокъ съ рисункомъ въ лѣвомъ углу: молодой человекъ въ лазурномъ фракѣ, держа за спиной букетъ блѣдныхъ цвѣтовъ, цѣлуетъ руку дамѣ, такой-же нѣжной, какъ и онъ, съ завитками вдоль щекъ, въ розовомъ, высоко подпоясанномъ, платьѣ.

Ему переслали это первое письмо изъ Петербурга въ Ялту; оно написано было спустя два года слишкомъ послѣ той счастливѣйшей осени.

«Лева, вотъ я уже въ Полтавѣ цѣлую недѣлю, скука адская. Не знаю, увижу-ли я васъ еще когда-нибудь, но мнѣ такъ хочется, чтобы вы все-таки не забывали меня».

Почеркъ былъ мелкій, кругленькій, словно бѣгущій на цыпочкахъ. Подъ «ш» и надъ «т» были для отличія черточки; конечная буква бросала вправо стремительный хвостикъ; только у буквы «я» въ концѣ словъ трогательно загибался хвостикъ внизъ и влѣво, какъ будто Машенька въ послѣдній мигъ брала слово назадъ; точки были очень крупныя, рѣшительныя, зато запятыхъ было мало.

«Подумать только, что недѣлю я смотрю на снѣгъ, бѣлый, холодный снѣгъ. Холодно, жутко, тоскливо. И вдругъ, какъ птица прорѣжетъ умъ мысль, что гдѣ-то, тамъ, далеко-далеко, люди живутъ совершенно другой, иной жизнью. Они не прозябаютъ, какъ я въ глуши маленькаго заброшеннаго хуторка...

Нѣтъ, это такъ уже очень тоскливо здѣсь. Лева, напишите мнѣ что-либо. Хотя-бы самые пустяки».

Ганинъ вспомнилъ, какъ получилъ это письмо, какъ пошелъ въ этотъ далекій январскій вечеръ по крутой каменистой тропѣ, мимо татарскихъ частоколовъ, увѣнчанныхъ тамъ и сямъ конскими черепами, и какъ сидѣлъ надъ ручьемъ, тонкими струями омывающимъ бѣлые гладкіе камни, и глядѣлъ сквозь тончай-

шіе, безчисленные, удивительно - отчетливые сучки голой яблони на розовато-млѣющее небо, гдѣ блестяль, какъ прозрачный обрѣзокъ ногтя, юный мѣсяць, и рядомъ съ нимъ, у нижняго рога, дрожала свѣтлая капля — первая звѣзда.

Онъ написалъ ей въ ту-же ночь, — объ этой звѣздѣ, о кипарисахъ въ садахъ, объ ослѣ, ревущемъ утромъ за домомъ, въ татарскомъ дворѣ. Онъ писалъ ласково, мечтательно, припомнилъ мокрыя сережки на скользкомъ мостикѣ бесѣдки, гдѣ они встрѣтились.

Въ эти годы письма шли долго: только въ іюлѣ пришелъ отвѣтъ.

«Большое спасибо за хорошее, милое, «южное» письмо. Зачѣмъ вы пишете, что все-таки помните меня? И не забудете? Нѣтъ? Какъ хорошо!

Сейчасъ такой хорошей, свѣжій, послѣгрозовой день. Помните, какъ въ Воскресенскѣ? Хотѣлось бы вамъ опять побродить по знакомымъ мѣстамъ? Мнѣ — ужасно. Какъ хорошо было бродить подъ дождемъ въ осеннемъ паркѣ. Почему тогда не было грустно въ худую погоду?

Пока брошу писать, пойду пройдусь.

Вчера такъ и не удалось окончить письмо. Какъ нехорошо это съ моей стороны. Правда? Ну простите, милый Лева, я правда больше не буду».

Ганинъ опустилъ руку съ письмомъ, задумался, легко улыбаясь. Какъ онъ помнилъ эту вотъ веселую ужимку ея, низкій грудной смѣшокъ, когда она просила прощенья... Этотъ переходъ отъ пасмурнаго вздоха къ горячей живости взгляда.

«Долго мучила неизвѣстность, гдѣ вы, и какъ вы», писала она въ томъ же письмѣ. «Теперь не надо прерывать эту маленькую ниточку, которая натянулась между нами. Я хочу написать, спросить очень много, и мысли путаются. Я много горя видѣла и пережила за это время. Пишите, пишите, ради Бога, почаще и побольше. А пока всего, всего хорошаго. Хотѣлось бы проститься сердечнѣе, но можетъ быть за это долгое время я разучилась. А можетъ быть и другое что удерживаетъ?»

Цѣлые дни послѣ полученія письма онъ полонъ былъ дрожащаго счастья. Ему непонятно было, какъ онъ могъ разстаться съ Машенькой. Онъ только помнилъ ихъ первую осень, — все остальное казалось такимъ неважнымъ, блѣднымъ, — эти мученья, размолвки. Его тяготила томная темнота, условный лоскъ ночного моря, бархатная тишь узкихъ кипарисовыхъ аллей, блескъ луны на лопастяхъ магнолій.

Долгъ удерживалъ его въ Ялтѣ, — готовилась военная борьба, — но минутами онъ рѣ-

шалъ все бросить, поѣхать искать Машеньку по малороссійскимъ хуторкамъ.

И было что-то трогательно-чудесное, — какъ въ капустницѣ, перелетающей черезъ траншею, — въ этомъ странствіи писемъ черезъ страшную Россію. Его отвѣтъ на второе письмо очень запоздалъ, и Машенька никакъ не могла понять, что случилось, — такъ была она увѣрена, что для писемъ ихъ нѣтъ обычныхъ въ то время преградъ.

«Вамъ конечно странно, что я пишу вамъ, несмотря на ваше молчанье, — но я не думаю, не хочу думать, что и теперь вы не отвѣтите мнѣ. Вы не потому не отвѣтили, что не хотѣли, а просто потому, что... ну не могли, не успѣли что-ли... Скажите Лева, вѣдь смѣшно вамъ теперь вспоминать ваши слова, что любовь ко мнѣ — ваша жизнь, и если не будетъ любви, — не будетъ и жизни... Да... Какъ все проходитъ, какъ мѣняется. Хотѣли-бы вы вернуть все что было? Мнѣ сегодня какъ-то слишкомъ тоскливо...

Но сегодня весна и сегодня мимозы

Предлагаютъ на каждомъ шагу.

Я несущу тебѣ ихъ, онѣ хрупки, какъ грезы...

Хорошенькое стихотвореніе, но не помню ни начала, ни конца, и чье оно тоже не помню. Теперь буду ждать вашего письма. Я не знаю, какъ попрощаться съ вами. Быть можетъ, я поцѣловала васъ. Да, должно быть...»

И черезъ двѣ-три недѣли пришло четвертое письмо:

«Лева, я рада, что получила. Оно такое милое, милое... Да нельзя забыть того, что мы любили другъ друга, такъ много и свѣтло. Вы пишете, что за мигъ отдали-бы грядущую жизнь, — но лучше встрѣтиться и провѣрить себя.

Лева, если все-таки приѣдете, то позвоните съ вокзала на земскую телефонную станцію и попросите номеръ 34. Возможно, что вамъ отвѣтятъ по-нѣмецки: это у насъ стоитъ германскій лазаретъ. Вы попросите позвать меня.

Вчера была въ городѣ, немного «кутила», много музыки, огня и свѣта развеселило. Очень смѣшной господинъ съ желтой бородкой за мной ухаживалъ и называлъ «королевой бала». Сегодня-же такъ скучно, скучно. Обидно, что дни уходятъ и такъ безцѣльно, глупо, — а вѣдь это самые хорошіе, лучшіе годы. Я, кажется, скоро превращусь въ «ханжу». Нѣтъ, этого не должно быть.

Сброшу съ себя я оковы любви

И постараюсь забыться,

Налейте полнѣ бокалы вина,

Дайте виномъ мнѣ упиться.

Вотъ мило-то!

Отвѣтьте мнѣ сейчасъ, какъ получите мое письмо. Приѣдете ли сюда повидаться со мной? Нельзя? Ну, что-же дѣлать... А мо-

жетъ быть? Какую глупость я написала: при-
ѣхать только для того, чтобы повидать меня.
Какое самомнѣніе! не такъ ли?

Прочитала сейчасъ въ старомъ журналѣ хо-
рошенькое стихотвореніе «ты моя маленькая,
блѣдная жемчужина» Краповицкаго. Мнѣ
очень нравится. Напишите мнѣ все, все. Цѣ-
лую васъ. Вотъ еще прочла, — Подтягина:

«Надъ опушкою полная блещетъ луна,
Погляди, какъ рѣчная сіяетъ волна».

— «Милый Подтягинъ», — улыбнулся Га-
нинъ. — «Вотъ странно... Господи, какъ это
странно... Если-бы мнѣ сказали тогда, что я
именно съ нимъ встрѣчусь...»

Улыбаясь и покачивая головой, онъ развер-
нулъ послѣднее письмо. Получилъ онъ его на-
канунѣ отъѣзда на фронтъ. Былъ холодный,
январскій разсвѣтъ, и на пароходѣ его мутило
отъ ячменнаго кофе.

«Лева, милый, радость моя, какъ ждала, какъ
хотѣла я этого письма. Было больно и обидно
писать и въ то же время сдерживать самое себя
въ письмахъ. Неужели я жила эти три года
безъ тебя, и было чѣмъ жить и для чего жить?»

Я люблю тебя. Если ты возвратишься, я за-
мучаю тебя поцѣлуями. Помнишь:

«Расскажите, что мальчика Леву

Я цѣлую, какъ только могу,

Что австрійскую каску изъ Львова

Я въ подарокъ ему берегу.

А отцу напишите отдѣльно...

Боже мой, гдѣ оно, — все это далекое, свѣтлое, милое... Я чувствую, такъ-же какъ и ты, что мы еще увидимся, — но когда, когда?

Я люблю тебя. Приѣзжай. Твое письмо такъ обрадовало меня, что я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ счастья...»

— «Счастье», — повторилъ тихо Ганинъ, складывая всѣ пять писемъ въ ровную пачку.— «Да, вотъ это — счастье. Черезъ двѣнадцать часовъ мы встрѣтимся».

Онъ замеръ, занятый тихими и дивными мыслями. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что Машенька и теперь его любить. Ея пять писемъ лежали у него на ладони. За окномъ было совсѣмъ темно. Блестѣли кнопки чемодановъ. Стоялъ легкій пустынный запахъ пыли.

Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, когда за дверью раздались голоса, и вдругъ, съ разбѣгу, не постучавшись, ворвался въ комнату Алферовъ.

— «Ахъ, извините», — сказалъ онъ безъ особаго смущенья. — «Я почему-то думалъ, что вы уже уѣхали».

Ганинъ туманно глядѣлъ на его желтую бородку, играя пальцами по сложеннымъ письмамъ. Въ дверяхъ показалась хозяйка.

— «Лидія Николаевна», — продолжалъ Алферовъ, дергая шеей и развязно переходя че-

резъ комнату. — «Вотъ эту музыку нужно оставить, — чтобы дверь въ мою комнату открыть».

Онъ попробоваль сдвинуть шкафъ, крякнулъ и безпомощно попятился.

— «Давайте, я это сдѣлаю», — весело предложилъ Ганинъ и, засунувъ черный бумажникъ въ карманъ, всталъ, подошелъ къ шкапу, плюнулъ себѣ въ руки.

14.

Гремѣли черные поѣзда, потрясая окна дома; волнуемая горы дыма, движеньемъ призрачныхъ плечъ, сбрасывающихъ ношу, поднимались съ размаху, скрывая ночное засинѣвшее небо; гладкимъ металлическимъ пожаромъ горѣли крыши подъ луной; и гулкая черная тѣнь пробуждалась подъ желѣзнымъ мостомъ, когда по нему гремѣлъ черный поѣздъ, продольно сквозя частоколомъ свѣта. Рокошующій гулъ, широкій дымъ проходили, казалось, насквозь черезъ домъ, дрожавшій между бездной, гдѣ поблескивали, проведенныя луннымъ ногтемъ, рельсы, и той городской улицей, которую низко переступалъ плоскій мостъ, ожидающій снова очередной громъ вагоновъ. Домъ былъ, какъ призракъ, сквозь который можно просунуть руку, пошевелить пальцами.

Стоя у окна въ камерѣ танцоровъ, Ганинъ поглядѣлъ на улицу: смутно блестя асфальтъ, черные люди, приплюснутые сверху, шагали туда и сюда, теряясь въ тѣняхъ и снова мелькая въ косомъ отсвѣтѣ витринъ. Въ супротивномъ домѣ, за однимъ незавѣреннымъ окномъ, въ свѣтломъ янтарномъ провалѣ видѣлись стекляныя искры, золоченыя рамы. Потомъ черная нарядная тѣнь задернула шторы.

Ганинъ обернулся. Колинъ протягивалъ ему рюмку, въ которой дрожала водка.

Въ комнатѣ былъ блѣдноватый, загробный свѣтъ, оттого-что затѣйливые танцоры обернули лампу въ лиловый лоскутокъ шелка. По срединѣ, на столѣ, фіолетовымъ лоскомъ отливали бутылки, блестяло масло въ открытыхъ сардинныхъ коробочкахъ, былъ разложенъ шоколадъ въ серебрянныхъ бумажкахъ, мозаика колбасныхъ долекъ, гладкіе пирожки съ мясомъ.

У стола сидѣли: Подтягинъ, блѣдный и угрюмый, съ бисеромъ пота на тяжеломъ лбу; Алферовъ, въ новенькомъ переливчатомъ галстухѣ; Клара, въ неизмѣнномъ своемъ черномъ платьѣ, томная, раскраснѣвшаяся отъ дешеваго апельсиннаго ликера.

Горноцвѣтовъ безъ пиджака, въ нечистой шелковой рубашкѣ съ открытымъ воротомъ, сидѣлъ на краю постели, настраивалъ гитару, Богъ вѣсть откуда добытую. Колинъ все время

двигался, разливалъ водку, ликеръ, блѣдное рейнское вино, и толстыя бедра его смѣшно виляли, межъ тѣмъ какъ оставался почти недвижнымъ при ходьбѣ его худенькій корпусъ, стянутый синимъ пиджачкомъ.

— «Что же вы ничего не пьете?» — задалъ онъ, надувъ губы, обычный укоризненный вопросъ и поднялъ на Ганина свои нѣжные глаза.

— «Нѣтъ, отчего же?» — сказалъ Ганинъ, садясь на подоконникъ и беря изъ дрожавшей руки танцора легкую холодную рюмку. Опрокинувъ ее въ ротъ, онъ обвелъ взглядомъ сидѣвшихъ вокругъ стола. Всѣ молчали. Даже Алферовъ былъ слишкомъ взволнованъ тѣмъ, что вотъ, черезъ восемь-девять часовъ, придетъ его жена, — чтобы болтать по своему обыкновенію.

-- «Гитара настроена», — сказалъ Горноцвѣтовъ, повернувъ винтикъ грифа и ущипнувъ струну. Онъ заигралъ, потомъ потушилъ ладонью гнусавый звонъ.

— «Что-же вы господа не поете? Въ честь Клары. Пожалуйста. Какъ цвѣтокъ душистый...»

Онъ заигралъ опять, перекинувъ ногу на ногу и опустивъ бокомъ темную голову.

Алферовъ, осклабясь на Клару и съ притворной удалью поднявъ рюмку, откинулся на своемъ стулѣ,—причемъ чуть не упалъ, такъ какъ это былъ вертящійся табуретъ безъ спинки,—и

запѣлъ было фальшивымъ, нарочитымъ теноркомъ, но никто не вторилъ ему.

Горноцвѣтовъ пощипаль струны и умолкъ. Всѣмъ стало неловко.

— «Эхъ, пѣсенники...» — уныло крикнулъ Подтягинъ, облакачиваясь на столъ и покачивая подпертой головой. Ему было нехорошо: мысль о потерянномъ паспортѣ мѣшалась съ чувствомъ тяжелой духоты въ груди.

— «Вина мнѣ нельзя пить, вотъ что», — добавилъ онъ угрюмо.

— «Я говорила вамъ», — тихо сказала Клара, — «вы, Антонъ Сергѣичъ, какъ малый младенецъ».

— «Что же это никто не ѣстъ и не пьетъ...» — завилъ боками Колинъ, сѣменя вокругъ стола. Онъ сталъ наливать пустыя рюмки. Всѣ молчали. Вечеринка, повидимому, не удалась.

Ганинъ, который до тѣхъ поръ все сидѣлъ на подоконникѣ, съ легкой задумчивой усмѣшкой въ углахъ темныхъ губъ глядя на лиловатый блескъ стола, на странно освѣщенные лица, вдругъ спрыгнулъ на полъ и ясно разсмѣялся.

— «Лейте, не жалѣйте, Колинъ», — сказалъ онъ, подходя къ столу. — «Вотъ Алферову пополнѣе. Завтра жизнь мѣняется. Завтра меня здѣсь не будетъ. Ну-ко-ся, залпомъ. Не смотрите на меня, Клара, какъ раненая лань. Плесните ей ликеру. Антонъ Сергѣичъ, вы тоже—

веселѣ; нечего паспортъ поминать. Другой будетъ, еще лучше стараго. Скажите намъ стихи, что-ли. Ахъ, кстати —»

— «Можно мнѣ вотъ эту пустую бутылку?»— вдругъ сказалъ Алферовъ, и похотливый огонекъ заигралъ въ его радостныхъ, взволнованныхъ глазахъ.

— «Кстати», — повторилъ Ганинъ, подойдя сзади къ старику и опустивъ руку къ нему на мягкое плечо. — «Я одни ваши стихи помню, Антонъ Сергѣичъ. Опушка... Луна... Такъ кажется?..» Подтягинъ обернулъ къ нему лицо, неторопливо улыбнулся:

— «Изъ календаря вычитали? Меня очень любили въ календаряхъ печатать. На исподѣ, надъ дежурнымъ меню».

— «Господа, господа, что онъ хочетъ дѣлать!» — закричалъ Колинъ, указывая на Алферова, который, распахнувъ окно, вдругъ поднялъ бутылку, мѣтя въ синюю ночь.

— «Пускай», — разсмѣялся Ганинъ,—«пускай бѣситя...»

Алферовская бородка блестѣла, вздувался кадыкъ, рѣдкіе волосы на темени шевелились отъ ночного вѣтерка. Широко размахнувшись, онъ замеръ, потомъ торжественно поставилъ бутылку на полъ.

Танцоры залились хохотомъ.

Алферовъ сѣлъ рядомъ съ Горноцвѣтовымъ, отнялъ у него гитару, сталъ пробовать играть. Онъ очень быстро пьянѣлъ.

— «Кларочка такая серьезная», — съ трудомъ говорилъ Подтягинъ. — «Мнѣ эти барышни когда-то проникновенныя письма писали. А она теперь на меня и глядѣть не хочетъ».

— «Вы не пейте больше. Пожалуйста», — сказала Клара и подумала, что еще никогда въ жизни ей не было такъ грустно, какъ сейчасъ.

Подтягинъ съ усиліемъ усмѣхнулся, потрепалъ Ганина по рукаву:

— «А вотъ — будущій спаситель Россіи. Расскажите что-нибудь, Левушка. Гдѣ шатались, какъ воевали?»

— «Нужно ли?» — добродушно поморщился Ганинъ.

— «Ну, а все-таки. Мнѣ что-то, знаете, тяжело. Когда вы изъ Россіи выѣхали?»

— «Когда? Эй, Колинъ. Вотъ этого липкаго. Нѣтъ, не мнѣ, — Алферову. Такъ. Смѣшайте».

Лидія Николаевна уже была въ постели. Она испуганно отказалась отъ приглашенія танцоровъ и теперь дремала чуткимъ, старушечьимъ сномъ, сквозь который огромными шкапами, полными дрожащей посуды, проходилъ грохотъ поѣздовъ. Изрѣдка сонъ ея прерывался, и тогда ей смутно слышны были голоса въ номерѣ шестомъ. Мелькомъ ей приснился Ганинъ, и во снѣ она все не могла понять, кто онъ, откуда. Его обликъ и на-яву былъ окруженъ таинственностью. И не мудрено: никому не рассказывалъ онъ о своей жизни, о странствіяхъ и приключеніяхъ послѣднихъ лѣтъ, — да и самъ онъ вспоминалъ о бѣгствѣ своемъ изъ Россіи, какъ бы сквозь сонъ, — подобный морскому, чуть сверкающему туману.

Быть можетъ Машенька ему еще писала въ тѣ дни, — въ началѣ девятнадцатаго года, —

когда онъ дрался на сѣверѣ Крыма, но этихъ писемъ онъ не получилъ. Пошатнулся и палъ Перекопъ. Ганинъ, контуженный въ голову, былъ привезенъ въ Симферополь, и черезъ недѣлю, больной и равнодушный, отрѣзанный отъ своей части, отступившей къ Θεодосіи, попалъ поневолѣ въ безумный и сонный потокъ гражданской эвакуаціи. Въ поляхъ, на склонахъ инкерманскихъ высотъ, гдѣ нѣкогда мелькали въ дыму игрушечныхъ пушекъ алые мундиры солдатъ королевы Викторіи, уже цвѣла пустынно и прелестно Крымская весна. Молочно-бѣлое шоссе шло, плавно вздымаясь и опускаясь, откинутый верхъ автомобиля трещалъ, подпрыгивая на выбоинахъ,—и чувство быстроты съ чувствомъ весны, простора, блѣдно-оливковыхъ холмовъ, вдругъ слилось въ нѣжную радость, при которой забывалось, что это легкое шоссе ведетъ прочь изъ Россіи.

Онъ пріѣхалъ въ Севастополь еще полный этой радости и, оставивъ чемоданъ въ бѣлокаменной гостиницѣ Киста, гдѣ суета была необыкновенная, — спустился, пьяный отъ туманнаго солнца и мутной боли въ головѣ, мимо блѣдныхъ колоннъ дорическаго портика, по широкимъ гранитнымъ пластамъ ступеней, къ Графской пристани и долго, безъ мысли объ изгнаньѣ, глядѣлъ на голубой, млѣющей блескъ моря, а потомъ поднялся снова на площадь, гдѣ стоитъ сѣрый Нахимовъ въ долгомъ мор-

скомъ сюртукѣ, съ подозрною трубкой, и, добредя по пыльной, бѣлой улицѣ до самаго Четвертаго бастіона, осматриваль сѣро-голубую Панораму, гдѣ настоящія старинныя орудія, мѣшки, нарочито разсыпанные осколки и настоящій, какъ бы цирковой, песокъ за круговой балюстрадой переходили въ мягкую, сизую, слегка душноватую картину, окружавшую площадку для зрителей и дразнившую глазъ своей неуловимой границей.

Такъ и остался Севастополь у него въ памяти, — весенній, пыльный, охваченный какой-то неживой сонной тревогой.

Ночью, уже съ палубы, онъ глядѣлъ какъ по небу, надъ бухтой, надуваются и снова спадаютъ пустые бѣлые рукава прожекторовъ, и черная вода гладко лоснилась подъ луной, и подальше, въ ночномъ туманѣ, стоялъ весь въ огонькахъ иностранный крейсеръ, покоясь на золотистыхъ текучихъ столбахъ своего-же отраженія.

Судно, на которое онъ попалъ, было греческое, грязное; на палубѣ спали вповалку смуглые нищіе бѣглецы изъ Евпаторіи, куда утромъ заходилъ пароходъ. Ганинъ устроился въ каютъ-компаніи, гдѣ тяжело качалась лампа и стояли на длинномъ столѣ какіе-то тюки, какъ гигантскія блѣдныя луковицы.

А потомъ пошли чудеснѣйшіе, грустные морскіе дни; двумя скользящими бѣлыми крылами

вскипавшая навстрѣчу пѣна все обнимала, обнимала носъ парохода, разрѣзавшій ее, и на свѣтлыхъ скатахъ морскихъ волнъ мягко мелькали зеленыя тѣни людей, облокотившихся у борта.

Скрежетала ржавая рулевая цѣпь, двѣ чайки плавали вокругъ трубы, и влажные клювы ихъ, попадая въ лучъ, вспыхивали, точно алмазные.

Рядомъ заплакалъ толстоголовый греческій ребенокъ, и его мать стала въ сердцахъ плевать на него, чтобы какъ-нибудь его успокоить. И вылѣзалъ на палубу кочегаръ, весь черный, съ глазами, подведенными угольной пылью, съ поддѣльнымъ рубиномъ на указательномъ пальцѣ.

Вотъ такія мелочи, — не тоску по оставленной родинѣ, — запомнилъ Ганинъ, словно жили одни только его глаза, а душа притаилась.

На второй день, оранжевымъ вечеромъ, показался темный Стамбуль и медленно пропалъ въ сумракъ ночи, опередившей судно. На зарѣ Ганинъ поднялся на капитанскій мостикъ: матово-черный берегъ Скутари медлительно синѣлъ. Отраженіе луны суживалось и блѣднѣло. Лиловая синева неба переходила на востокъ въ червонную красноту и, мягко свѣтлѣя, Стамбуль сталъ выплывать изъ сумерекъ. Вдоль берега заблестѣла шелковистая полоса ряби; черная шляпка и черная феска беззвучно проплыли мимо. Теперь востокъ бѣлѣлъ, и

вѣтерокъ подулъ, соленой щекоткой прошелъ по лицу. На берегу гдѣ-то заиграли зорю, промахнули надъ пароходомъ двѣ чайки, черныя какъ вороны, и съ плескомъ легкаго дождя, сътью мгновенныхъ колець прыгнула стая рыбъ. И потомъ присталь яликъ; тѣнь подъ нимъ на водѣ выпускала и втягивала щупальцы. Но только когда Ганинъ вышелъ на берегъ и увидѣлъ у пристани синяго турка, спавшаго на огромной грудѣ апельсиновъ,—только тогда онъ ощутилъ пронзительно и ясно, какъ далеко отъ него теплая громада родины и та Машенька, которую онъ полюбилъ навсегда.

И все это теперь развернулось, переливчато сверкнуло въ памяти и снова свернулось въ теплый комокъ, когда Подтягинъ, растерянно, черезъ силу, спросилъ:

— «Давно ли вы покинули Россію?»

— «Шесть лѣтъ», — отвѣтилъ онъ коротко, а потомъ, сидя въ углу подъ томно-фіолетовымъ свѣтомъ, обливавшимъ скатерть отодвинутаго стола и улыбавшіяся лица Колина и Горноцвѣтова, которые молча и быстро танцевали посреди комнаты, Ганинъ думалъ: — Какое счастье. Это будетъ завтра, нѣтъ сегодня, вѣдь уже за-полночь. Машенька не могла измѣниться за эти годы, все также горять и посмѣиваются татарскіе глаза. Онъ увезетъ ее подальше, будетъ работать безъ усталы для нея. Завтра пріѣзжаетъ вся его юность, его Россія.

Колинъ, подбоченясь и встряхивая откинутой слегка головой, то скользя, то притаптывая каблуками и взмахивая носовымъ платкомъ, вился вокругъ Горноцвѣтова, который, присѣвъ, ловко и лихо выкидывалъ ноги, все шибче, и наконецъ закружился на согнутой ногѣ. Алферовъ, охмѣлѣвшій въ конецъ, благодушно покачивался, Клара тревожно вглядывалась въ потное, сѣрое лицо Подтягина, который сидѣлъ какъ-то бокомъ на постели и время отъ времени судорожно поводилъ головой.

— «Вамъ не хорошо, Антонъ Сергѣичъ», — зашептала она. — «Вамъ нужно лечь, уже второй часъ»...

...О, какъ это будетъ просто: завтра, — нѣтъ сегодня, — онъ увидить ее: только бы совсѣмъ надрызгался Алферовъ. Всего шесть часовъ осталось. Сейчасъ она спитъ въ вагонѣ, промахиваютъ въ темнотѣ телеграфные столбы, сосны, взбѣгающіе скаты... Какъ стучать эти скачущіе юноши. Скоро ли они кончатъ плясать... Да, удивительно просто... Въ дѣйствіяхъ судьбы есть иногда нѣчто гениальное...

— «Да, я, пожалуй, пойду, прилягу», — глухо сказалъ Подтягинъ и, тяжело вздохнувъ, всталъ.

— «Куда же вы, идеаль мужчины? Стойте... Побудьте еще моментикъ», — радостно забормоталъ Алферовъ.

— «Пейте и молчите», — обернулся къ нему Ганинъ и быстро подошелъ къ Подтягину. — «Обопритесь на меня, Антонъ Сергѣевичъ».

Старикъ мутно глянулъ на него, сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто цѣлился на муху, и вдругъ съ легкимъ клекотомъ зашатался, повалился впередъ.

Ганинъ и Клара успѣли поддержать его, танцоры заметались вокругъ. Алферовъ, еле ворочая вязкимъ языкомъ, заблябалъ съ пьянымъ равнодушіемъ: «смотрите, смотрите, это онъ умираетъ».

— «Не вертитесь зря, Горноцвѣтовъ», — спокойно говорилъ Ганинъ. — «Держите его голову. Колинъ, — вотъ здѣсь... подоприте. Нѣтъ, это моя рука, — повыше. Да не глязѣйте на меня. Повыше, говорю вамъ. Откройте дверь, Клара».

Втроемъ они понесли старика въ его комнату. Алферовъ, пошатываясь, вышелъ было за ними, потомъ вяло махнулъ рукой и сѣлъ у стола. Дрожащей рукой наливъ себѣ водки, онъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана никкелевые часы и положилъ ихъ передъ собой на столъ.

— «Три, четыре, пять, шесть, семь, восемь», — повелъ онъ пальцемъ по римскимъ цифрамъ и замеръ, бокомъ повернувъ голову, и однимъ глазомъ слѣдя за секундной стрѣлкой.

Въ корридорѣ тонко и взволнованно затыкала такса. Алферовъ поморщился.

— «Паршивый песъ... Раздавить-бы его».

Погодя немного, онъ вынулъ изъ другого кармана химическій карандашикъ и намазалъ лиловую черточку по стеклу надъ цыфрой восемь.

— «Ѣдетъ, Ѣдетъ, Ѣдетъ»... — думалъ онъ въ тактъ тиканью.

Онъ пошарилъ глазами по столу, выбралъ шеколадную конфету и тотчасъ же выплюнулъ ее. Коричневый комокъ шлепнулся объ стѣну

— «Три, четыре, пять, семь», — опять засчиталъ Алферовъ и съ блаженной мутной улыбкой подмигнулъ циферблату.

16.

За окномъ ночь утихла. По широкой улицѣ уже шагаль, постукивая палкой, сгорбленный старикъ въ черной пелеринѣ и, кряхтя, нагибался, когда остріе палки выбивало окурокъ. Изрѣдка проносился автомобиль, и еще рѣже, устало цокая подковами, протряхивалъ ночной извозчикъ. Пьяный господинъ въ котелкѣ ожидалъ на углу трамвая, хотя трамвай вотъ ужъ два часа какъ не ходилъ. Нѣсколько проститутокъ разгуливали взадъ и впередъ, позѣывая и болтая съ подозрительными господами въ поднятыхъ воротникахъ пальто. Одна изъ нихъ окликнула Колина и Горноцвѣтова, которые чуть не бѣгомъ пронеслись мимо, но тотчасъ же отвернулась, профессиональнымъ взглядомъ окинувъ ихъ блѣдныя, женственные лица. Танцоры взялись привести къ Подтягину знакомаго русскаго доктора и дѣйствительно че-

резь полтора часа явились обратно въ сопровожденіи заспаннаго господина съ бритымъ, неподвижнымъ лицомъ. Онъ пробылъ полчаса и, нѣсколько разъ издавъ сосущій звукъ, какъ будто у него была дырка въ зубѣ, ушелъ.

Теперь въ неосвѣщенной комнатѣ было очень тихо. Стояла та особая, тяжелая, глуховатая тишина, которая бываетъ, когда нѣсколько человѣкъ молча сидятъ вокругъ больного. Уже начинало свѣтать, воздухъ въ комнатѣ какъ будто медленно линялъ, — и профиль Ганина, пристально глядѣвшаго на кровать, казался высѣченнымъ изъ блѣдно-голубого камня; у изножья, въ креслѣ, смутно посинѣвшемъ въ волнѣ разсвѣта, сидѣла Клара и смотрѣла туда же, ни на мигъ не отводя едва блестящихъ глазъ. Поодаль, на маленькомъ диванчикѣ рядышкомъ усѣлись Горноцвѣтовъ и Колинъ, — и лица ихъ были какъ два блѣдныхъ пятна.

Докторъ уже спускался по лѣстницѣ за черной фигуркой г-жи Дорнъ, которая тихо брэнча связкой ключей, просила прощенья за то, что лифтъ испорченъ. Добравшись до низу, она отперла тяжелую дверь, и докторъ, на ходу приподнявъ шляпу, вышелъ въ синеватый туманъ разсвѣта.

Старушка тщательно заперла дверь и, кутаясь въ черную вязаную шаль, пошла наверхъ. Свѣтъ на лѣстницѣ горѣлъ желтовато и хо-

лодно. Тихо побренькивая ключами, она дошла до площадки. Свѣтъ на лѣстницѣ потухъ.

Въ прихожей она встрѣтила Ганина, который, осторожно прикрывая дверь, выходилъ изъ комнаты Подтягина.

— «Докторъ обѣщаль утромъ вернуться», — прошептала старушка. — «Какъ ему сейчасъ, — легче?»

Ганинъ пожалъ плечомъ:

— «Не знаю. Кажется, — нѣтъ. Его дыханіе... звукъ такой... страшно слушать».

Лидія Николаевна вздохнула и пугливо вошла въ комнату. Клара и оба танцора одинаковымъ движеніемъ обратили къ ней блѣдно блеснувшіе глаза и опять тихо уставились на постель. Вѣтерокъ толкнулъ раму полуоткрытаго окна.

А Ганинъ прошелъ на носкахъ по корридору и вернулся въ номеръ, гдѣ давеча была пирушка. Какъ онъ и предполагалъ, Алферовъ все еще сидѣлъ у стола. Его лицо опухло и отливало сѣрымъ лоскомъ отъ смѣси разсвѣта и театрально убранной лампы; онъ клевалъ носомъ, изрѣдка отрыгивался; на часовомъ стеклышкѣ передъ нимъ блестѣла капля водки, и въ ней расплылся лиловатый слѣдъ химическаго карандаша. Оставалось около четырехъ часовъ.

Ганинъ сѣлъ подлѣ него и долго глядѣлъ на его пьяную дремоту, хмурия густыя брови и

подпирая кулакомъ високъ, отчего слегка оттягивалась кожа, и глазъ становилсся раскосымъ.

Алферовъ вдругъ дернулся и медленно повернулъ къ нему лицо.

— «Не пора ли Вамъ ложиться, дорогой Алексѣй Ивановичъ», — отчетливо сказалъ Ганинъ.

— «Нѣтъ», — съ трудомъ выговорилъ Алферовъ и, подумавъ, словно рѣшалъ трудную задачу, повторилъ: — «нѣтъ...»

Ганинъ выключилъ ненужный свѣтъ, вынулъ портсигаръ, закурилъ. Отъ холода блѣдной зари, отъ табачнаго дуновенья, Алферовъ какъ будто слегка потрезвѣлъ.

Онъ помялъ ладонью лобъ, оглядѣлся и довольно твердой рукой потянулся за бутылкой.

На полпути его рука остановилась, онъ качалъ головой, потомъ съ вялой улыбкой обратился къ Ганину: — «Не надо больше... этого. Машенька пріѣзжаетъ».

Погодя, онъ дернулъ Ганина за руку:

— «Э... вы... какъ васъ зовутъ... Лебъ Лебовичъ... слышите... Машенька».

Ганинъ выпустилъ дымъ, пристально глянулъ Алферову въ лицо, — все вобралъ сразу: полуоткрытый, мокрый ротъ, бородку цвѣта навозца, мигающіе водянистые глаза...

— «Лебъ Лебовичъ, вы только послушайте», — качнулся Алферовъ, хватая его за плечо: — «вотъ я сейчасъ вдрызгъ, вдребезги, на по-

ложениі дровъ... Сами, черти, напоили... Нѣтъ, — совсѣмъ не то... Я вамъ о дѣвочкѣ разска- зывалъ...»

— «Вамъ надо выспаться, Алексѣй Ивано- вичъ».

— «Дѣвочка, говорю, была. Нѣтъ, я не о же- нѣ... вы не думайте... жена моя чи-истая... А вотъ я сколько лѣтъ безъ жены... Такъ вотъ, не- давно, — нѣтъ давно... не помню когда... дѣ- вочка меня повела къ себѣ... На лису похожая... Гадость такая, — а все-таки сладко... А сейчасъ Машенька пріѣдетъ... Вы понимаете, что это значить, — вы понимаете или нѣтъ? Я вотъ— вдрызгъ,—не помню, что такое перпе... перпед... перпендикуляръ, — а сейчасъ будетъ Машень- ка... Отчего это такъ вышло? А? Я васъ спра- шиваю! Эй, ты, большевикъ... Объясни-ка, можешь?»

Ганинъ легко оттолкнулъ его руку. Алфе- ровъ, покачивая головой, наклонился надъ сто- ломъ, локоть его поползъ, морща скатерть, оп- рокидывая рюмки. Рюмки, блюдце, часы по- ползли на полъ...»

— «Спать», — сказалъ Ганинъ и сильнымъ рывкомъ поднялъ его на ноги.

Алферовъ не сопротивлялся, но такъ качало его, что Ганинъ съ трудомъ направлялъ его шаги.

Очутившись въ своей комнатѣ, онъ широко и сонно ухмыльнулся, медленно повалился на

постель. Но внезапно ужась прошелъ у него по лицу.

— «Будильникъ...», — забормоталъ онъ, приподнявшись, — «Лебъ, — тамъ, на столѣ, будильникъ... На половину восьмого поставь» —

— «Ладно», — сказалъ Ганинъ и сталъ поворачивать стрѣлку. Поставилъ ее на десять часовъ, подумалъ и поставилъ на одиннадцать.

Когда онъ опять посмотрѣлъ на Алферова, тотъ уже крѣпко спалъ, навзничъ раскинувшись и странно выбросивъ одну руку.

Такъ въ русскихъ деревняхъ спятъ шатуны-пьяные. Весь день сонно сверкалъ зной, проплывали высокіе возы, осыпая проселочную дорогу сухими травинками, — а бродяга буйствовалъ, приставалъ къ гулявшимъ дачникамъ, билъ въ гулкую грудь, называя себя сыномъ генеральскимъ, и наконецъ, шлепнувъ картузомъ о-земь, ложился поперекъ дороги, да такъ и лежалъ, пока мужикъ не слѣзетъ съ воза. Мужикъ оттаскивалъ его въ сторонку и ѣхалъ дальше; и шатунъ, откинувъ блѣдное лицо, лежалъ, какъ мертвецъ, на краю канавы, — и зеленыя громады возовъ, колыхаясь и благоухая, плыли селомъ, сквозь пятнистыя тѣни млѣющихъ липъ.

Ганинъ, беззвучно поставивъ на столъ будильникъ, долго стоялъ и смотрѣлъ на спящаго. Постоявъ, потренькавъ монетами въ

карманѣ штановъ, онъ повернулся и тихо вышелъ.

Въ темной ванной комнаткѣ, рядомъ съ кухней, сложены были въ углу подъ рогожей брикеты. Въ узкомъ окошкѣ стекло было разбито, на стѣнахъ выступали желтые подтеки, надъ черной облупившейся ванной криво сгибался металлическій хлысть душа. Ганинъ раздѣлся до-нага и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ расправлялъ руки и ноги, — крѣпкія, бѣлыя, въ синихъ жилкахъ. Мышцы хрустѣли и переливались. Грудь дышала ровно и глубоко. Онъ отвернулъ кранъ душа и постоялъ подъ ледянымъ вѣрнымъ потокомъ, отъ котораго сладко замирало въ животѣ.

Одѣвшись, весь подернутый огненной щекоткой, онъ, стараясь не шумѣть, вытащилъ въ прихожую свои чемоданы, поглядѣлъ на часы. Было безъ десяти шесть.

Онъ бросилъ пальто и шляпу на чемоданы и тихо вошелъ въ номеръ Подтягина.

Танцоры спали рядышкомъ, на диванчикѣ, прислонившись другъ къ другу. Клара и Лидія Николаевна нагибались надъ старикомъ. Глаза у него были закрыты, лицо, цвѣта высохшей глины, изрѣдка искажалось выраженіемъ муки. Было почти свѣтло. Поѣзда съ заспаннымъ грохотомъ пробирались сквозь домъ.

Когда Ганинъ приблизился къ изголовью, Подтягинъ открылъ глаза. На мгновенье въ

безднѣ, куда онъ все падалъ, его сердце нашло шаткую опору. Ему захотѣлось сказать многое, — что въ Парижъ онъ уже не попадетъ, что родины онъ и подавно не увидитъ, что вся жизнь его была нелѣпа и бесплодна, и что онъ не вѣдаетъ, почему онъ жилъ, почему умираетъ. Переваливъ голову на бокъ и окинувъ Ганина растеряннымъ взглядомъ, онъ пробормоталъ: — «вотъ... безъ паспорта», — и судорожная улыбка прошла по его губамъ. Онъ снова зажмурился, и снова бездна засосала его, боль клиномъ впилась въ сердце, — и воздухъ казался несказаннымъ, недостижимымъ блаженствомъ.

Ганинъ, сильной бѣлой рукой сжавъ грядку кровати, глядѣлъ старику въ лицо, и снова ему вспомнились тѣ дрожащіе тѣневые двойники русскихъ случайныхъ статистовъ, тѣни, проданныя за десять марокъ штука и Богъ вѣсть гдѣ бѣгущія теперь въ бѣломъ блескѣ экрана. Онъ подумалъ о томъ, что все-таки Подтягинъ кое-что оставилъ, хотя бы два блѣдныхъ стиха, зацвѣтшихъ для него, Ганина, теплымъ и бессмертнымъ бытіемъ: такъ становятся бессмертными дешевенькіе духи или вывѣски на милой намъ улицѣ. Жизнь на мгновенье представилась ему во всей волнующейся красѣ ея отчаянья и счастья, — и все стало великимъ и очень таинственнымъ,—прошлое его, лицо Подтягина, облитое блѣднымъ свѣтомъ, нѣжнѣе

отраженъе оконной рамы на синей стѣнѣ, — и эти двѣ женщины въ темныхъ платьяхъ, неподвижно стоящія рядомъ.

И Клара съ изумленьемъ замѣтила, что Ганинъ улыбається, — и его улыбку понять не могла.

Улыбаясь, онъ тронулъ руку Подтягина, чуть шевелившуюся на простынѣ, и, выпрямившись, обернулся къ госпожѣ Дорнъ и Кларѣ.

— «Я уѣзжаю»,—сказалъ онъ тихо.—«Врядъ ли мы опять встрѣтимся. Передайте мой привѣтъ танцорамъ».

— «Я провожу васъ», — сказала Клара также тихо и добавила: — «танцоры спятъ на диванчикѣ».

И Ганинъ вышелъ изъ комнаты. Въ прихожей онъ взялъ чемоданы, перекинулъ макинтошъ черезъ плечо, и Клара открыла ему дверь.

— «Благодарствуйте»,—сказалъ онъ, бокомъ выходя на площадку. — «Всего вамъ добраго».

На мгновенъе онъ остановился. Еще наканунѣ онъ мелькомъ подумалъ о томъ, что хорошо бы разъяснить Кларѣ, что никакихъ денегъ онъ не собирался красть, а разсматривалъ старыя фотографіи, но теперъ онъ не могъ вспомнить, о чемъ хотѣлъ сказать. И поклонившись, онъ сталъ не торопясь спускаться по лѣстницѣ. Клара, держась за скобку двери, глядѣла ему вслѣдъ. Онъ несъ чемоданы, какъ ведра, и его крѣпкіе шаги будили въ ступеняхъ отзвуки, по-

добные бою медленнаго сердца. Когда онъ исчезъ за поворотомъ периль, она еще долго слушала этотъ ровный, удалявшійся стукъ. Наконецъ, она закрыла дверь, постояла въ прихожей. Повторила вслухъ: — «Танцоры спятъ на диванчикѣ», — и вдругъ бурно и тихо разрыдалась, указательнымъ пальцемъ водя по стѣнѣ.

17.

Тяжелыя, толстыя стрѣлки на огромномъ дифферблатѣ, бѣлѣвшемъ наискось отъ вывѣски часовщика, показывали 36 минутъ седьмого. Въ легкой синевѣ неба, еще не потеплѣвшей послѣ ночи, розовѣло одно тонкое облачко, и было что-то не по-земному изящное въ его удлиненомъ очеркѣ. Шаги несчастныхъ прохожихъ особенно чисто звучали въ пустынномъ воздухѣ, и вдали тѣлесный отливъ дрожалъ на трамвайныхъ рельсахъ. Повозка, нагруженная огромными связками фіалокъ, прикрытая наполовину полосатымъ грубымъ сукномъ, тихо катила вдоль панели: торговецъ помогаль ея тащить большому рыжему псу, который, высунувъ языкъ, весь поддавался впередъ, напрягалъ всѣ свои сухія, человѣку преданныя, мышцы.

Съ черныхъ вѣтокъ чуть зеленѣвшихъ деревьевъ спархивали съ воздушнымъ шорохомъ

воробьи и садились на узкій выступъ высокой кирпичной стѣны.

Лавки еще спали за рѣшетками, дома освѣщены были только сверху, но нельзя было представить себѣ, что это закатъ, а не раннее утро. Изъ-за того, что тѣни ложились въ другую сторону, создавались странныя сочетанія, неожиданныя для глаза, хорошо привыкшаго къ вечернимъ тѣнямъ, но рѣдко видящаго разсвѣтныя.

Все казалось не такъ поставленнымъ, непрочнымъ, перевернутымъ, какъ въ зеркалѣ. И такъ же, какъ солнце постепенно поднималось выше, и тѣни расходились по своимъ обычнымъ мѣстамъ,—точно такъ же, при этомъ трезвомъ свѣтѣ, та жизнь воспоминаній, которой жилъ Ганинъ, становилась тѣмъ, чѣмъ она вправду была — далекимъ прошлымъ.

Онъ оглянулся и въ концѣ улицы увидѣлъ освѣщенный уголь дома, гдѣ онъ только что жилъ минувшимъ, и куда онъ не вернется больше никогда. И въ этомъ уходѣ цѣлаго дома изъ его жизни была прекрасная таинственность.

Солнце поднималось все выше, равномерно озарялся городъ, и улица оживала, теряла свое странное тѣневое очарованіе. Ганинъ шелъ посреди мостовой, слегка раскачивая въ рукахъ плотные чемоданы, и думалъ о томъ, что давно не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, силь-

нымъ, готовымъ на всякую борьбу. И то, что онъ все замѣчалъ съ какой-то свѣжей любовью, — и телѣжки, что катили на базаръ, и тонкіе, еще сморщенные листики, и разноцвѣтныя рекламы, которыя человѣкъ въ фартукѣ клеилъ по окату будки, — это и было тайнымъ поворотомъ, пробужденьемъ его.

Онъ остановился въ маленькомъ скверѣ около вокзала и сѣлъ на ту же скамейку, гдѣ еще такъ недавно вспоминалъ тифъ, усадьбу, предчувствіе Машеньки. Черезъ часъ она пріѣдетъ, ея мужъ спитъ мертвымъ сномъ, и онъ, Ганинъ, собирается ее встрѣтить.

Почему-то онъ вспомнилъ вдругъ, какъ пошелъ проститься съ Людмилой, какъ выходилъ изъ ея комнаты.

А за садикомъ строился домъ. Онъ видѣлъ желтый, деревянный переплетъ,—скелетъ крыши, — кое гдѣ уже заполненный черепицей.

Работа, несмотря на ранній часъ, уже шла. На легкомъ переплетѣ въ утреннемъ небѣ синѣли фигуры рабочихъ. Одинъ двигался по самому хребту, легко и вольно, какъ будто собирался улетѣть.

Золотомъ отливалъ на солнцѣ деревянный переплетъ, и на немъ двое другихъ рабочихъ передавали третьему ломти черепицы.

Они лежали навзничъ, на одной линіи, какъ на лѣстницѣ, и нижній поднималъ наверхъ черезъ голову красный ломоть, похожій на боль-

шую книгу, и средній бралъ черепицу и тѣмъ же движеньемъ, отклонившись совсѣмъ назадъ и выбросивъ руки, передавалъ ее верхнему рабочему. Эта лѣнивая, ровная передача дѣйствовала успокоительно, этотъ желтый блескъ свѣжаго дерева былъ живѣе самой живой мечты о минувшемъ. Ганинъ глядѣлъ на легкое небо, на сквозную крышу — и уже чувствовалъ съ безпощадной ясностью, что романъ его съ Машенькой кончился навсегда. Онъ длился всего четыре дня, — эти четыре дня были быть можетъ счастливѣйшей порой его жизни. Но теперь онъ до конца исчерпалъ свое воспоминанье, до конца насытился имъ, и образъ Машеньки остался вмѣстѣ съ умирающимъ старымъ поэтомъ тамъ, въ домѣ тѣней, который самъ уже сталъ воспоминаньемъ.

И кромѣ этого образа, другой Машеньки нѣтъ, и быть не можетъ.

Онъ дождался той минуты, когда по желѣзному мосту медленно прокатилъ шедшій съ сѣвера экспрессъ. Прокатилъ, скрылся за фасадомъ вокзала.

Тогда онъ поднялъ свои чемоданы, крикнулъ таксомоторъ и велѣлъ ему ѣхать на другой вокзалъ, въ концѣ города. Онъ выбралъ поѣздъ, уходившій черезъ полчаса на юго-западъ Германіи, заплатилъ за билетъ четверть своего состоянія и съ пріятнымъ волненьемъ подумалъ о томъ, какъ безъ всякихъ визъ про-

берется через границу, — а тамъ Франція, Провансъ, а дальше — море.

И когда поѣздъ тронулся, онъ задремалъ, уткнувшись лицомъ въ складки макинтоша, висѣвшаго съ крюка надъ деревянной лавкой.

Берлинъ 1926 г.

КАТАЛОГЪ

К-ва

„Слово“

Русскіе классики

Ам. долл.

А. С. ПУШКИНЪ. Полное собраніе сочиненій, въ 6 томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ и 4 портретами, бр.	2.—
въ полухолщ. перепл.	4.—
въ полукожаныхъ перепл.	6.—
отдѣльные томы бр.	0.40
Н. В. ГОГОЛЬ. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ и 3 портретами, бр.	2.—
въ 5 полухолщ. перепл.	3.—
въ 5 полукожаныхъ перепл.	5.—
отдѣльные томы бр.	0.25
двойные томы въ полухолщ. перепл.	0.65
— Мертвыя души, въ полухолщ. перепл.	0.65
М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. Полное собраніе сочиненій, въ 4 томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ и 3 портретами, бр.	1.—
въ полухолщ. перепл.	2.—
въ 4 полукожаныхъ перепл.	4.—
отдѣльные томы бр.	0.30
въ полухолщ. перепл.	0.50
И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ и 3 портретами, въ полухолщ. перепл.	5.—
отдѣльные томы бр.	0.40
въ полухолщ. перепл.	0.60

А. И. ГЕРЦЕНЪ. Былое и Думы. Въ 5 томахъ. Съ многочисленными портретами и автографами, съ неопубликованной до сихъ поръ частью о семейной драмѣ Герцена, въ полух. перепл.	3.—
въ полукожан. перепл.	5.—
отдѣльные томы бр.	0.40
въ полухолщ. перепл.	0.60
Л. Н. ТОЛСТОЙ. Собрание сочиненій, съ рядомъ портретовъ Л. Н. Толстого. Т.т. I—XI, бр.	4.—
въ полухолщ. перепл.	6.—
отдѣльные томы бр.	0.40
въ полухолщ. перепл.	0.60
— Кружкѣ чтенія. Избранныя Львомъ Толстымъ мысли объ истинѣ жизни и поведеніи, въ 2 томахъ	0.80
въ полухолщ. перепл.	1.20
въ холщ. перепл.	2.—
А. П. ЧЕХОВЪ. Полное собраніе сочиненій, въ 14 томахъ. Съ биографическимъ очеркомъ и 4 портретами, бр.	3.—
въ 14 полухолщ. перепл.	5.—
въ 14 полукож. перепл.	8.—
въ 7 полухолщ. перепл.	4.50
отдѣльные томы бр.	0.25
въ полухолщ. перепл.	0.40
двойные томы въ полухолщ. перепл.	0.65
— Три сестры	0.10
— Дядя Ваня	0.10
— Вишневый садъ	0.10
А. П. ЧЕХОВЪ. Письма къ О. Л. Книпперъ	1.25
Ө. И. ТЮТЧЕВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ, бр.	0.40
въ полухолщ. перепл.	0.60
въ полукожан. перепл.	1.—
БАЙРОНЪ. Мистеріи, пер. И. Бунина	0.30

Современная русская литература

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Стихотворенія. 3 тома.	
Цѣна за томъ	0.60
въ переплетѣ	0.80
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Театръ. (Балаганчикъ. Король на площади. Незнакомка. Дѣйство о Теофилѣ. Роза и Крестъ)	0.60

БАЛЬМОНТЪ. Изъ мировой поэзіи	0.75
въ переплетѣ	1.—
БАЛЬМОНТЪ. Зовы древности. Гимны, пѣсни и замыслы древнихъ	0.75
въ переплетѣ	1.—
БАЛЬМОНТЪ. Подъ новымъ серпомъ	0.75
въ полухолщ. перепл.	1.—
БУНИНЪ. Крикъ и другіе рассказы	0.75
въ переплетѣ	1.—
БУНИНЪ. Роза Иерихона	1.25
ЗИНАИДА ГИППУСЪ. Дневникъ	0.30
М. АЛДАНОВЪ. Девятое термидора	1.50
— Чортовъ мостъ	1.50
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Дальній край	0.75
въ переплетѣ	1.—
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Улица Св. Николая	0.50
СОЛОГУБЪ. Заклинательница змѣй	0.75
въ переплетѣ	1.—
ВАЛЕНТИНОВЪ. Послѣдніе студенты	0.35
Л. БАКСТЪ. Сѣровъ и я въ Греціи	0.30
ЗАМЯТИНЪ. Огни Св. Доминика	0.40
СОБАЧЬЯ ДОЛЯ. Сборникъ рассказовъ А. Реми- зова, Е. Замятина, Соколова - Микитова, В. Ирещ- каго, В. Шипкова	0.40
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Первое свиданіе	0.40
КУЗМИНЪ. Нездѣшніе вечера	0.30
ЮЛІЙ АЙХЕНВАЛЬДЪ. Силуэты русскихъ писа- телей.	
— Томъ II: Новая литература.	
— Томъ III: Новѣйшая литература.	
Цѣна каждаго тома	1.—
СТЕПУНЪ. Основныя проблемы театра	0.50
въ переплетѣ	0.75

Современная иностранная литература

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. Петруша	0.75
въ переплетѣ	1.—
РОМЭНЪ РОЛЛАНЪ. Николка Персикъ	0.75
въ переплетѣ	1.—
КЕЛЛЕРМАНЪ. Девятое ноября	0.75
въ переплетѣ	1.—
СКОТТЪ. Начало	0.40
ПАПИНИ. Конченныи человекъ	0.40

Историко-мемуарная библиотечка

Ам. долл.

ЛУИ МАДЛЭНЪ. Исторія французской революціи.	
Въ двухъ томахъ. Цѣна за оба тома	1.—
въ переплетѣ	1.30
И. О. ЛЕВИНЪ. Эмиграція французской революціи	0.50

Гр. С. ВИТТЕ. Воспоминанія. Дѣтство. Царствованіе Александра III. (Въ одномъ томѣ).	
— Царствованіе Николая II. (Въ двухъ томахъ).	
Цѣна за каждый томъ	1.25
въ переплетѣ	1.50
ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II. Въ двухъ томахъ. Цѣна за каждый томъ	0.75
въ переплетѣ	1.—
ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II. Дневникъ	1.—
въ переплетѣ	1.25
Н. СОКОЛОВЪ. Убіеніе царской семьи	2.—
Генераль А. И. ДЕНИКИНЪ. Очерки Русской Смуты.	
Томъ третій. Бѣлое движеніе и борьба добровольческихъ армій. Май—октябрь 1918 г.	2.50
— Томъ четвертый. Вооруженные силы Юга Россіи	2.50
Генер. Ю. Н. ДАНИЛОВЪ. Россія въ мировой войнѣ	2.—
Баронъ Н. ВРАНГЕЛЬ. Воспоминанія. Отъ безпостного права до большевиковъ	1.—
М. ПАЛЕОЛОГЪ. Романъ Императора. Александръ II и княгиня Юрьевская	0.50
ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II. Событія и образы	0.60
въ переплетѣ	0.80
КРОНПРИНЦЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Воспоминанія	0.60
въ переплетѣ	0.80

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,	
издав. I. В. ГЕССЕНОМЪ. Цѣна отдѣльнаго тома съ I—XI	1.25
съ XII—XVII	2.—

Книга о современной Европѣ

ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ. Сумерки Европы 1.—

Научная библиотечка „Слова“

Ам. долл.

ЭЙНШТЕЙНЪ. Теорія относительности	0.50
— О физической природѣ пространства	0.30
— Математическія основы теоріи относительности	0.40
ФАЯНСЪ. Радиоактивность	0.35
С. МЕТАЛЬНИКОВЪ. Проблема безсмертія и омоложения въ современной биологіи	1.—
П. И. НОВГОРОДЦЕВЪ. Обь общественномъ идеалѣ	1.—
І. В. ГЕССЕНЪ. Исканія общественнаго идеала	0.25
Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ. Смысль жизни	0.75
М. ТУГАНЪ - БАРАНОВСКІЙ. Соціальныя основы кооперации	1.—
А. И. ЧУПРОВЪ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Съ предисловіемъ А. А. Чупрова	0.50
С. ТОТОМІАНЦЪ. Основы кооперации	0.60
С. ТОТОМІАНЦЪ. Примиреніе труда съ капиталомъ	0.60
М. И. РОСТОВЦЕВЪ. Очеркъ исторіи древняго міра	2.—
С. І. ГЕССЕНЪ. Основы педагогики	2.—
ТРУДЫ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ,	
подъ редакціей проф. А. Каминки.	
— Томъ I: Сборникъ статей	0.75
— Томъ II: Сборникъ статей	0.75
— Томъ III: А. Н. Закъ. Разверстка государственныхъ долговъ	0.75
— Томъ IV: Проф. Ѳ. В. Тарановскій. Энциклопедія права, изд. II	1.50
УСТАВЪ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
И ПОЛОЖЕНІЕ О НОТАРІАЛЬНОЙ ЧАСТИ	
въ мягкомъ холщевомъ переплетѣ	1.50
въ мягкомъ холщевомъ переплетѣ	2.—
УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
въ мягкомъ холщевомъ переплетѣ	1.—
въ мягкомъ холщевомъ переплетѣ	1.50

Книги для дѣтей и юношества

В. АЛЬБАНОВЪ. Между жизнью и смертью. (Дневникъ участника экспедиціи Брусилова)	1.—
АФАНАСЬЕВЪ. Русскія дѣтскія сказки. Рисунки П. А. Хентовой	0.75
въ переплетѣ	1.—
Л. ТОЛСТОЙ. Избранныя произведенія	0.75
въ переплетѣ	1.—
ЖУКОВСКІЙ. Избранныя произведенія	0.75
въ переплетѣ	1.—

Ам. долл.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. Избранныя произведенія . . .	0.75
въ переплетѣ . . .	1.—
Ө. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Избранныя произведенія . . .	0.75
въ переплетѣ . . .	1.—
А. П. ЧЕХОВЪ. Избранныя произведенія . . .	0.75
въ переплетѣ . . .	1.—
М. ПЕРВУХИНЪ. Дьяволетто. Разказы для ма- ленькихъ . . .	0.75
въ переплетѣ . . .	1.—
САША ЧЕРНЫЙ. Дѣтскій островъ. Съ иллюстра- ціями Бор. Григорьева, въ переплетѣ . . .	2.50
РАДУГА. Русскіе поэты для дѣтей. Составилъ Саша Черный. Обложка и рисунки К. Л. Богуславской . . .	0.75
въ переплетѣ . . .	1.—

Въ Германію, Данію, Финляндію, Италію, Латвію, Литву, Голландію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Чехословакію, Люксембургъ и Данцигъ книги, по желанію заказчика, высылаются **наложеннымъ платежомъ**. Въ другія страны — по полученіи стоимости заказа. **Деньги могутъ быть посылаемы въ любой котируемой на Берлинской биржѣ валютѣ.**

Въ предѣлахъ Германіи книги высылаются бандеролями, а внѣ предѣловъ Германіи — заказными бандеролями. Болѣе крупныя партіи могутъ быть, по желанію заказчика, высылаемъ почтовыми посылками.

Пересылка считается по себѣстоимости.

Пересылка производится за страхъ и рискъ покупателя.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

BERLIN SW 68, Markgrafenstr. 87

Telephon: Dönhoff 5563, 5564. Postscheckkonto: Berlin 137729.

